

Б. В. ЛУНИН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
И АРХЕОЛОГИИ
В ТУРКЕСТАНЕ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

Б. В. ЛУНИН

ТУРКИСТОНДА
РУС ШАРҚШУНОСЛИГИ
ВА АРХЕОЛОГИЯСИ ТАРИХИДАН

АРХЕОЛОГИЯ ҲАВАСКОРЛАРИНИНГ
ТУРКИСТОН ТЎГАРАГИ (1895—1917 йиллар)

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ—1958

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Б. В. ЛУНИН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
И АРХЕОЛОГИИ В ТУРКЕСТАНЕ

ТУРКЕСТАНСКИЙ КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ
АРХЕОЛОГИИ (1895—1917 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1958

Историографическая работа кандидата исторических наук Б. В. Лунина посвящена характеристике научно-краеведческой деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии, работа которого сопровождалась открытием ценнейших памятников истории материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Эти открытия привлекали внимание виднейших востоковедов и вели к возникновению в их среде плодотворных научных дискуссий.

Работа освещает одну из страниц истории русского востоковедения и способствует уяснению вопроса о прогрессивных последствиях присоединения Туркестана к России в области науки и культуры. Одна из глав книги посвящена акад. В. В. Бартольд, выяснению эволюции его мировоззрения, вопросам его связей с Кружком любителей археологии.

Книга рассчитана на специалистов-археологов, историков и востоковедов, преподавателей и студентов вузов и всех интересующихся вопросами истории археологического изучения Средней Азии и Казахстана.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН УзССР **Р. Н. НАБИЕВ**

ВВЕДЕНИЕ

Решения и указания XX съезда Коммунистической партии Советского Союза побуждают советских историков с новой силой и энергией осуществлять стоящие перед ними ответственные задачи создания марксистско-ленинской истории нашей Родины и всего человечества.

Закономерно возрастает роль советской историографии, ибо ни одна наука не может успешно развиваться без глубокого изучения своей истории. Такое изучение помогает лучше осваивать достигнутые результаты и двигать науку вперед¹.

В настоящей работе мы ставим своей целью содействовать накоплению и изучению материалов к наиболее полному исследованию вопроса о присоединении Средней Азии к России и его прогрессивных последствиях.

Необходимость и своевременность такого изучения очевидны, поскольку именно объективные последствия присоединения к России открыли народам Средней Азии дорогу к обретению свободы и независимости, к расцвету их материальных и духовных сил.

Известно, вместе с тем, что многие стороны столь важного в научном и политическом отношении вопроса, каким является вопрос о присоединении Средней Азии к России, изучены и объяснены (при наличии ряда отдельных ценных работ) еще весьма недостаточно.

Не случайно состоявшаяся по инициативе Академии наук СССР в январе — феврале 1954 г. в Ташкенте Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, сочла нужным указать на необходимость уделить «особое внимание...глубокому раскрытию прогрессивного значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России, изучению исторических корней дружбы между народами нашей страны».²

В отчетном докладе ЦК КПУз XIII съезду Компартии Узбекистана констатировалось, что «серьезным упущением исторической науки является отставание научной разработки

истории советского периода в Узбекистане, прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России»³.

Известно, что быстрый рост крупной капиталистической промышленности во второй половине XIX в. властно требовал внешнего рынка сбыта, ибо внутренний рынок России был чрезвычайно узким, вследствие наличия огромнейших пережитков крепостничества, прежде всего в деревне. Создавалось глубокое противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни.

Царизму удалось ослабить остроту внутренних противоречий и замедлить их разрешение именно за счет расширения территории, чему в значительной мере способствовало наличие в XIX в. рядом с царской Россией огромных пространств, еще не занятых капиталистическими государствами Европы. Русский капитализм имел возможность относительно легко развиваться вширь, распространяя сферу своего господства на новые территории.

Были, разумеется, и другие причины, побудившие царизм к завоеваниям в Средней Азии. Среди них можно указать на желание приобрести новую выгодную сферу для приложения капиталов и обширную колонизационную область для «избыточного» населения России, заполучить в свои руки дополнительный источник денежных средств для казны.

Серьезное значение Средней Азии как рынка сбыта продукции русской промышленности и крупной хлопковой базы все более осознавалось не только торгово-промышленными кругами, но и в сферах правящих кругов России⁴.

Необходимо учитывать также и комплекс внешнеполитических, зачастую весьма существенных и для России и для Средней Азии обстоятельств, в анализ которых мы здесь вдаваться не будем (угрожавшие интересам России захватнические планы английского капитализма в отношении Средней Азии и т. д.).

Сравнительная легкость, с какой царизму удалось осуществить завоевание Средней Азии, объясняется, в первую очередь, тем, что Хивинское, Бухарское и Кокандское ханства находились по существу в состоянии непрерывной войны друг с другом, осложненной борьбой местных феодалов против централизаторских стремлений ханов и эмиров. Длительное состояние феодальной раздробленности и нескончаемые междоусобные войны обусловили к середине прошлого века упадок экономики среднеазиатских ханств, усиление феодального гнета, что задерживало развитие производительных сил и ложилось невыносимым бременем на плечи трудящихся масс.

К началу Крымской войны Россия стояла у самых границ Средней Азии. К этому времени уже были присоединены об-

ширные казахские степи и царская Россия занимала с одной стороны долину реки Сыр-Дарьи до крепости Ак-Мечеть («Оренбургская оборонительная линия»), с другой стороны — Семиречье («Сибирская оборонительная линия»).

В 1863 г. было решено соединить Оренбургскую и Сибирскую линии, заняв Аулие-Ата, Чимкент и Туркестан и перенеся государственную границу России на Арысь. В 1864 г. названные пункты были заняты русскими войсками и царская Россия оказалась в преддверии Ташкента — одного из крупнейших центров Средней Азии, через который, кстати сказать, в значительной мере велась тогда торговля, издавна сближавшая Среднюю Азию с Россией.

Войска были двинуты к Ташкенту, и после двукратного штурма в 1865 г. Ташкент пал.

Тогда же началось дальнейшее продвижение царских войск в глубь Средней Азии. Были взяты крепости Ирджар, Ходжент, Ура-Тюбе, Джизак. Это отрезало и изолировало от Бухары Кокандское ханство. Не ожидая военного разгрома и предвидя его неизбежность, кокандский хан Худояр заключил 29 января 1868 г. мирный договор с Россией, ставивший его владения в вассальную зависимость от последней.

Уже в 1867 г. из всех завоеванных в Средней Азии земель было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе Сыр-Дарьинской (Туркестанской) и Семиреченской областей, с центром в городе Ташкенте. Вскоре начались решительные действия против Бухары. Эмир бухарский был вынужден заключить с Россией в июне 1868 г. мирный договор, по которому Бухара признавала свое вассальное положение.

В 1873 г. был предпринят поход на Хиву. Пала столица ханства — город Хива, и хивинский хан был также вынужден признать себя вассалом русского царя.

В 1876 г. в результате сложных перипетий последовала ликвидация Кокандского ханства и территория его на правах Ферганской области была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

В 1884 г. завершилось присоединение к России западной части Туркестана — Туркмении. Народы Средней Азии оказались теперь под двойным гнетом: царизма и местных эксплуататоров⁵.

В научной литературе в освещении социально-экономических последствий присоединения до сих пор имеют место две одинаково неправильные крайние тенденции. Одна из них сводится к изображению этого присоединения только в мрачных красках, когда за колониальной политикой царизма не видят другой, объективно-прогрессивной стороны присоединения. Другая тенденция заключается в том, чтобы замалчивать, не

вскрывать реакционной сущности колониальной политики царизма и тем самым косвенно оправдывать, реабилитировать колониальный и национальный гнет, что объективно ведет к возрождению легенды о якобы цивилизаторской роли колониализма⁶.

Акад. А. М. Панкратова в своем выступлении на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза указывала, что, «вполне правильно подчеркивая прогрессивное значение присоединения ряда народов к России, некоторые авторы упускают другую сторону дела. Царизм приносил народам жестокий гнет, задерживал их политическое, экономическое и культурное развитие. Известно, что Ленин называл царскую Россию «тюрьмой народов». Только Октябрьская революция разрушила эту тюрьму»⁷.

Сказанное ни в малейшей степени не противоречит выводу о глубоко прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России. В. И. Ленин указывал, что «Признание прогрессивности этой роли (капитализма в хозяйственном развитии России. — Б. Л.) вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма...»⁸. В другом месте В.И. Ленин отмечал, что «кроме царизма и под его крылышком возникла и окрепла уже другая историческая сила, великорусский капитализм, который делает прогрессивную работу, централизуя экономически и сплачивая громадные области».⁹

Прямым следствием присоединения Средней Азии к России явилось долгожданное прекращение феодальных междоусобиц, запрещение рабства.¹⁰

Капиталистическое развитие России втягивало национальные районы в единый всероссийский рынок, разрушало старые, патриархальные устои, ломало замкнутость отдельных районов, выводило их на путь установления экономических связей с хозяйством всей страны. Не надо только забывать, что этот прогрессивный процесс происходил не при сотрудничестве народов, а в порядке угнетения и эксплуатации их царизмом, вызывая сопротивление угнетенных народов, поднимая их на борьбу за свое освобождение.

Не следует здесь упускать из виду и проблему двух основных тенденций в национальном вопросе, которые выражали противоречие между прогрессивным процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения. «Непримиримое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств».¹¹

Одним из существеннейших положительных последствий присоединения было неуклонно растущее влияние передовой

русской культуры, влияние, проникавшее сюда вопреки стремлению царизма держать массы коренного местного населения в темноте и невежестве.

Представители местных феодально-клерикальных и буржуазно-националистических кругов стремились ориентировать народы Средней Азии на отсталый мусульманский Восток (Иран, Турция), не видя или не желая видеть, кто стоит за спиной его властителей. Однако представители прогрессивной общественно-политической мысли — Закирджан Халмухаммед (Фуркат, 1858/59—1909), Мухаммед Аминходжа (Муками, 1850—1903), Ахмед Дониш (1827—1898), Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865), Абай Кунанбаев (1845—1895) и другие звали народы Средней Азии опираться на Россию, сознавая, что, помимо России царя, помещиков, капиталистов, чиновников, есть другая Россия — Россия прогрессивная, страна великого русского народа и великого будущего.¹²

Главное же в оценке значения присоединения Средней Азии заключается в том, что Россия быстрыми шагами шла к революции, что центр мирового революционного движения к началу XX в. постепенно перемещался в Россию. России с ее революционнейшим рабочим классом и крестьянством суждено было стать очагом ленинизма, родиной теории и тактики пролетарской революции. С присоединением к России народы Средней Азии вошли в непосредственное соприкосновение с великим русским народом и его рабочим классом — носителем всепобеждающих идей марксизма-ленинизма. В этом коренился залог полного и действительного национального и социального освобождения трудящихся Средней Азии, свершившегося спустя несколько десятилетий в итоге победы Великой Октябрьской социалистической революции.¹³

Эта единственно правильная постановка вопроса не должна вести к недооценке других последствий присоединения Средней Азии к России, в том числе таких, как культурное влияние России и, в частности, вклад русской науки в изучение природы и истории Средней Азии.

Широко известны слова Энгельса в одном из его писем к Марксу, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» и что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...».¹⁴ Эти слова Энгельса перекликаются с указанием В. И. Ленина: «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».¹⁵

Между тем, цивилизующая роль России в отношении Средней Азии (в данном случае имеется в виду ее культурный ас-

пект), в частности роль русской науки, остается в советской историографии разработанной весьма неполно. Суждения в этом вопросе чаще всего не выходят за рамки констатации общих положений.

Причины отмеченного явления заключены, как мы полагаем, прежде всего в том, что оценить по достоинству крупный и разносторонний вклад русской науки в дело изучения природы и истории Средней Азии можно только тогда, когда мы будем располагать конкретными исследованиями вопроса по отдельным отраслям знаний.

Относительно большое внимание было уделено историографии естественнонаучных изысканий в дореволюционной Средней Азии. Накопилось немало работ и публикаций, посвященных жизни и деятельности выдающихся русских ученых — исследователей Средней Азии: путешественников, географов, геологов, ботаников, зоологов. Публикуются некоторые ранее не изданные материалы, в том числе документальные, к истории изучения природных условий Средней Азии.¹⁶

Неизмеримо более скупо представлена литература посвященная историко-культурному изучению Средней Азии.

Полузабытой является, в частности, деятельность русских научных обществ в дореволюционной Средней Азии, а между тем, она «может и должна стать предметом особого исследования».¹⁷

Нам кажется полезным воскресить деятельность некоторых местных работников, усердно потрудившихся на поприще туркестанского краеведения, точнее — изучения туркестанских древностей, и дать объективную оценку их трудов.¹⁸

Тема нашего историографического очерка — возникновение и развитие деятельности одного из научных обществ Средней Азии дореволюционного времени — Туркестанского Кружка любителей археологии (ТКЛА).

Это была специализированная в области гуманитарных наук научно-краеведческая общественная организация, на протяжении более чем двадцати лет (1895—1917) осуществлявшая работу по изучению археологии и истории материальной культуры Средней Азии. До сих пор не опубликовано даже небольшого сводного очерка, посвященного деятельности ТКЛА¹⁹.

Между тем, труды Кружка оставили заметный след в науке. Некоторые из важнейших научных открытий, находок, и наблюдений членов Кружка в области археологии, эпиграфики и т. д. не раз становились объектом внимания выдающихся представителей дореволюционного русского востоковедения (М. О. Аттая, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, В. А. Жу-

ковский, К. Г. Залеман, К. А. Иностранцев, П. К. Коковцев, Н. Ф. Катанов, И. Ю. Крачковский, П. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, В. Г. Тизенгаузен, В. В. Радлов, В. Р. Розен и др.), вызывали появление в свет их работ, исследований и замечаний и вели к возникновению плодотворных научных дискуссий в общероссийском масштабе.

С первого до последнего дня существования ТКЛА его неизменным активным участником и заботливым наставником являлся Василий Владимирович Бартольд.

Из среды членов ТКЛА вышел ряд крупных исследователей, многие из которых плодотворно работали после Октября на благо советской науки.

Издававшиеся Кружком «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка любителей археологии» (выпуски I—XXI) привлекали внимание многих русских и зарубежных исследователей и в известной степени не утратили своего значения и теперь. Под влиянием Кружка активизировалась деятельность краеведов на периферии Туркестанского края, оживлялась работа местных музеев, обогащались их коллекции.

Положительные и теневые стороны деятельности ТКЛА в большой степени отражали состояние дореволюционного русского востоковедения и археологии и процесс их развития.²⁰

В. И. Ленин указывал, что объективист, говоря «о необходимости данного исторического процесса...», доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов», тогда как «материализм включает в себя... партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».²¹

Мы и стремились к такому историографическому обозрению деятельности ТКЛА, которое, пусть в очень скромной мере, могло бы показать борьбу течений в исторической науке, развитие методов исторических исследований, постепенное обогащение исторических знаний.

Выполненной нами работе сопутствуют библиографический, географический, именной и предметный указатели к Протоколам и сообщениям ТКЛА, список членов Кружка, перечень некоторых источников и литературы по истории материальной культуры и археологии Средней Азии. Машинописные экземпляры всех этих дополняющих работу материалов хранятся в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина (Москва) и Фундаментальной библиотеке Академии наук Узбекской ССР (Ташкент).²²

Г л а в а I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ И ЕГО ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ТУРКЕСТАНЕ И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ НАУКИ ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ

Обстановка, в которой зародилась и протекала деятельность первых научных обществ в Средней Азии, в том числе Туркестанского Кружка любителей археологии, была весьма своеобразной.

С одной стороны, колониальные власти отнюдь не были склонны широко поощрять и материально поддерживать работу научно-общественных организаций, высказывали пренебрежительное, а иногда отрицательное мнение о «затях» местной интеллигенции и начинаниях передовых ученых России. С другой стороны, они не могли не интересоваться по своему изучением Средней Азии — колоссальной территории, которая осваивалась в качестве колониального владения, форпоста царского владычества на Востоке, источника обогащения русских помещиков и капиталистов. Нужно было организовать систему эксплуатации миллионных масс народов Средней Азии, имевших свою многовековую историю, свои традиции и обычаи, свои особенности, свой уклад жизни.

Уже во время походов царских войск в глубь Средней Азии выяснилось вопиющее незнание элементарной географии страны, не говоря уже об ее экономике. Царские власти были поразительно невежественны по части местной географии, и даже «сам» Горчаков просил Кауфмана «по дороге в Хиву... не трогать Кашгара»¹.

Своеобразное кредо царской администрации по адресу востоковедческих изысканий в Средней Азии содержится во встреченном нами в архиве письме от имени помощника командующего войсками Туркестанского Военного Округа генерал-лейтенанта Мациевского на имя Туркестанского отделения общества востоковедения. «Генерал-лейтенант..., прочитав Ваши труды по делам Общества Востоковедения, приказал передать Вам, что его Превосходительство со всеми

вопросами согласен, но главный упущен. Общество должно изучать Восток не для Востока и науки, а для слияния народностей с Россией — обрусения»².

Связь между правительственными замыслами и появлением научных работ была обычной. Вспомним, например, что появлению известного труда Бичурина (Иакинфа) мы обязаны тем, что в 1846 г. Бичурин получил от Академии наук задание написать сочинение на данную тему, ибо «в 1847 году русские войска начали наступление на Среднюю Азию и для Академии Наук составление такого труда имело особо актуальное значение»³.

Прогрессивно настроенную часть русской интеллигенции влекли в Среднюю Азию интересы бескорыстного изучения этой огромной, богатейшей по своим природным данным и культурному прошлому и так мало изведанной страны.

Известный русский востоковед И. П. Минаев, говоря о странах по течению Аму-Дарьи, подчеркивал, что «научный интерес, связанный с изучением этих стран, независимо от интереса политического, громаден» и что «и этнограф, и лингвист, и археолог и историк... одинаково останавливаются на этих малоизвестных, но тем не менее любопытных краях»⁴.

Знаток истории изучения Средней Азии акад. В. В. Бартольд писал, что «образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время... вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях, но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого»⁵.

При этом, поскольку к моменту присоединения к России Средняя Азия и особенно некоторые местности ее (например, Таджикистан) представляли собой страну, очень слабо исследованную даже в географическом отношении, ученым и краеведам, подвизавшимся на поприще изучения Средней Азии, неизбежно приходилось становиться в большей или меньшей степени исследователями-энциклопедистами.

Ярким примером сказанного могут служить крупнейшие исследователи Средней Азии А. П. Федченко и И. В. Мушкетов, которые в своих капитальных работах по географии, геологии, ботанике и зоологии Средней Азии сообщают также немало различных сведений исторического и этнографического характера, приводят данные об отдельных памятниках старины. То же можно сказать об «энциклопедичности» В. Ф. Ошанина и многих других местных (туркестанских) деятелей.

О том, в какой обстановке зарождалась и проходила в колониальном Туркестане деятельность научных обществ и организаций, свидетельствует печальный пример с попыткой

организовать в 70-х годах прошлого столетия «ученое общество под названием Среднеазиатского». Проект устава Общества, разработанный группой культурных деятелей под руководством А. П. Федченко, был передан в 1869 г. генерал-губернатору Туркестанского края К. П. Кауфману и последним переслан на рассмотрение военного министра. Фактически Общество уже приступило к своей деятельности, но ответа военного министра так и не последовало, дело заглохло, и Общество прекратило свою деятельность в 1872 г.⁶

Вспомним и поучительный эпизод с Ташкентской публичной библиотекой. Достаточно было черносотенному писателю — чиновнику В. В. Крестовскому — заявить о повышенном спросе читателей на сочинения Салтыкова-Щедрина, Добролюбова, Писарева и Некрасова, как по его рапорту туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Черняев поспешил своим приказом за № 312 от 31 декабря 1882 г. распорядиться: «Дальнейшее существование этого учреждения в качестве самостоятельного прекратить», и библиотека, просуществовавшая более двенадцати лет и накопившая к тому времени 13040 томов, прекратила свою деятельность. Очередной генерал-губернатор Розенбах снисходительно разрешил в порядке просвещенного благотворительства восстановить библиотеку.⁷

Политическая реакция в России 80-х годов XIX в., в свою очередь, не могла не отразиться на развитии научно-общественной работы в колониальных окраинах Российской империи. Власти стали с еще большей подозрительностью относиться к возникновению новых ученых обществ, научно-краеведческих кружков, библиотек, к возможному расширению их рядов за счет прогрессивно настроенных слоев интеллигенции.

Появление в Фергане известного исследователя академика А. Миддендорфа вызвало срочное, исполненное подозрений донесение ферганской полиции военно-уездному начальнику, что приехавший, «странствуя верхом, глядит на землю, смотрит вдаль и постоянно пишет»⁸.

В. В. Бартольд писал под впечатлением своей поездки в Среднюю Азию в 1893—1894 гг.: «О тех трудностях, с которыми связано производство исследований, может иметь истинное понятие только тот, кто сам ездил в Среднюю Азию с какой-нибудь научной целью... Кочевники... всегда подозревают, что тут скрывается какой-нибудь неприятный для них административный проект. Киргизы почти на всем пути принимали нас за землемеров, приехавших отнимать у них землю...»⁹.

Для полноты картины остается кратко охарактеризовать центр Туркестанского генерал-губернаторства — Ташкент, в котором протекала деятельность ТҚЛА и ряда других научных обществ края.

Вовлечение в орбиту капиталистического развития России влекло за собой рост торгового оборота Ташкента (в 1875 г. — по ввозу и вывозу 13 470 590 р., в 1890 г. — 21 204 183 р.).¹⁰

В 1897 г. население Ташкента составило 155 673 человека.¹¹

В Ташкенте размещались все учреждения, составлявшие Управление Туркестанского генерал-губернаторства: административные, финансовые, военные. В Ташкенте же находилось управление губернатора Сыр-Дарьинской области.

«Более чем на какой-либо другой окраине, — замечает акад. В. В. Бартольд, — в Туркестане вся умственная жизнь сосредоточивалась в одном городе. Отъезд из Ташкента в другие местности Туркестана считался отъездом «в провинцию». Но вся эта общественная жизнь сосредоточивалась в русской части; не делалось никаких серьезных попыток приобрести к ней туземцев»¹².

Город печально славился поведением «господ ташкентцев», дикими злоупотреблениями представителей царской администрации и глумлением их над коренным населением вновь приобретенной колониальной окраины.

Поучительно признание Н. П. Остроумова — одного из туркестанских краеведов, человека сугубо реакционных взглядов, близко стоявшего к чиновничьей среде края и его столицы — Ташкента.

«Огромное большинство нас, — писал Н. П. Остроумов, — плохие культуртрегеры, не только не подготовленные к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящиеся выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане как на этап в своей служебной карьере»¹³.

И вообще царские власти стремились направлять в Среднюю Азию в первую очередь тех представителей служилой интеллигенции, «благонадежность» которых не вызывала сомнений и которые должны были выполнять вспомогательную роль в деятельности колониально-чиновничьего аппарата, быть его подспорьем.

Чрезвычайно рельефную характеристику быта и нравов Ташкента времени основания Туркестанского Кружка любителей археологии дает в своей неопубликованной рукописи проф. Л. В. Ошанин: «Русское гражданское население, — пишет он, — ютилось в домиках-полусаках вокруг небольшой крепости. По ту сторону арыка Бозсу, от Урды, откуда ныне к центру «Старого города» идет широкий асфальтированный проспект с двойной колеей трамвая, начиналась обнесенная высокими глинобитными стенами узбекская часть города, обширнейший «Старый город»... Эта часть города... продолжала жить всеми традициями восточного мусульманского средневековья. Жизнь

«старого» и «нового» городов не имела ничего общего. Так, в сущности, продолжалось вплоть до Великой Октябрьской революции.

... Мостовых не было: в слякоть грязь была непролазная.

Улицы не освещались. Еще в мои отроческие годы по углам улиц кое-где торчали одинокие фонари, в которые вставлялись керосиновые лампочки...

В центре внимания военной администрации, командиров частей, немногочисленных государственных служащих и их жен была жизнь двора урым-падишаха, полуцаря, генерал-губернатора.

Остальную часть русского населения составляло немногочисленное духовенство, торговцы и разного рода мещане, устремившиеся во вновь завоеванный край с целью наживы. Последние и составляли массу знаменитых «ташкентцев» нашего сатирика Салтыкова-Щедрина...

Пили много. Особенно военные. Картеж процветал.

Таков был маленький и глухой городишко «русский Ташкент» той эпохи.¹⁴

* * *

Наш анализ вопроса был бы неполон, если бы мы не предпослали обзору деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии еще и общих данных, рисующих состояние и уровень развития русской археологии и востоковедения времени образования и начала работы Кружка.

Конец XIX в. (период образования ТКЛА) был временем начала революционно-преобразовательной деятельности В. И. Ленина, открывшей собой новый этап в развитии исторической науки, этап, в известной мере подготовленный деятельностью Г. В. Плеханова.

Осенью 1893 г. В. И. Ленин выступил с рефератом «По поводу так называемого вопроса о рынках», в котором с марксистских позиций истолковал возникновение и развитие капиталистических отношений в России и положил начало циклу своих работ, дававших научный анализ общественно-экономического строя России. В следующем году появилась в свет ленинская работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» — манифест рождавшейся марксистской революционной партии в России. Полемизируя в этой работе с субъективистскими взглядами народников, Ленин, развивая взгляды Маркса и Энгельса, показал обусловленность хода истории объективными законами экономического развития, зависимость сознания, идей и права людей от условий материальной жизни общества, решающее место народных масс в истории, великую историческую роль рабочего класса

России, основные задачи русских марксистов. Эта и другие работы Ленина были историчны в самом высоком и глубоком значении этого слова.

В эти же годы Ленин развернул большую организационную работу по строительству партии, ознаменовавшуюся, в частности, образованием в 1895 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Теоретические труды и организационная работа Ленина воспитывали и сплачивали его единомышленников и боевых соратников по строительству революционной марксистской партии в тот ответственный период (конец XIX— начало XX в.); когда капитализм вступил в новую эпоху — эпоху империализма, когда центр революционного движения перемещался в Россию — страну, ставшую узловым пунктом всех противоречий империализма и стоявшую на пороге величайшей народной революции, основные вопросы которой были в то же время основными вопросами мировой революции.

Ленинский этап в развитии исторической науки имел особое значение и для истории народов Востока. Шаг за шагом, из года в год развивал В. И. Ленин и свои взгляды на прошлое и будущее восточных стран и народов.

Не надо забывать при этом, что после выхода на историческую арену марксизма-ленинизма в России, зарождения и развития марксистско-ленинской историографии буржуазная историография стала носить еще более реакционный характер, соскальзывать на путь фальсификаторства. Напомним слова Маркса, что «буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹⁵.

90-е годы явились в жизни царской России периодом свирепой политической, дворянско-крепостнической реакции, наступившей после революционной ситуации 1879—1880 гг., не перешедшей в революцию. «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного приюба была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией...»¹⁶

На смену лорис-меликовскому режиму пришел «твердый правительственный курс», без «колебаний», время «контрреформ», долженствовавших исправить «роковые ошибки» 60-х годов. Эта политика «контрреформ» сказалась и в области культуры и просвещения. Власти стремились к ликвидации даже тех ограниченных уступок в области просвещения, какие вырвала у царизма «эпоха реформ» 60 —

70-х годов. Резко проявилась насильственная руссификаторская политика царизма, свирепые гонения обрушились на национальную культуру населявших Россию народов.

Встревоженные возрастающими выступлениями пролетариата представители буржуазно-дворянской историографии России подобно тому, как это имело место на Западе, выдвигали положения об «исконности» и «незыблемости» эксплуататорского строя, опровергали исторически преходящий характер капитализма, отрицали (В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский) возможность повторяемости явлений и процессов у различных народов и, обманывая этим других и самих себя, старались доказать возможность избежать революционных потрясений, снять с повестки дня вопрос о роли революции в историческом процессе.

В. И. Ленин, констатируя наличие смятения в буржуазной науке, писал: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл... мертвой и мертвящей схоластики...»¹⁷

Поскольку, однако, поворот правящих кругов в сторону дворянско-крепостнической реакции произошел в обстановке продолжавшегося развития капитализма в стране, царские власти, в силу объективных законов экономического развития, уже не были в состоянии приостановить развитие революционных сил. Сбывалось ленинское указание, что и реакционные периоды способны выполнять в истории революционную роль. Неудержимо развивались производительные силы, продолжался процесс консолидации рабочего класса, обострялись социальные противоречия, создавались объективные условия для возникновения союза рабочего класса и крестьянства, и именно к 90-м годам прошлого столетия Россия «выстрадала марксизм» (Ленин).

Всем ходом исторического развития перед русским обществом были поставлены задачи буржуазно-демократической революции. Россия была охвачена революционным брожением, и под прямым или косвенным влиянием демократических идей шел процесс развития передовой русской науки, в частности прогрессивного направления в русском востоковедении.

Завоевание Средней Азии породило обширную литературу. Но еще В. В. Григорьев отмечал ее дилетантский, поверхностный характер, отсутствие глубоких и прочных знаний описываемого края.¹⁸

Положение дел меняется в период 90—начала 900-х годов. Определелись сферы влияния России и Англии в Сред-

ней Азии (памирское разграничение), стала более стабильной и спокойной военно-политическая обстановка. Капиталистическая Россия вступила в период промышленного подъема. Расширилась сеть железных дорог, связывавших Туркестанский край с центральными областями России. Возрос удельный вес Туркестана в общероссийской экономике.

Естественно, что в этих условиях с новой силой проснулся интерес к прошлому и настоящему Туркестана, его экономике и культуре, быту населяющих его народов. В Туркестане чаще стали появляться ученые специалисты центральных научно-исследовательских учреждений и организаций.

Перед русскими археологами, востоковедами открывалось обширное поле деятельности. «Русскому государству досталось обладание крупными культурными центрами древнего человечества: Сибирью, Крымом, Кавказом с Закавказьем, а в последнее время — Западным Туркестаном и Закаспийской областью... В России можно найти древности почти всех времен... Древности, находящиеся в пределах России, могут показать смену былых цивилизаций, самостоятельных или заимствованных, бедных или пышных, и взаимные отношения народов между собою...

Следует ожидать, что при благоприятных условиях археология России со временем займет первенствующее место в науке о древностях вообще».¹⁹

Фактически, однако, археология долго существовала в качестве одного из разделов дворянской исторической науки в России.

По свидетельству акад. С. А. Жебелева (1867—1941) в Императорской археологической комиссии русская археология особым престижем не пользовалась, ее мало знали и мало ею интересовались... Петербургские археологи занимались отчасти классической археологией, отчасти нумизматикой, больше же архивными исследованиями и изучением древностей, хоть и археологических, но в земле никогда не лежавших.²⁰ По словам Жебелева, в те времена в наших университетах археологические курсы не читались, а из истории искусства читалась лишь история греческого искусства, да и то лишь для студентов-классиков... На памятники материальной культуры только начинали, да и начинали-то с опасением, смотреть, как на исторический источник, к которому нужно подходить с приемами такой же исторической критики, какая применяется к показаниям источников письменных.²¹

Все же к середине столетия начинает возникать и развиваться буржуазное направление в науке и, в частности в археологии. Многие русские буржуазные ученые-археологи методикой и методологией своих работ не только не уступали

своим западноевропейским коллегам, но и превосходили их по уровню научных исследований²².

Но, как правило, дореволюционные ученые, изучавшие прошлое и настоящее Средней Азии... рассматривали культурно отсталые группы населения как некий «этнографический заповедник». Советский же исследователь всегда и прежде всего видит перед собой человеческий коллектив той или иной ступени общественного развития, коллектив, состоящий из людей с их нуждами, стремлениями и идеалами²³.

Это относится и к изучению памятников и предметов древности.

Известны слова Маркса, что «каждая вещь, каждый предмет материальной культуры отражает проявляющиеся в них «отношения» между людьми и, в конечном счете, между классами, которые (отношения) всегда связаны с вещами и проявляются как вещи».²⁴

Не только местные археологи-краеведы, но и многие крупные специалисты-археологи дореволюционного времени оставались «вещеведами» в узком значении этого слова. Вещеведческая обработка материала, сама по себе являющаяся необходимой стадией в работе археолога, становилась некоей самоцелью и за ней нередко упускалось исследование памятников в плане исторического анализа и обобщения.

При таком подходе к делу, конечно, не оставалось или оставалось очень мало места и народу как подлинному творцу истории.

Видные представители русской археологии Н. И. Веселовский и А. А. Спицын так характеризовали в 1899 г. общее положение дел в отечественной археологии: «Успехи русской археологии еще незначительны... Еще ни одна из отраслей русской археологии не может быть изучаема систематически; в каждой из них существуют огромные пробелы, которых нельзя наполнить одними догадками. Мы еще не имеем обозрения русских древностей, не имеем даже простого, механического подсчета их типов».²⁵

Подобного рода характеристика с еще большим основанием могла быть приложена к Средней Азии — недавно приобретенной колоннальной окраине царской России.

К этому надо добавить, что подавляющее большинство русских археологов конца XIX в. стояло на позициях историков-идеалистов, хотя тенденции своеобразного, неосознанного материализма были не столь уж редки в трудах русских археологов.

В общем, во второй половине XIX в. росло количество специальных учреждений, занимавшихся археологией (Исторический музей в Москве, Московское археологическое общество,

Русское археологическое общество и др.). На периферии также возникали археологические общества и другие научные и краеведческие организации. Вопросами археологии занимались многие губернские архивные комиссии и частично статистические комитеты. Наряду с учеными, археологией занимались любители старины, краеведы, которые хотя и были в массе своей дилетантами, тем не менее обогатили науку рядом важных открытий и наблюдений.

Во второй половине XIX в. развернулась деятельность таких выдающихся русских археологов, как Д. Н. Анучин (1843—1923), Н. Г. Бранденбург (1839—1903), Н. И. Веселовский (1848—1918), В. А. Городцов (1860—1945), И. Е. Забелин (1820—1908), Л. К. Ивановский (1845—1892), Д. Я. Самоквасов (1843—1911), А. А. Спицын (1858—1931), А. С. Уваров (1828—1884), В. В. Хвойка (1850—1914) и многих других, чьи труды принесли русской археологии мировую известность. Недостаток же крупных теоретических работ у археологов этого времени отчасти объясняется тем, что время, когда археология начала осознавать себя как историческую науку, — конец XIX и начало XX в. — ознаменовалось наступлением кризиса в буржуазной исторической науке в целом. В этот период проблемы закономерности, историзма, прогрессивности постепенно сходят на нет, сменяются эклектикой и даже полным отказом искать какие-либо законы истории²⁶.

Что касается русского востоковедения того времени, то в отличие от буржуазных востоковедов Запада, за редким исключением настойчиво проповедовавших якобы извечную застойность стран и народов Востока и утверждавших полную неспособность последних к самостоятельному и творческому развитию, ряд востоковедов России проявлял сочувственное отношение к народам Востока, в большей степени интересовался социально-экономической стороной дела, а иногда делал критические замечания по поводу наиболее отрицательных проявлений колонизаторского режима.

Идейная борьба в рядах русских востоковедов привела к тому, что монархически-колониаторское направление в русском востоковедении было вынуждено уступить прогрессивным тенденциям²⁷.

Дореволюционным востоковедам, в том числе наиболее крупным — Розену, Бартольду, Жуковскому и другим, были присущи непонимание объективной закономерности исторического процесса, представление о государстве как надклассовой силе. Однако, вместе с тем, они проявляли большой интерес к проблемам не только политического и религиозного, но и социально-экономического характера²⁸.

К концу прошлого столетия русское востоковедение в лице

лучшей части своих представителей добилось крупных для своего времени успехов, выдвинуло ряд ученых с мировой известностью, накопило и изучило огромное количество материалов.

Вместе с тем, при всех своих общепризнанных достижениях, основанных на глубоком знании русскими востоковедами восточных языков, первоисточников, дореволюционное русское востоковедение ограничивало себя преимущественно сферой филологических изысканий (с привлечением археологических и других памятников) и мало занималось вопросами социально-экономического развития стран Востока в новое и новейшее время, особенно вопросами национально-освободительной борьбы народов Востока. Естественно также, что буржуазная методология лишала дореволюционных востоковедов возможности раскрытия подлинных законов общественного развития. Между русским академическим востоковедением и современной ему жизнью народов Востока существовал непреодолимый для буржуазной науки разрыв.

В свете сказанного легче понять, в чем заключались и чем были обусловлены и достоинства и недостатки в деятельности Туркестанского Клуба любителей археологии.

Г л а в а II

ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ

Туркестанский Кружок любителей археологии начинал свою деятельность отнюдь не на «пустом месте».

Существует очерк, дающий краткий общий обзор археологических работ в пределах Туркестана за время после присоединения его к России¹. Он доведен до основания Туркестанского Кружка любителей археологии, деятельность которого и лежит в центре внимания нашей работы.

Укажем и некоторые другие, справочного характера, работы².

В своем очерке (составленном, дабы «Кружок имел отправные точки прежних исследований») ³ Н. С. Лыкошин отмечает работы В. В. Верещагина и П. И. Лерха (1867), осмотр самаркандских древностей А. Хорошхиным (1872), данные Кушакевича о памятниках древности Ходжентского уезда, открытие трех могил в Самарканде (1875), описание М. Ростиславовым раскопок Борзенкова на городище Афрасиаб (1874), открытие развалин Местериян-и Мешед в Туркестанской степи (1876), находки и открытия в окрестностях Ташкента (1875—1878), раскопки на Афрасиабе В. В. Крестовского (1883), развалины Ахсыкента в Ферганской области, работы Н. И. Веселовского в Ахсы, Самарканде и других местах (1885), описание некоторых туркестанских древностей Д. Л. Иванова (1885), данные о Мерве и других памятниках древности Закаспийского края, раскопки Н. П. Остроумова в Ташкенте на земле Никифорова (1887 и 1893), древности Ваулинского холма, памятники старины по дороге от Ташкента к Чимкенту и в окрестностях Чимкента, клад, обнаруженный близ сел. Мамаевки, Чимкентского уезда (1893), раскопки А. И. Симонова на Шок-тюбе, одного из городищ Джиты-асар (1893)⁴.

Что касается отдельных конкретных данных, то, помимо весьма значительного запаса сведений, накопленных русски-

ми людьми, проникавшими в Среднюю Азию до середины XIX в., в познавательном активе русской науки по Средней Азии к середине прошлого столетия числилось уже немало достижений.

К середине столетия учащаются случаи пребывания в Средней Азии любознательных путешественников и пытливых ученых-наблюдателей, сообщавших свои общие впечатления и наблюдения, суммарные обзоры виденного и иногда трактовавших об отдельных памятниках местной древности⁵.

Однако запас научно проверенных и обобщенных данных еще не был достаточен для истолкования далекого прошлого отдельных районов Средней Азии в плане историко-археологических очерков.

Интересно, что по совету В. В. Григорьева оренбургский купец Н. М. Зайчиков (Деев) в 1861 г. пожертвовал Русскому археологическому обществу 500 рублей в качестве премии за сочинение на тему: «О древностях Сыр-Дарьинского края»⁶, от которого по условиям премии требовалось «1) чтобы в нем описаны были все важнейшие остатки сооружений прежнего времени (каковы городища, разрушившиеся укрепления, кладбища, караван-сарай, каменные мосты, отдельные могилы и проч.), какие только существуют в настоящее время по берегам рек Сыра и Яны-Дарьи и на пространстве, заключающемся между этими реками; 2) чтобы к описанию городищ и укреплений приложены были планы их; 3) чтобы собраны были из печатных источников важнейшие известия, относящиеся до топографии и истории означенного края, с древнейших времен до настоящего, и 4) чтобы все это заключалось исследованием о причинах, по коим этот край, некогда плодородный и густонаселенный, обратился в пустыню. При совершенно удовлетворительном исполнении двух первых условий, от исторической части, собственно, больших достоинств не требуется»⁷.

Характерно, что ни одно сочинение на тему премии представлено не было.

Пожалуй, в строго научном отношении больше всего было сделано в области восточной, в том числе среднеазиатской, нумизматики. Ко времени создания ТКЛА русская нумизматика уже располагала капитальными работами И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Григорьева, Б. А. Дорна, П. И. Лерха, В. Г. Лихачева, П. С. Савельева, О. И. Сенковского, Г. С. Каблукова, В. Г. Тизенгаузена, Н. В. Ханькова, Х. Д. Френа и других, в том числе такими, как специальное исследование В. Г. Тизенгаузена «О саманидских монетах», удостоенное 28 декабря 1852 г. четвертой премии ИРАО, его же работа «Монеты Восточного халифата», удостоенная большой серебряной медали Общества, П. И. Лерха — «Монеты

Бухар-худатов» (осталась незаконченной). Этапным был и доклад П. С. Савельева о важности изучения восточной нумизматики и археологии в России⁸.

В 60—70-х годах в руках отдельных исследователей и любителей старины уже сосредоточились крупные нумизматические собрания по Средней Азии.

При решении вопроса о созыве в Петербурге в 1876 г. Третьего международного конгресса ориенталистов было постановлено, что «на первом плане в его занятиях будет Русская Азия», в том числе Средняя Азия⁹. При этом учитывалось, что «труды по изучению и приведению в известность стран и народов Востока, совершенные в России, недостаточно известны самой массе отечественной публики, и еще менее знакомы Западной Европе»¹⁰. Составление историко-библиографического обзора тех трудов, «которые совершены в нашем отечестве по части изучения Востока», принял на себя в Средней Азии В. В. Григорьев («Этнографическое и историко-археологическое обозрение Средней Азии») ¹¹.

Изучение древностей Средней Азии заняло определенное (правда, не очень большое) место и в работах археологических съездов, созывавшихся через каждые 3—5 лет.

В истории туркестановедения запечатлены имена Е. Ф. Каля и особенно А. Л. Куна.

А. Л. Кун (служивший по окончании в 1865 г. Петербургского университета в Оренбурге) был направлен в Среднюю Азию по рекомендации В. В. Григорьева с поручением собирать материалы и коллекции для ученых обществ России. Приехав в Туркестан в 1868 г., он остался здесь до начала 80-х годов, успешно осуществляя свою миссию. Его многочисленные информации о местных памятниках древности возбуждали оживленный интерес к ним в среде ученой и широкой общественности.

В 1871 г. А. Л. Кун выслал в Петербург пятнадцать ящиков с археологическими находками, в том числе один с находками из Ташкента¹².

В очерках Шахрисябзского бекства А. Л. Кун коснулся некоторых вопросов прошлого главного города кешского вилайета Шахрисябза XVIII—XIX вв. и одним из первых в наше время дал сжатое описание его архитектурных памятников.

«А. Л. Кун с 1868 г. работал в Туркестане; уже в первом номере «Туркестанских ведомостей»... он поместил первое печатное известие о знаменитом «Османовском» Коране... И впоследствии он опубликовал там много статей о вакуфах, о мусульманской схоластической образованности в Средней

Азии, о разных вопросах местной жизни. В 1882 г. в связи с перемещением по службе он переехал в Вильну, где и умер в 1888 году»¹³.

Особой заслугой А. Л. Куна надо считать составление получившего признание научной общественности «Туркестанского альбома», содержащего множество фотографий памятников древности края и съемки планов архитектурных памятников Самарканда, осуществленные военно-инженерной дистанцией. Многие из фотографий альбома фиксируют памятники в том их виде, в каком они уже не находятся в наши дни, а иногда и такие памятники, которым (или остаткам которых) вообще не было суждено сохраниться до сегодняшнего дня. Тем самым альбом приобрел значение ценного источника.

Составление Туркестанского фотографического альбома относится к 1870—1872 гг.¹⁴. Выпущенный в количестве нескольких экземпляров и содержащий в себе свыше 1200 снимков, он должен был «представить наглядно Туркестан и его жизнь в отношениях: археологическом, историческом, этнографическом и индустриальном»¹⁵.

Чрезвычайно существенную помощь всем интересующимся древностями Средней Азии оказал также широко известный «Туркестанский сборник», который является одним из замечательнейших памятников культурной работы передовой русской интеллигенции в дореволюционном Туркестане¹⁶.

Составление «Туркестанского сборника» неразрывно связано с именем крупного русского библиографа, человека редкой и неутомимой трудоспособности В. И. Межова (1831—1894). Именно он положил начало составлению сборника и именно он осуществил сбор материалов для 1—416 томов (1867—1887). Он же разработал затем и подробные указатели к этим томам, три части которых вышли в Петербурге в 1878 (I), 1884 (II) и 1888 (III) гг.¹⁷

Видное место в серии первых археологических изысканий русских ученых в Туркестанском крае принадлежит П. И. Лерху.

По словам А. Ю. Якубовского, «начало изучению развалин долины нижнего течения Сыр-Дарьи... положено было еще в 1867 г. одним из талантливых востоковедов XIX столетия П. Лерхом»¹⁸.

С 1860 г. П. И. Лерх состоял членом Русского археологического общества, а в 1873 г. был избран его секретарем. В Среднюю Азию он был командирован Обществом в 1867 г. для исследования джанкентских и других развалин в долине р. Сыр-Дарьи. Результаты поездки были опубликованы в 1870 г.¹⁹

Немногословный, уместившийся на нескольких десятках страниц отчет Лерха был насыщен большим фактическим, тщательно комментированным материалом и являлся для своего времени образцом подхода к изучению туркестанских древностей.

В своей поездке 1867 г. П. И. Лерх уделил особое внимание эпиграфическим наблюдениям. «Надписи у Лерха неизменно стояли на первом плане», — свидетельствует В. А. Крачковская²⁰.

Перу П. И. Лерха принадлежала также составленная им по поручению Русского географического общества инструкция для русских офицеров — участников похода 1873 г. в Хиву. Написанная с хорошим знанием дела и с учетом среднеазиатской специфики, инструкция эта ориентировала на самое разностороннее изучение Хивинского оазиса, но особое внимание уделяла вопросам розыска, описания и сохранения археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников²¹.

Заметим, что поездки ученых российской столицы в Среднюю Азию (П. И. Лерх, А. Л. Кун) явились следствием инициативы профессора и декана восточного факультета Петербургского университета А. К. Казембека (1802—1870)²², предложившего командировать на лето молодых востоковедов в Туркестан для собирания эпиграфических и нумизматических материалов²³.

Заметный след оставили путешествия по Туркестанскому краю в 1868—1872 гг. Алексея Павловича Федченко (1844—1873) и Ольги Александровны Федченко (1845—1922). Оба они, работая в области географии, зоологии (А. П. Федченко), ботаники (О. А. Федченко), уделяли во время своих поездок по Туркестанскому краю определенное внимание антропологии, этнографии и памятникам древности²⁴. Особо следует отметить заслуги О. А. Федченко в деле зарисовок памятников древней архитектуры. Талантливая художница, бравшая уроки у А. К. Саврасова, Ольга Александровна много и успешно рисовала во время своих поездок по Туркестанскому краю и была одним из пионеров среднеазиатской темы в русской художественной литографии. Среди ее рисунков видное место занимает фиксация памятников прошлого²⁵.

Отдельные сведения о памятниках древности можно встретить и в трудах других ученых и путешественников, в частности у Ч. Ч. Валиханова (1835—1865), давшего сведения о Таш-Рабате, кокандском укреплении Куртка и др., у Н. П. Игнатъева — о Хиве и Бухаре, М. И. Венюкова (1832—1901) — об Иссык-Куле, А. К. Гейнса (1834—1892) и др.

Одной из первых и наиболее примечательных публикаций местных работников о памятниках древности края явилась напечатанная в 1879 г. в «Туркестанских Ведомостях» статья Д. М. Граменицкого²⁶.

Справедливо отмечая трудности, связанные с их изучением (изменения с течением времени «названий не только городов, но даже целых народов», одинаковые для разных местностей легенды и т. д.), автор статьи приходил к верному выводу, что «весьма любопытный материал для изучения древних урочищ находится в них самих», и предвещал, что, судя по случайным находкам, «обширные поиски не будут тщетны»²⁷.

В 80-х годах первым на городище старого Мерва — Гяур-Кала, одном из крупнейших на территории нашей страны городищ, осуществил небольшие рекогносцировочные раскопки А. В. Комаров. Его внимание привлекла наиболее древняя часть городища — Эрк-Кала (Эрки-тепе). К сожалению, результаты раскопок Комарова почти не были освещены в печати²⁸.

В то же время Среднюю Азию посетил В. В. Радлов (1839—1918), совершивший в 1868 г. путешествие по долине Зеравшана и уделивший особое внимание архитектурным памятникам Самарканда²⁹. В 1869 г. В. В. Радлов побывал в Джунгарской степи и Семиречье³⁰.

Краткий общий очерк исторических судеб Ферганской долины дал академик А. Миддендорф, автор известной работы «Об естественных условиях Ферганы по отношению к ее сельскохозяйственной обстановке»³¹.

Множество ценных для археолога сведений содержали известные труды И. В. Мушкетова.

Не случайно уже первый том труда И. В. Мушкетова³² вызвал рецензию В. В. Розена, отметившего, что «несмотря на строго специальный, судя по заглавию, характер, капитальный труд И. В. Мушкетова заслуживает также полного внимания и наших ориенталистов, интересующихся Средней Азией»³³.

Розен особенно отмечал главу о Самарканде и местных памятниках древности и со своей стороны предлагал возможные поправки к предложенному Мушкетовым чтению некоторых арабоязычных надписей из Самарканда и Термеза.

Усилению интереса к прошлому Самарканда и его замечательным памятникам содействовало также появление в 1881 г. осуществленного И. И. Срезневским перевода сочинения Рюи Гонзалеса де Клавихо о его путешествии 1403—1406 гг. ко двору Тимура в Самарканде.³⁴

Будучи участником известной Самарской ученой экспеди-

ции, художник Н. Е. Симаков занялся фиксацией памятников художественной культуры в Самарканде и его окрестностях; следствием его трудов явился выпуск в свет известного и первого в своем роде альбома «Искусство Средней Азии» (1883). Выход в свет альбома был чрезвычайно тепло встречен и высоко оценен В. В. Стасовым, особо отметившим творческую роль «тюркских народностей» в создании богатейшего среднеазиатского искусства.

На Афрасиабе (Самарканд) в 1874 г. вел работы Борзепков и в 1883 г. — В. В. Крестовский,³⁵ от раскопок которого веяло таким безнадежно-невежественным дилетантизмом, что Императорская археологическая комиссия сочла за благо приостановить их. В дело вмешались видные ученые, даже из числа тех, кто не занимался непосредственно изучением среднеазиатских памятников древности. Мы имеем в виду крупнейшего востоковеда-индолога И. П. Минаева (1840—1890).³⁶ И. П. Минаев решительно настаивал на раскопках Афрасиаба под неперемнным руководством специалиста-археолога, знакомого с древностями Средней Азии.³⁷

Косвенно именно работами Крестовского было вызвано направление в 1883 г. Археологической комиссией в Туркестан профессора Петербургского университета ориенталиста Н. И. Веселовского.³⁸

Работы Н. И. Веселовского³⁹ составляют существенную страницу в истории изучения древностей Средней Азии. «Заслуги Н. И. Веселовского перед русской наукой велики. Не выполнив всего сам, он сумел найти верное направление, и на долю современного поколения востоковедов и эпиграфистов выпала ответственная задача. — продолжить усовершенствованными методами и, где возможно, завершить дело, начатое Н. И. Веселовским в Средней Азии».⁴⁰

Н. И. Веселовскому мы обязаны и как автору составленного им в 1882 г. проекта программы собирания сведений о древних городах Туркестанского края.⁴¹

Впервые Н. И. Веселовский получил научную командировку в Туркестан в 1884 г. от имени Археологической комиссии с заданием «произвести систематические раскопки как на Афросиабовом городище, так и в других наиболее интересных пунктах этого района и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении».⁴²

С его первой командировки на городище Афрасиаб и начинается многолетняя и энергичная раскопочная деятельность Веселовского.⁴³ Он вел археологические наблюдения в Сыр-Дарьинской и Ферганской областях, в бассейне Зеравшана, посещал Бухару и т. д.⁴⁴

Инициативе Н. И. Веселовского мы обязаны составлением первого подробного топографического плана развалин древних городов Средней Азии в крупном масштабе: мы имеем в виду план средневекового шахристана Самарканда, снятый в 1885 г. военно-топографическим отделом в масштабе 25 сажен в одном дюйме с соответствующим сечением горизонтали.⁴⁵

Н. И. Веселовскому принадлежал также обширный замысел опубликовать в достойном издании все выдающиеся архитектурные памятники Самарканда с содержащимися в них настенными, надгробными и другими надписями⁴⁶ («Самаркандские мечети»)⁴⁷ Решению этой задачи были посвящены экспедиции 1895—1896 и 1898—1899 гг. под руководством Н. И. Веселовского и при участии архитектора П. П. Покрышкина, художников С. М. Дудина, М. В. Печаткина и В. И. Быстренина.⁴⁸

На заседании ВОРАО 27 мая 1886 г. Н. И. Веселовский прочитал реферат о среднеазиатских курганах, подразделявшихся им на две основных категории: курганы могильные и жилые. Первые попадают большими группами до 100 курганов и более рядом и носят у туземцев собирательное название Минг-тепе («Тысяча холмов», правильнее: Минг-тепе). Курганы жилые, по всей видимости, служили укрепленными убежищами на случай опасности.⁴⁹

На заседании 29 апреля 1886 г. Н. И. Веселовский сообщил свои соображения по вопросу о том, существуют ли в Средней Азии подделки древностей.⁵⁰

Следует особо отметить, что в известный период времени (до того, как в научно-востоковедческой жизни Туркестана стал играть возрастающую роль В. В. Бартольд) проф. Н. И. Веселовский в определенной мере выполнял функции покровителя и наставника местных работников-краеведов.⁵¹

Иногда чрезмерно и запальчиво взыскательный в оценке трудов местных деятелей (как это, например, имело место в его рецензии на книгу В. П. Наливкина «Краткая история Кокандского ханства»), Веселовский, вообще говоря, относился к начинаниям краеведов весьма благожелательно и внимательно и поощрял их изыскания.⁵²

Он интересовался судьбами ташкетского и других музеев, газетой «Туркестанские Ведомости» («если соберусь написать что-нибудь о Туркестане в газетах, то непременно упомяну и о Туркестанской газете», — писал Веселовский; «не можете ли Вы добыть фотографических карточек с вещей Ташкентского музея»; «отчего не высылают план Афросиабова городища...; здесь мы предполагаем учинить большое издание по ар-

хеологии Средней Азии..., нет ли в Ташкенте чего-нибудь по части надписей или вообще пригодного для предполагаемого издания? Если кто даст какие заметки или сообщения, примем с благодарностью;... на счет кокандской истории Сатархана я говорил с Тизенгаузенем;... с удовольствием читал в «Туркестанских Ведомостях» о Ваших⁵³ археологических работах. Надо, очень надо, чтобы таковые производились, но еще более надо, чтобы этим занимался не всякий»⁵⁴). Помогал Веселовский туркестанским краоведам своими советами и консультациями, посылкой литературы, чтением надписей на древних памятниках, подсказывал им, в каких направлениях надо действовать («Вот было бы хорошо достать список Бабур-Намэ. У г. Арендаренко в Самарканде я видел такую рукопись»; «Вероятно Вы получили из Арх. общества биографию Григорьева? На днях пошлю Вам другую работу, напечатанную в Географическом обществе...» и т.п.).

По поручению Археологической комиссии Веселовский вел переговоры с местными археологами касательно раскопок близ Ташкента и в других районах и инструктировал их.⁵⁵

Н. И. Веселовский стремился подсказать местным работникам наиболее целесообразные объекты изучения. Так, критикуя компилятивную поверхностную книжку Ланглэ о Тимуре, переведенную уроженцем Туркестанского края молодым работником Н. Суворовым и изданную в Ташкенте (1890 г.), Веселовский писал: «...среди нашей интеллигенции в Туркестане существует, и, как видно, все более и более усиливается интерес к местной истории и местной старине, а вместе с тем является и желание чем-нибудь по мере сил удовлетворить потребности в руководствах и пособиях всякого рода. Но чтобы такая деятельность была плодотворною, нужно выработать для нее некоторые принципиальные положения и установить правильное направление...»⁵⁶

Очень интересно выступление Н. И. Веселовского 31 января 1904 г. в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии с докладом о ближайших задачах исследования Средней Азии.⁵⁷

Автор курса основ археологии проф. А. В. Арциховский дает такую оценку работам Н. И. Веселовского: «Во второй половине XIX в. в состав России вошла Средняя Азия с ее старинными городами. Эти города, высокоразвитые уже в глубокой древности, а в средние века культурнейшие в мире, драгоценны для археологии, но раскопки там сложны и трудны. Сначала пришлось ограничиваться археологическими разведками. В Средней Азии их удачно провел Н. И. Веселовский. Рассеянные по средней Азии холмы, так называемые

«тепе», иностранными путешественниками принимавшиеся за курганы, он определил правильно: это холмы, выросшие из строительств остатков древних жилищ.⁵⁸

Недостатки работ Н. И. Веселовского как раскопщика общезвестны. Не менее известна и присущая ему как буржуазному востоковеду склонность избегать в своих работах широких исторических обобщений.

В 1890 г. в Туркестане побывала Председательница Русского археологического общества П. С. Уварова.⁵⁹

Накануне открытия Кружка появилось в печати одно из лучших для своего времени исследований: написанная «блистательным образом» книга В. А. Жуковского о развалинах старого Мерва, дававшая обстоятельное изображение главнейших фазисов в судьбе этого некогда цветущего города, подробное описание теперешних, хотя и обширных, но жалких остатков его и прекрасный образец систематической и строго научной разработки собранных по этому предмету материалов.⁶⁰

В отзыве, опубликованном в «Археологических известиях и заметках», говорилось, что книга Жуковского — «крупный и ценный вклад в русскую археологическую литературу».⁶²

О работе В. А. Жуковского Бартольд писал: «...можно сказать с уверенностью, что... появление такого труда, как книга В. А. Жуковского о Мерве» должно вызвать «целый ряд других исследований как о том же городе, так и о других городах той же эпохи и того же края; во всяком случае казалось бы немислимым говорить о прошлом города, которому посвящен такой обстоятельный труд и не пользоваться этим трудом».⁶³ Такое указание, заметим, было сделано Бартольдом в связи с игнорированием некоторыми иностранными учеными (Г. Шмидт, ле Стрэндж) работы Жуковского и недооценкой некоторыми отечественными исследователями вопроса об условиях орошения в Закаспийской области.⁶⁴

В другом месте Бартольд говорит о работе Жуковского как о капитальном труде, составленном по первоисточникам, какого нет до сих пор ни в одной из европейских литератур ни для одного из городов Средней Азии или Персии.⁶⁵

Мервская монография В. А. Жуковского по настоящее время занимает видное место в числе публикаций, посвященных араб- и особенно персоязычной эпиграфике Средней Азии; в этой части исследования В. А. Жуковского, — замечает В. А. Крачковская, — особенно ценно скрупулезное отношение к источникам, в том числе к неизданным сочинениям в русских рукописных собраниях, которыми автор пользовался мастерски.⁶⁶

А. Ю. Якубовский с позиции советского исследователя дает следующую общую характеристику работы В. А. Жуков-

ского «Развалины старого Мерва»: «Автор этой ценной для своего времени книги,— пишет А. Ю. Якубовский,— собрал из письменных первоисточников огромный фактический материал о Мерве от древнейших времен и до XIX в., был сам на развалинах Мерва, описал остатки последнего, а именно: городища Гяур (Герб)-кала, Султан-кала, Абдулла-хан-кала, Байрам-Али, отражающие Мерв в разные эпохи его существования. В. А. Жуковский пробовал сопоставить данные письменных источников с материальным описанием умершего города, занимался вопросами исторической топографии и т. д. Однако ни одного важного вопроса по существу исторического развития города Мерва В. А. Жуковский не поставил, да и не мог поставить. Его работа не вышла за пределы изучения форм городской жизни, точнее, материального их выражения (стены, башни, водоснабжение, благоустройство, типы жилых домов, дворцов, храмов, историческая топография и т. д.)».⁶⁷

Как и другие русские востоковеды, В. А. Жуковский стоял на страже добросовестного отношения к познанию Туркестанского края и сообщения достоверных сведений по его истории. Свидетельством сказанного может являться, к примеру, резко отрицательный отзыв В. А. Жуковского о легковесной, безответственной, насквозь дилетантской книге князя Эспера Ухтомского «От Калмыцкой степи до Бухары»⁶⁸. В этой книге Ухтомский пытался сообщать и некоторые данные о памятниках древности (Мерв и другие). «Для веского суждения (о Туркестанском крае),— писал Жуковский,—...нужна не поэтическая душа, всем вдохновляющаяся, а положительные сведения, действительное и серьезное изучение края, хотя бы и не продолжительное».⁶⁹

Особую страницу как в самой истории изучения древней материальной культуры Средней Азии, так и в истории борьбы за необходимость изучения историко-культурного прошлого среднеазиатских народов занимают выступления в печати выдающегося русского критика-демократа Владимира Васильевича Стасова (1824—1906), страстного и стойкого продолжателя великого дела В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского.

В. В. Стасов был организатором специальной выставки среднеазиатских рукописей XV—XVII вв. «по преимуществу рукописей «джагатайских»; выставка демонстрировалась в 1887 г. в рукописном отделении Публичной библиотеки в Петербурге.⁷⁰

Крупной заслугой В. В. Стасова является то, что он смело противопоставил свою точку зрения о существовании в древнем искусстве (живописи и художественной промышленности) самобытного среднеазиатского стиля — широко распространен-

ному тогда взгляду буржуазной историографии, согласно которой культурные достижения населения Средней Азии приписывались исключительно Ирану.

В. В. Стасов утверждал, что среднеазиатские мастера в своем творчестве (рукописи, миниатюры и др.) никогда не утрачивали элементов «своего средневекового характера и орнаментики, особенно же своего самостоятельного, оригинального колорита, своих гармонических пестрых тонов, **столь** отличных от красочной гаммы китайской, персидской и арабской».⁷¹

Более того, в отношении, например, рукописей и сопровождающих их рисунков. В. В. Стасов держался убеждения, что персидские художники средних веков уступают своим среднеазиатским собратьям и что, хотя в среднеазиатских рисунках и нет типичной для персидского искусства утонченности, они «имеют нечто свое, очень характерное, сильное и могучее, верно изображающее в лицах и физиономиях — тип среднеазиатский, тюркский ...; и формы и краски были здесь свои особенные».⁷² Время показало правоту взглядов В. В. Стасова, подтвержденных замечательными открытиями советских ученых, уводящими нас к источникам своеобразной древней живописи Средней Азии.⁷³

С присущей ему страстностью В. В. Стасов не без основания укорял специалистов за то, что столь примечательный предмет старины, как посеребренный (обитый серебряными листами с тисненным узором) деревянный трон хивинских ханов «в течение 12 лет (после включения его в состав собрания Оружейной Палаты. — *Б. Л.*) не успел возбудить к себе любопытства ...археологов». Сам Стасов дал весьма обстоятельное исследование вопроса.⁷⁴

* * *

В деле ознакомления научной и широкой общественности с памятниками древности Средней Азии и фиксации их должны быть отмечены заслуги русских художников — профессионалов и любителей.⁷⁵

На первом месте здесь по праву стоит имя В. В. Верещагина, посетившего Среднюю Азию в 1867—1868 и затем в 1869—1870 гг. Достаточно вспомнить такие картины В. В. Верещагина, как «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде» (масло, 1869—1870),⁷⁶ «Двери Тамерлана», известная ранее под названием «Двери во дворце Средне-Азиатского владыки», «У дверей мечети», «Группа мавзолеев Шах-Занда в Самарканде».

С поразительным техническим мастерством запечатлел, например, В. В. Верещагин искусную орнаментацию дверей.⁷⁷

«Нужно было обладать, — пишет один из исследователей творчества Верещагина, — высоким мастерством рисунка и колорита и большой любовью к декоративной красоте созданных народами Востока орнаментов, чтобы с такой терпеливой тщательностью и точностью изобразить филигранную красоту орнаментов дверей».⁷⁸

Характерно, что сам художник никогда не забывал, какую ценою возводились эти роскошные памятники материальной культуры. Об этом свидетельствует серия картин Верещагина, объединенная общим заглавием «Варвары» («У гробницы святого» и, прежде всего, «Торжество Тамерлана» или «Апофеоз войны»). Примечательно, что сам Верещагин, аннотируя свою всемирно известную картину с изображенной на ней пирамидой из желтоватых черепов на фоне желтых песков пустыни, руин средневекового восточного города и бледно-синего неба, писал, что «эта картина исторически верна: Тимур или Тамерлан, заливший кровью всю Азию и часть Европы... везде соорудил подобные памятники своего величия».⁷⁹ Не менее поучительно и посвящение картины: «Всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». Прекрасные архитектурные памятники, созданные по велению жестоких властителей трудом и талантом народных масс и вышедших из народа мастеров, не заслонили от передового русского художника своей социальной основы.

Зарисовки Верещагина были тщательно сделаны. Их содержание, композиция, свет, точность контурного рисунка всегда и строго соответствуют натуре. В то же время эти зарисовки не техничны, а живописны в лучшем смысле этого слова. Воспроизводя историко-архитектурные памятники с едва ли не предельно возможной для живописца точностью, Верещагин умел в то же время отлично передать ощущение пластического объема здания, его материала, его тяжести, органически запечатлеть его связь с пейзажем.

Серия рисунков, сделанных с памятников Самарканда, Ташкента и других городов Средней Азии, вошла в известный верещагинский альбом Туркестанского края.⁸⁰

В. В. Верещагин специально интересовался археологией Средней Азии вплоть до того, что сам производил небольшие раскопки и был владельцем коллекции местных предметов древности. Так, по пути следования в Ташкент Верещагин посетил развалины Джанкента и пытался продолжить здесь раскопки, начатые П. И. Лерхом; раскопки обнаружили костные останки людей и животных, фрагменты керамики, терракотовые изделия, обломок рельефной надписи.⁸¹

Собранные в Туркестане археологические находки В. В. Ве-

решагин демонстрировал на открывшейся в 1869 г. в Петербурге выставке его туркестанских работ.

Предшественником Верещагина по времени работы был художник Д. В. Вележев (1841—1867), иллюстрировавший книгу П. И. Пашино о Туркестанском крае.⁸² На многих рисунках Вележева зафиксированы памятники старины Ташкента, Ходжикента и др.⁸³

Собранием историко-культурных предметов располагал также известный художник и писатель Н. Н. Каразин (1842—1908), очевидец походов русских войск в Среднюю Азию, одно время служивший в войсках Туркестанского округа.

В своих зарисовках пером и кистью Каразин не поднимался до больших обобщений, свойственных, скажем, некоторым живописным полотнам В. В. Верещагина. Его картинам был присущ известный бытовизм, а его заказным полотнам «Хивинский поход», «Штурм Геок-Тепе») — внешняя декоративность.

В свете же специальных интересов нашей работы мы должны отметить ценность осуществленных Н. Н. Каразиным зарисовок ряда памятников среднеазиатской старины, служащих своеобразным источником или пособием для археологов и историков архитектуры, черпающих из этих зарисовок утраченные детали некоторых памятников, их общий антураж.

Н. Н. Каразин собрал также большую личную коллекцию «всевозможных восточных вещей, старинного оружия и т. п.», которая, к сожалению, незадолго до смерти ее владельца была распродана с аукциона.⁸⁴

Ряд рисунков с изображением самаркандских и других памятников сделал Д. Л. Иванов⁸⁵. Интересны биографические данные Иванова. В бытность студентом Московского университета, в 1865 г. он был арестован и затем отдан в солдаты и зачислен в состав одного из батальонов, несших службу в Туркестанском крае. За боевые заслуги Иванов удостоился производства в офицеры. Любознательность к новому краю, его природе, культуре и быту и свела художника с О. А. Федченко в ее путешествиях по Туркестанскому краю⁸⁶.

В 1860—1887 гг. несколько сот акварелей с натуры сделал художник-любитель военный инженер Д. К. Зацепин, строитель ряда зданий в Ташкенте. Часть акварелей хранится в Историческом музее (Москва) и Этнографическом музее (Ленинград).⁸⁷

Посетивший Среднюю Азию в 1887—1888 гг. художник Л. Е. Дмитриев-Кавказский опубликовал в 1894 г. свои путевые записки с многочисленными рисунками, среди которых

мы встречаем зарисовки памятников материальной культуры.⁸⁸

Участниками похода 1873 г. также было много собрано различных культурных и художественных раритетов⁸⁹.

Участник похода капитан Д. М. Резвой собрал в Куня-Ургенче образцы древних изразцов и сделал по маршрутам похода ряд зарисовок, в том числе встречавшихся развалин, образцов старинной домашней утвари и т.п.⁹⁰

Драгоценный материал содержит также хранящийся ныне в Государственной Публичной библиотеке имени А. Навои альбом карандашных рисунков, сделанных с натуры участником хивинского и кокандского походов 1873 и 1875 гг. капитаном Дикгофом. Рисунки Дикгофа дают возможность судить об утраченных памятниках или их деталях.⁹¹

Резвой, Дикгоф и другие печатали свои зарисовки историко-культурных памятников Средней Азии на страницах русских иллюстрированных журналов. По рисункам ротмистра Алиханова-Аварского изготовлялись полнотипажи для журнала «Всемирная иллюстрация», по рисункам капитана Федорова делались ксилографические полнотипажи для книги очевидца хивинского похода 1873 г. американского репортера Мак-Магона.⁹²

Ряд зарисовок оставил художник-любитель офицер Литвинов. Ему принадлежит иллюстрированный им очерк «Керки», в котором он приводит краткие данные о местных памятниках древности⁹³.

Интересно отметить поездку художника Н. Н. Щербины-Крамаренко в Среднюю Азию по поручению Академии художеств. Она была связана с происходившей в России дискуссией об исторических корнях, самобытности приемов русского зодчества и влиянием на них извне. В этой дискуссии участвовали В. И. Даль, В. В. Стасов, И. Е. Забелин и другие. Виолле ле Дюк указал на исходный пункт мотивов русского орнамента и приемов русского зодчества, на Среднюю Азию и даже Индию. Такое мнение, — указывал в заседании ТКЛА Щербина-Крамаренко, — «...возбудило, разумеется, живой интерес к среднеазиатской архитектуре»⁹⁴.

О своих работах в Средней Азии в 1895—1897 гг. Н. Н. Щербина-Крамаренко делал доклад в заседании Кружка 10 ноября 1897 г.

В 1895 г. Щербина-Крамаренко занялся изучением мечети Биби-Ханым в Самарканде и произвел на дворе ее раскопки, причем обнаружил основания колонн из песчаника с надписями и орнаментами весьма тонкой и изящной работы. В 1896 г. он продолжил детальное изучение мечети Биби-Ханым и посетил восточную часть бухарских владений до Термеза, где

собрал богатейшую коллекцию черепков с надписями и орнаментами и снял надпись на гробнице Хакими Термези. В 1897 г. художник принялся за изучение мечети Шах-и Зинда в Самарканде и здесь также сделал ряд важных наблюдений.

Н. Н. Щербина-Крамаренко впервые (после осмотров Федченко и Северцева) дал также более или менее подробное описание памятников Узгена (1896 г.)⁹⁵.

В конце столетия ценные зарисовки историко-архитектурных памятников Шахрисябза были сделаны с натуры В. В. Верещагиным (1897 г.) и Вилье, а фотографии с них были осуществлены инженером-архитектором Петровским и топографом Дубровским⁹⁶.

Исполненная в красках зарисовка Вилье была опубликована в 1883 г. в известном альбоме Симакова⁹⁷, один из этюдов А. В. Шусева был передан им в дар Археологической комиссии в Петербурге⁹⁸.

* * *

Во второй половине XIX в. развернулась деятельность группы собирателей древностей, коллекционеров; некоторые из них станут впоследствии членами ТКЛА.

К числу коллекционеров-нумизматов принадлежали генералы Абрамов (занимавшийся сбором монет в Самарканде и населенных пунктах Ферганской долины) и Головачев; древние монеты, собранные последним, демонстрировались в составе экспонатов Туркестанского Отдела Политехнической Выставки 1872 г.⁹⁹ Ценное собрание культовых предметов накопил в Кульджинском районе Г. А. Колпаковский¹⁰⁰. Золотые и серебряные монеты собирал генерал А. С. Галкин.

По своей обширности и составу особо выделялось археолого-нумизматическое собрание генерала А. В. Комарова (Ашхабад), к составлению которого он приступил в 1887 г., это была, по отзыву современника, «настоящая сокровищница всевозможных местных древностей». В 90-е годы XIX в. в состав его нумизматической коллекции входило 687 монет; ею заинтересовался известный русский востоковед В. Г. Тизенгаузен¹⁰¹.

В одном из своих описаний восточных монет В. Г. Тизенгаузен назвал А. В. Комарова «неутомимым собирателем и любителем восточных монет»¹⁰², а А. К. Марков говорит о его «богатой коллекции»¹⁰³. «У него (А. В. Комарова.—Б. Л.), — замечает автор статьи «Археология в Закаспийском крае», — имеется целый музей исторических древних предметов и монет, добытых в пределах области в 1883—1889 годах»¹⁰⁴.

Нумизматическая коллекция Комарова впоследствии была

приобретена Эрмитажем. Предметы древности¹⁰⁵ А. В. Комаров принес в дар Русскому археологическому обществу.

На заседании ВОРАО 30 сентября 1904 г., состоявшемся после кончины А. В. Комарова, проф. В. Р. Розен говорил о нем, как об одном «из деятельнейших членов Общества в области восточной нумизматики»¹⁰⁶.

Вместе с тем, не приходится преувеличивать собирательскую деятельность царских генералов и сановников. Отдельные из них, собирая предметы материальной культуры, исходили из какого-то минимума научно-любительских интересов, и принадлежавшие им коллекции лишь в небольшой степени делались достоянием научной общественности. Подобные Галкину, а таких было немало, просто прикладывали свою жадную руку к местной экзотике, руководствуясь прежде всего соображениями узкого честолюбия (почему бы, например, участнику того или иного среднеазиатского похода не потрясать воображения друзей и знакомых богатыми коллекциями в восточном духе)¹⁰⁷ или даже просто материальными корыстолюбивыми интересами.

Обширную коллекцию древних и новых среднеазиатских музыкальных инструментов составил ташкентский военный капельмейстер А. Ф. Эйхгорн¹⁰⁸.

В 80-х годах прошлого столетия приступает к сбору археологической и нумизматической коллекции неутомимый исследователь Средней Азии военный инженер И. Т. Пославский. Как указывает М. Е. Массон, впоследствии часть богатейшей коллекции Пославского находилась в фондах Туркестанского Восточного института.¹⁰⁹

Большим собранием древностей, с течением времени поступившим в Ташкентский музей, располагал Е. Ф. Каль; в нее входили преимущественно предметы, обнаруженные или скупленные в районах Керки, Самарканда, Ташкента и Термеза¹¹⁰.

Капитан И. И. Трофимов (по словам Протоколов Кружка «единственный в Туркестанском крае знаток восточной нумизматики») представлял Кружку просьбу об издании «составленного им каталога принадлежащих ему восточных монет и рисунки последних». За отсутствием технических к тому возможностей ТКЛА письмом № 27 от 13 марта 1901 г. просил об издании труда Трофимова Восточное Отделение Русского археологического общества.¹¹¹

Археологические находки имелись и в составе собрания «предметов старины и разных местных изделий, преимущественно киргиз», накопленного А. И. Добросмысловым. Последний имел что-то вроде частного музея; его собрание в определенные дни и часы было доступно для обозрения всем интересующимся.¹¹² В конце концов собрание Добросмылова

было распродано по частям; 22 экспоната попало в Оренбургский музей.¹¹³

В Коканде собранием рукописей и археологических предметов располагал бывший слушатель Бартольда М. Ф. Гаврилов.¹¹⁴

Собранием восточных рукописей занимался переводчик при Ферганском областном правлении Ю. К. Казбеков; некоторые рукописи этого собрания осматривал В. В. Бартольд.¹¹⁵

Добрую память оставил по себе Л. С. Барщевский.¹¹⁶ В заметке «Незаменимые люди» Ю. О. Якубовский писал о Барщевском: «Спросите любого из ученых исследователей нашего края, — русских и иностранцев — Бонвало, Н. И. Веселовского, А. А. Бобринского, В. С. Липского, Н. Н. Щербину-Крамаренко, профессора В. В. Бартольда и других, — чем каждый из них был обязан этому страстному путешественнику-любителю, избородившему со своим проводником Якубом вдоль и поперек Бухарские владения и Зеравшанский бассейн. Хорошая половина коллекций Самаркандского музея пожертвована Львом Семеновичем».¹¹⁷

Другим крупным собранием древностей в Самарканде располагал художник-реставратор М. В. Столяров, который не считал, однако, предосудительным для себя сбывать вещи из своего собрания заграничным музеям Европы и США.¹¹⁸

В Самарканде протекала и деятельность Г. А. Панкратьева. «Заслуга Г. А. Панкратьева, — писал Ю. О. Якубовский в заметке «Незаменимые люди», — состоит в том, что он... исполнил самый полный и детальный... альбом памятников древности города Самарканда и его окрестностей. Альбом этот, снабженный толковым переводом местных куфических и арабских надписей на мавзолеях, был выпущен в продажу всего в нескольких десятках экземпляров...»¹¹⁹ Г. А. Панкратьев изготовил также и изящную модель мавзолея Туркан-ака в ансамбле Шах-и Зинда,

Очень большим собранием древностей обладал В. Л. Вяткин.

Обширными коллекциями располагали Б. Н. Петров-Борзна (нумизматика) и Б. Н. Кастальский.

В. В. Бартольд, осматривавший в 1916 г. личные собрания Вяткина и Кастальского (Самарканд), писал: «Оба собрания представляют большой интерес; к сожалению, ни то, ни другое до настоящего времени не имеет описи с указанием происхождения отдельных предметов, и сведения об этом могут быть даны только самими владельцами по памяти».¹²⁰

Ценной коллекцией древностей располагал в Самарканде Ростиславов. Н. И. Веселовский писал 16 мая 1886 г.: «Коллекция Ростиславова, собранная в Самарканде, пропала бес-

«следно (кроме рукописей) со всеми ее золотыми монетами и иными». ¹²¹

В начале столетия приступает к сбору древних и старинных монет любитель нумизматики С. М. Нижанский (Ташкент); ему было суждено дожить до советского времени, и он не раз жертвовал монеты местным и центральным (Эрмитаж) музеям. (Сведения о С. М. Нижанском заимствованы нами из рукописи Г. Н. Чаброва «История музейного дела в Средней Азии», Т., 1949, стр. 64).

П. А. Комаров запечатлел свое имя как собиратель этнографических коллекций. Им, в частности, была собрана уникальная коллекция кукол — персонажей узбекского кукольного народного театра — и записана «рисоля» цеха артистов.

В Ташкенте располагал большим личным собранием древностей И. А. Кастанье. ¹²²

В этот период появляются и усердные собиратели древностей в среде верхушечной части коренного местного населения.

В Самарканде, например, владелец фабрики шелковых изделий Мирза Бухарин Мирза Абдуллин сумел собрать археолого-нумизматическую коллекцию, ценность которой видна уже из одного того, что часть ее была включена впоследствии в состав эрмитажных собраний. ¹²³

Мирза Бухарин Мирза Абдуллин при наездах в Петербург посещал Н. И. Веселовского (которому оказал услуги при работах в Самарканде в 1885 г.), и тот вместе с И. И. Толстым ознакомил его с собраниями Эрмитажа, а затем принял участие в заседании Восточного Отделения Русского археологического общества по докладу проф. В. В. Радлова о ярлыках Тохтамыш-хана и Тимур-Кутлука, причем, — свидетельствует Абдуллин, — «у меня спрашивали объяснения некоторых слов, и я, что знал, объяснил». ¹²⁴

Мирза Барат Мулла Касымов (Самарканд), будучи прекрасным художником-каллиграфом, предпринял работу по составлению альбома надписей на памятниках древности Самарканды; им же были зарисованы надписи Джизакского ущелья. Сохранился изготовленный Мирзой Баратом рукописный чертеж самаркандского медресе Улугбека. Ему же принадлежал перевод с таджикского на узбекский «Самарии» Абу Тохир Ходжи. Свое собрание рисунков он демонстрировал в 1886 г. на Туркестанской кустарно-промышленной выставке в Ташкенте, за что был премирован. ¹²⁵

Другой любитель старины, Гафиз, коллекционировал археологические находки. По смерти Гафиза его наследники продали коллекцию другому собирателю — Л. С. Барщевскому (указание Г. Н. Чаброва). Стараниями последнего состав коллекции был

значительно приумножен, в частности за счет находок предметов древности в пределах Восточной Бухары и особенно за счет находок, сделанных самим Барщевским на городище Афрасиаб (Самарканд). Д. И. Эварницкий свидетельствует, что в составе обширной коллекции Барщевского находились сотни керамических фрагментов, изделия из стекла и бронзы, обломки оссуариев с украшениями, до 500 терракот и до 10 000 монет.¹²⁶ Конечная судьба коллекции Гафиза — Барщевского была весьма печальной. Тщетно ратовал владелец коллекции, чтобы она была приобретена за малую сумму для образуемого Самаркандского музея или куплена за счет сумм Императорской археологической комиссии в Петербурге. Дело завершилось тем, что нуждавшийся в деньгах Барщевский был вынужден продать коллекцию иностранцу Манжини (г. Лион, Франция). Лишь небольшая часть коллекции была куплена у Барщевского купцом Решетниковым (Москва) в январе 1896 г., уступившим ее Самаркандскому статистическому комитету, подготавливавшему открытие музея в городе Самарканде.¹²⁷

Активным собирателем древности был ташкентский купец Акрам Аскарлов (Акрам-Палван), уроженец кишлака Ашту в Фергане, умерший в 1891 г.¹²⁸ Акрам Аскарлов привлекался к участию в исследовательских работах, проводимых в Туркестане под руководством Н. И. Веселовского, по словам которого Аскарлов приобрел, в частности, такой навык в собирании древних монет, что «не будучи грамотным, довольно точно определял время их чеканки».¹²⁹

В 1887 г. Русское археологическое общество наградило Акрама Аскарлова «за услуги, оказанные археологии», малой серебряной медалью с надписью «За содействие успехам археологии».¹³⁰

В заметке «Туземец-археолог» говорится, что «Палванов... был выдающимся собирателем археологических редкостей в Туркестане... Покойный почти не знал русской грамоты, но зато разбирался не хуже ученого ориенталиста в мусульманской литературе. Он вел очень простой образ жизни, внешне ничем не отличался от всех остальных туземцев».¹³¹

Как свидетельствует Н. С. Лыкошин, он был «знаком с покойным археологом (А. Аскарловым.— Б. Л.) и исполняя обязанности секретаря Туркестанского Кружка любителей археологии, знакомился и с коллекциями редкого между туземцами любителя старины. Видел коллекции и на юбилейной выставке 1890 года».¹³²

По смерти Аскарлова (Палванова) его собрание было распродано по частям и попало в разные руки.

Приведенные выше данные характеризуют в общих чертах ход развития работ в области накопления знаний из истории

материальной культуры Средней Азии ко времени основания ТКЛА и начала его действий. Это был как бы первый период археологического изучения края, период, длившийся до середины девяностых годов XIX столетия. Как видим, накопление этих знаний и материалов осуществлялось, с одной стороны, учеными-специалистами Петербурга, Москвы и иных научных центров, с другой — усилиями местных жителей: краеведов, любителей старины, коллекционеров.

Тем самым подготавливалась почва для создания специализированной научно-краеведческой организации, какой и суждено было стать Туркестанскому Кружку любителей археологии, открывшему своей деятельностью второй период в истории археологического изучения местного края, период появления здесь ТКЛА и других научных обществ и начала посещения Средней Азии В. В. Бартольдом, под руководством которого происходило дальнейшее изучение памятников древности Средней Азии.

Уже в 80-х годах XIX в. в Ташкенте обозначилась группа лиц (чиновников, учителей, врачей) — будущих членов ТКЛА, интересующихся вопросами изучения историко-культурного прошлого Туркестанского края. Некоторые из них, действуя в одиночку или будучи в той или иной мере связаны с функционировавшими тогда в Ташкенте научно-краеведческими организациями (не носившими специально гуманитарного характера), уже зарекомендовали себя практической деятельностью в этом отношении.¹³³

Среди них был директор Ташкентской мужской гимназии Н. П. Остроумов, организационно связанный с тогдашним официальным (правительственным) специально-археологическим учреждением — Археологической комиссией в Петербурге, с Московским археологическим обществом и др.¹³⁴

Как отмечает автор очерка археологических изысканий в Туркестанском крае, «до 1886 г. в Туркестанском крае не производилось самостоятельных раскопок и систематических археологических исследований. В крае не было ни лица, ни учреждения, которое имело бы с Археологической Комиссией постоянные и при том официальные сношения и представляло бы из себя местный орган этой комиссии. В 1886 году Н. П. Остроумову было предложено Археологической Комиссией принять на себя эти сношения...».¹³⁵

11 декабря 1893 г. на заседании Туркестанского отдела Русского Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии состоялись выступления Н. П. Остроумова и находившегося тогда в Туркестане В. В. Бартольда «по части археологии».¹³⁶

«В нашем крае,— говорил Остроумов,— находится необъятное количество археологических памятников в виде курганов...

городищ и развалин городов...». Отметив затем, что до настоящего времени археологических раскопок в крае произведено немного, Остроумов сообщил о результатах этих раскопок. В заключение докладчик высказал мысль о необходимости принять меры к охране остатков старины, находящихся в крае.¹³⁷

В. В. Бартольд, информировавший участников собрания о произведенных им археологических изысканиях 1893 г., со своей стороны указал «на важное значение работ местных деятелей на поприще археологии», выражая надежду, что «исследование памятников искони культурной и оседлой Трансоксианы» может быть частично осуществлено местными работниками.¹³⁸

Как говорится в информации о заседании 11 декабря 1893 г., «по поводу обоих этих сообщений (Остроумова и Бартольда.— Б. Л.) произошел оживленный обмен мнениями, причем... было решено сформировать в Ташкенте археологический кружок. Немедленно после этого было приступлено к составлению проекта и затем проект был представлен на утверждение».¹³⁹

Устав Кружка был утвержден министром народного просвещения 31 октября 1895 г.¹⁴⁰

Как гласил параграф 2 устава, деятельность Кружка должна была состоять: а) в ознакомлении с памятниками старины, находящимися в пределах Туркестанского края; б) в описании их и нанесении на археологическую карту края; в) в сохранении археологических памятников; г) в производстве... археологических раскопок и д) в обработке местных археологических материалов для печати».¹⁴¹

Параграф 4 устава предусматривал, что Кружок состоит из почетных и действительных членов и сотрудников, а параграф 5 предусматривал, что «В члены и сотрудники кружка избираются баллотировкой интересующиеся местными археологическими вопросами лица»; действительные члены избирают из своей среды правление (параграф 7), а правление «рассматривает и решает текущие дела кружка, определяет, какие археологические памятники подлежат подробному исследованию путем раскопок, назначает лиц для производства раскопок из состава кружка и входит в сношение как с местными административными властями», так и с археологической комиссией в Петербурге (параграф 9). Для слушания рефератов археологического характера, для решения наиболее важных текущих дел, для выбора новых членов кружка и т. п. предусматривался созыв общих собраний (параграф 10).

Внимания историкографа Кружка заслуживает хранящееся в его архивах письмо от 24 января 1896 г. известного востоковеда российского генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского с рядом критических замечаний в адрес

устава Кружка и рекомендациями по программе его деятельности.

Приветствуя начало деятельности Кружка, Петровский подчеркивал, вместе с тем, что Кружок «должен быть... собранием свободно соединившихся лиц, посвящающих свое время или свой досуг той или другой части восточной археологии...; никакое руководство административными или другими лицами... не может входить в круг его прав и обязанностей...; действительных любителей, — пишет Петровский, — через посредство властей не привлекают, они придут сами, если увидят, что дело пошло»¹⁴².

Петровский выражал недоумение касательно параграфа 5 устава, гласившего, что в члены Кружка не допускаются лица, «состоящие на действительной службе в нижних чинах и юнкера и... подвергшиеся ограничению прав по суду».

Проявляя себя в качестве прогрессивно настроенного человека, Петровский писал, что «при общей воинской повинности в числе нижних чинов могут быть не только любители археологии, но и люди, специально посвятившие себя этой науке. Ограничение прав состояния не отнимает у человека любви к возможности трудиться на научном поприще. *Многие ссылки в Сибири* (курсив наш. — Б. Л.) были членами Геогр. Общества и... *обогатили своими ценными трудами науку*»¹⁴³.

Открытие Туркестанского Кружка любителей археологии состоялось 11 декабря 1895 г. В тот день было создано общее собрание его членов-учредителей.¹⁴⁴

В связи с открытием действий Кружка в местной прессе («Туркестанские Ведомости»,¹⁴⁵ «Туркестанская туземная газета»¹⁴⁶) были опубликованы: сообщение о предыстории вопроса и об открытии Кружка 11 декабря 1895 г., а также Устав Кружка. Все эти материалы были выпущены затем отдельными брошюрами на русском¹⁴⁷ и староузбекском языках.¹⁴⁸

В заседании ТКЛА 22 декабря 1896 г. был доложен список из 47 лиц, «изъявивших желание вступить в число членов Кружка», чем было положено начало приема в ряды членов Кружка. Среди этих 47 лиц мы встречаем М. С. Андреева, А. А. Диваева и Н. Г. Маллицкого — бессменных и одних из наиболее активных деятелей Кружка, ставших крупными учеными, дожившими до победы Великой Октябрьской социалистической революции и снискавшими своими трудами и научно-педагогической работой в годы советской власти признание широкой общественности.

Ниже мы будем не раз и особо говорить о том, какое поистине счастливое обстоятельство имел для более чем двадцатилетней действительности Кружка тот факт, что с первого

до последнего дня его существования участие в его работе принимал выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд.

Серию научно-краеведческих сообщений, делавшихся и обсуждавшихся в заседаниях ТКЛА, открыл один из членов-учредителей Кружка Е. Т. Смирнов. На заседании 11 декабря 1895 г. он говорил «о пользе, какую могли бы принести периодические информации археологического характера»¹⁴⁹ и поощренный к тому своими товарищами по Кружку выступил на заседании 22 января 1896 г. с сообщением об остатках древностей в окрестностях г. Ташкента и долине р. Чирчика¹⁵⁰.

Е. Т. Смирнов подчеркивал, что он «не археолог-специалист, а простой любитель, скромный собиратель фактов и сведений, руководящийся мыслью, что собирание сырого материала, эта, так сказать, черновая работа, может принести пользу науке, посвященной изучению древней, угасшей теперь жизни людей. Я далек от мысли делать какие-либо выводы и заключения из собранных мною сведений, предоставляя это другим, более подготовленным к делу силам».

Мы нарочно процитировали эти слова Смирнова, так как они воплощают в себе типичное кредо большинства дореволюционных археологов-краеведов, склонных ограничивать свою роль разысканием, собиранием и накоплением материалов для науки.

Надо заметить, вместе с тем, что Е. Т. Смирнов весьма четко и правильно представлял себе основные задачи археологического изучения Средней Азии, говоря, что сложные проблемы местной истории не получают разрешения «пока на разработку истории и археологии Средней Азии не будет обращено того внимания, какого она заслуживает, и за дело не возьмутся хорошие научные силы»¹⁵¹. Смирнов указывал, что для научной постановки работ необходимо собрать и разработать все письменные источники как греческих историков и географов, так и азиатских, писавших на персидском, арабском, тюркском и китайском языках, и призывал к составлению историко-географической карты Средней Азии по маршрутам древних путешественников, к собиранию народных преданий о «более выдающихся древних сооружениях» названных местностей, регистрации археологических памятников и т. д. с тем, чтобы любители древностей своими занятиями могли сохранить «многое драгоценного времени и ученого археолога и историка».¹⁵²

По своему характеру к сообщению Е. Т. Смирнова в известной степени примыкало сообщение другого члена Кружка М. С. Андреева о местностях Туркестана, интересных в археологическом отношении.

М. С. Андреев сообщил данные об истории и исторической топографии Ходжента, об остатках древних строений в горах Могол-Тау против Ходжента и ряде пещер (близ сел. Самгар к востоку от Ходжента, близ сел. Чарку в горах Кокандского уезда — Кан-и Гут и др.)¹⁵³

С тех пор и до 1917 г. информации о заседаниях ТКЛА и отчеты о его деятельности систематически помещались в местной печати, в первую очередь на страницах газеты «Туркестанские Ведомости».¹⁵⁴ Информации о заседаниях Кружка помещались также на страницах прибавлений к Известиям Археологической Комиссии¹⁵⁵ и на страницах издания «Археологические известия и заметки», выпускавшегося Московским археологическим обществом.

Добрым напутствием вновь образованному Кружку прозвучала приветственная телеграмма по случаю его открытия, подписанная известным русским востоковедом В. Р. Розеном — председателем Восточного Отделения Русского археологического общества, которое являлось тогда одним из центров русского востоковедения.

Текст телеграммы (январь 1896 г.) гласил: «Восточное отделение И. Р. Археологического Общества в январском заседании своим постановило послать вновь открытому Ташкентскому Кружку любителей Археологии свой привет и горячие пожелания успешной и плодотворной деятельности. Розен».¹⁵⁶

Год открытия ТКЛА совпал с годом пятидесятилетия со дня основания Русского археологического общества. Кружок направил Обществу из Ташкента 15 декабря 1896 г. телеграмму следующего содержания: «Туркестанский Археологический Кружок приветствует Общество с пятидесятилетним юбилеем; желает дальнейшего процветания на пользу русской археологии».¹⁵⁷

В 1896 г. последовало также разрешение властей на открытие в Ташкенте Туркестанского Отдела Императорского Русского географического общества. Отдел начал работать 28 ноября 1897 г., т. е. к тому времени, когда уже начал функционировать Туркестанский Кружок любителей археологии, специализировавшийся на собирании сведений о памятниках древности, их обследовании и изучении. Кружок и Отдел были связаны в своей деятельности (бывали и объединенные собрания членов Отдела и Кружка). Некоторые члены ТКЛА являлись и членами Отдела. Деятели Отдела не чуждались работы по фиксации и изучению памятников древности, но естественно, что при наличии специальной на то организации Отдел уделял этой сфере научной работы в целом относительно меньшее внимание, чем, скажем, уделяли его другие (внутуркестан-

ские) Отделы ИРГО, работавшие в местностях, где отсутствовали специализированные научно-краеведческие организации типа ТКЛА. Это сказалось и на содержании издававшихся Отделом трудов.

Несколько забегаая вперед, заметим, что 1901 г. в Ташкенте было учреждено еще и Ташкентское отделение Общества востоковедения. Однако деятельность его как и Общества в целом, шла, собственно говоря, не по научно-исследовательской линии. Цели его сформулированы в письме председателя Общества генерала Н. К. Шведова (Петербург) от 16 марта 1901 г. на имя Остроумова с рекомендацией учредить в Ташкенте Отделение Общества: «Общество Востоковедения (открытое в Петербурге 20 февраля 1900 г. — *Б. Л.*) имеет свою задачу, не касаясь вопросов религиозных и политических, содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народов как в пределах России, так и вне ее. Само собою разумеется, что Туркестан, составляющий юго-восточную окраину России, обладающий многомиллионным инородческим населением и тесно связанный с сопредельными областями Афганистана и Китая, представляет для Общества особый интерес».¹⁵⁸

Цели, как мы видим, были сугубо политическими. Общество Востоковедения находилось «под августейшим покровительством» великого князя Михаила Николаевича, а впоследствии под покровительством императрицы Александры Федоровны.

Отделение занималось «распространением изучения русского языка среди туземцев, открытием вечерних курсов русского языка для взрослых туземцев г. Ташкента»,¹⁵⁹ а также пыталось организовать в интересах колониальной администрации «распространение восточных языков среди русских».

Кстати заметить, в протоколе № 13 заседания Отделения 27 ноября 1904 г. мы находим такую колоритную запись: «По вопросу изучения русского языка туземцами вообще член Правления Сеид Карим Сеид Азимбаев заявил, что в настоящее время имеется уже много туземных мальчиков, изучивших русский язык в туземных школах, но не имеется ни одного учебного заведения, где бы они могли продолжать свое образование.

На это его высокопревосходительство (генерал-губернатор Тевяшов.—*Б. Л.*)... заметил, что пока надо довольствоваться тем, что сделано для образования детей туземцев».¹⁶⁰

Дальнейшее рассмотрение деятельности Отделения выходит за рамки нашей работы.¹⁶¹

Одновременно с началом действия ТКЛА была предпринята попытка организовать «филиальное отделение Турт

кестанского Археологического Общества (кружка)», в Самарканде.

29 декабря 1895 г. состоялось общее собрание Самаркандского областного статистического Комитета, заслушавшее «заявление действительного члена комитета Пославского о том, что в интересах исторической науки статистическому комитету следовало бы принять меры к возможно точному и систематическому описанию местных памятников древности».

Председатель Комитета, как гласит протокол заседания, высказал по этому поводу, что предложение Пославского находит весьма полезным и предложил в случае, если желающие найдутся, на первое время хотя бы в числе 10 человек, образовать филиальное отделение Туркестанского археологического общества (кружка).

Из того же протокола явствует, однако, что «Пославский возразил на это, что для успеха в археологических работах полезнее было бы учредить здесь самостоятельное общество, которое при этом условии могло бы проявить больше инициативы и свободы действий».

Председатель Комитета указал, что подчинение местного археологического общества такому же Туркестанскому не может связывать деятельность первого, а, напротив того, даст ему большую устойчивость и средства.

С последним заявлением Собрание согласилось, равно согласился с ним и И. Т. Пославский».¹⁶³

Из следующего заседания Комитета 18 апреля 1896 г. явствует, что «Собрание определило: не отвергая в будущем возможности участия в трудах Туркест. Кр. Любителей Археол., оно находит полезным выполнять, по мере возможности, § XVIII программы Комитета и потому полагало бы необходимым, до выяснения практической деятельности и направления археологических работ в Самарканде, временно воздержаться от заявления Туркестанск. Кружку Любит. Археолог. о желании присоединиться к его трудам и следовать его Уставу».

Затем действит. член Комитета Пославский прочитал прилагаемые при сем в копии: Проект программы работ исторического отдела Статистического Комитета по описанию памятников старины г. Самарканда и его ближайших окрестностей, и Пояснительную записку к этому проекту, составленные любителями археологии Пославским, Кастальским, Барщевским, Рейхелем и Вяткиным».¹⁶³

Таким образом, формальной организации в Самарканде филиала Кружка не последовало, но тем не менее открытие действий ТҚЛА активизировало деятельность местных любителей старины¹⁶⁴

Что касается ТКЛА, то его деятельность продолжала развиваться успешно, приобретая тем большее значение, что (говоря словами В. В. Бартольда) в лице «Средней Азии в состав России вошли области, где культура достигла высокой степени развития задолго до принятия русским народом христианства, и где население в эпоху принятия им ислама уже имело за собой продолжительный период культурной жизни».¹⁶⁵

Скромные средства Клуба составлялись из меценатских пожертвований его почетных председателей (туркестанских генерал-губернаторов) «и пятирублевых годовых взносов его членов».

Заседания Клуба проводились в резиденции генерал-губернатора («Белом доме»), в помещении Туркестанской Учительской семинарии, в зале Городской думы и т. д.

Клуб практиковал приглашение на свои заседания отдельных представителей местных национальностей (узбеков, таджиков и др.). Переводчики сообщали им важнейшие положения докладов (напр., доклада Е. Т. Смирнова об остатках древнего городища Канка), приглашенные делились известными им данными письменных и других источников¹⁶⁶.

К концу первого года своего существования Клуб насчитывал свыше 100 членов.¹⁶⁷

Среди случайных членов ТКЛА, особенно в первые годы его существования, было немало высокопоставленных военных, чиновников, представителей привилегированной части духовенства, коих влекла в ряды членов ТКЛА не любовь к науке, а формальная близость Клуба к его почетному председателю — генерал-губернатору края, возможность лишнего раз побывать в «Белом доме», показать себя и других посмотреть, покрасоваться на глазах начальства и т. д., говоря словами проф. М. Е. Массона, «пытавшихся сделать себе на археологии карьеру (поскольку председателем бывал Туркестанский генерал-губернатор)». Но, конечно, не эти (для Клуба — мертвые души) способствовали его успешным занятиям, а та, в количественном отношении порой даже меньшая часть его членов, которая являла собой подлинных любителей науки, энтузиастов краеведения.

Среди проживавших на периферии лиц, принадлежавших к среде местной интеллигенции и принимавших живое участие в деятельности Клуба своими сообщениями ему о случайных находках памятников древностей, о состоянии архитектурных сооружений, проверкой по поручению Клуба тех или иных данных на месте, имелись учителя М. С. и П. М. Андреевы, И. А. Беляев, Г. И. Волковойнов, А. П. Веретенников, М. Ф. Дьяконов, Ф. П. Егоров, А. Э. Лабербис, М. Ф. Ма-

зинг, Н. Г. Маллицкий, Д. В. Назаров, Д. Д. Струнин, Ж. А. Феннер; врачи: П. П. Введенский, Н. Л. Зеланд, К. К. Казанский, Ф. В. Поярков, А. Е. Скворцов, Н. А. Смолин, лесничий Пельц, инженеры и архитекторы В. С. Гейнцельман, А. К. Кларе, А. П. Михайлов, Г. Б. Эпель и др.

При этом среди членов Кружка было, конечно чрезвычайно мало таких просветителей-демократов, которые, говоря ленинскими словами, отстаивали «интересы широкой массы населения»¹⁶⁸.

Вообще же нет ничего удивительного, что в условиях колониального режима (при котором роль разночинского элемента была значительно меньшей, чем в центральных областях России) первенствующую роль в деле собирания и изучения местных древностей играли различные «просвещенные» сановники, видные чиновники и уже затем любители старины из числа мелких служащих и чиновников, купечества, армейских чинов (военные топографы, врачи), учителей, служителей культа и др.¹⁶⁹

Известно, что в Сибири и других местах заметную роль в деятельности научно-краеведческих обществ играли «неблагонадежные элементы», политические ссыльные, лица, состоявшие под надзором полиции, участники революционного движения. Лишенные возможности заниматься активной политической деятельностью или ведя ее в глубоком подполье, некоторые из них обращались к научной деятельности, втягивались в изучение того края, жителями которого они стали, и с течением времени становились крупными археологами, этнографами, географами (вспомним о Л. Я. Штернберге, Д. А. Клеменце, В. Г. Богоразе-Тане и других).

На территории Туркестанского генерал-губернаторства такого рода общественный элемент был представлен, в описываемые времена, в неизмеримо меньшей степени.

Вскоре после открытия Кружка в его заседаниях были зачитаны ценные сообщения с мест, полученные в ответ на письма с просьбой об оказании содействия археологическим изысканиям Кружка.

Так, Н. Ф. Петровский обращал внимание Кружка на некоторые древности в старом Ташкенте (квартал Парчабаб) и близ Аулие-Ата,¹⁷⁰ а В. А. Каллаур сообщил ряд сведений о памятниках старины Аулие-Атинского уезда и доставил Кружку некоторые предметы древности.¹⁷¹

Для понимания взглядов руководящих деятелей Кружка на его задачи и обстановки, в которой протекала работа Кружка, уместно привести выдержку из отчетного сообщения о деятельности Кружка за третий год его существования:

«Правление позволяет себе упомянуть, что в местном обществе высказывается иногда предубеждение против занятий археологией, не имеющих будто бы научного значения, а иногда слышатся опасения за плодотворность этих занятий, требующих от археолога специальной подготовки к работе и специальных знаний. Что касается высказываемых опасений за успешность археологических занятий, то они делают честь лицам, привыкшим с уважением относиться к науке, а предубеждения против археологии накануне XX столетия уже не могут иметь такого значения, какое они имели много лет назад...»

Интересно отметить, что за отсутствием необходимых методических и справочных пособий, члены Кружка пытались сами, в меру своих сил и возможностей, разрабатывать вопросы методики полевых исследований, создавать справочники и т. п.

Уже на первых порах деятельности ТКЛА член кружка М. А. Терентьев доложил о применяемом им способе копирования надписей на камнях с помощью мокрой бумаги и продемонстрировал соответствующие образцы.¹⁷² Он же принес в дар Кружку экземпляр составленной им хрестоматии восточных языков с приложением образцов различных почерков, какие встречаются на надгробных камнях; к названной хрестоматии была приложена «сравнительная таблица для перевода дат мусульманской эры на христианское летоисчисление». Отмеченная «таблица» была в переработанном и дополненном автором виде опубликована.¹⁷³

Справедливо отмечено в наши дни, что большим достижением Туркестанского Кружка в первый год его существования было составление С. М. Граменицким Инструкции для членоз Кружка относительно задач и программ работ.¹⁷⁴

Эта инструкция имеет значительный интерес для характеристики деятельности ТКЛА, его исканий и начинаний.¹⁷⁵

Показательно, вместе с тем, насколько узок был круг местной интеллигенции, на содействие которого мог рассчитывать Кружок в своей деятельности. Когда собрание членоз Кружка 3 июня 1896 г. утвердило составленную С. М. Граменицким инструкцию для членоз-корреспондентов Кружка по изысканию, описанию и охране памятников старины, то член Кружка Е. Т. Смирнов предложил изготовить всего 150 оттисков для рассылки их членам-корреспондентам и главным образом сельским учителям.¹⁷⁶

3 июня 1896 г. в заседании Кружка была прочитана присланная В. В. Бартольдом его статья об арийской культуре в Средней Азии, вызвавшая оживленный интерес членоз Круж-

жа.¹⁷⁷ Характерно, что по своему содержанию статья Бартольда трактовала собственно не о предполагаемых арийцах, а давала краткий, но в широком плане написанный исторический очерк Средней Азии после падения греко-бактрийского государства, начиная с арабских завоеваний и дальше, правда, с попыткой проследить, — как писал В. В. Бартольд, — сохранившиеся веками «существенные черты арийской культуры».

Скажем особо о взглядах преобладающей части членов Кружка в их научной деятельности. Для этих взглядов характерно господство типичного исторического идеализма. И в целом мировоззрение членов Кружка было, конечно, буржуазно-идеалистическим. Да оно и не могло тогда и в той среде быть иным.

В период деятельности ТКЛА в русской исторической науке уже имелась материалистическая традиция. Классическая работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» являла образец применения материалистического метода к изучению экономической истории страны. Значительное влияние на развитие исторической мысли в России оказала ленинская работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», способствовавшая пониманию социальной эволюции как естественноисторического процесса развития общественно-экономических формаций.

В целом, однако, в конце XIX и начале XX в. — как указывалось выше — почти на всех участках исторического фронта продолжали преобладать идеалистические и вульгарно-материалистические взгляды на историю.

Все члены Кружка в своих воззрениях на историческое прошлое Средней Азии (что было естественным, ибо отражало господствующую и в русской науке того времени точку зрения), можно сказать, исповедовали, как незыблемое начало начал, абсолютную непогрешимость индоевропейской теории происхождения народов¹⁷⁸, полагая (говоря словами В. В. Бартольда), что, «насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов. Была ли она колыбелью арийского племени, или арийцы пришли туда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор еще остается спорным»¹⁷⁹.

Довлели над местными исследователями и представления о переселениях и заимствованиях, к тому же односторонне понимаемые, отсутствовало понимание того, что процессы переселений и заимствований (разумеется имевшие место) вызывались социально-экономическими условиями своего времени

и сами по себе не составляли основного содержания общественного развития и не являлись движущей силой последнего.

Но это не значит, что мы должны занимать уравнилельные позиции по адресу всех без исключения членов Кружка и не видеть существенных отличий во взглядах его членов.

Отголоском такого уравнилельного подхода к оценке деятельности краеведов дореволюционного времени может служить (вообще говоря, весьма полезная) статья Л. Перепелицыной об изучении узбекского фольклора¹⁸⁰.

В статье нет и намека на дифференцированный подход к дореволюционным исследователям. А ведь, имея в виду тот же фольклор, можно ли ставить, скажем, знак равенства между публикациями Остроумова и Диваева, Остроумова и Маллицкого, хотя бы всех их и роднили «современные им теории буржуазной фольклористики?»

С самого начала внутри такого маленького общественного организма, каким был исследуемый нами Кружок (ТКЛА), налицо были носители двух тенденций (говоря ленинскими словами — двух национальных культур в каждой национальной культуре)¹⁸¹: сановники, генералы, высокопоставленные чиновники и прочие выразители колониальной идеологии царизма и, с другой стороны, носители настроений прогрессивно мыслящей интеллигенции: учителя, врачи, агрономы, топографы, инженеры, рядовые служащие и чиновники, вносящие с собой мелкобуржуазную струю в работу Кружка. В заслугу прогрессивно настроенной части членов Кружка и надо поставить, прежде всего, что Кружок в своей научно-краеведческой деятельности и попытках изучения и обобщения собранных материалов избегал всякого рода крайностей великодержавно-шовинистического и расово-человеконенавистнического характера.

В этом отношении очень поучительны первые страницы истории Кружка.

Его тогдашний почетный председатель — генерал-губернатор барон Б. А. Вревский — настойчиво и недвусмысленно «тянул» Кружок на стезю арийской теории в наихудшем, великодержавно-шовинистическом ее понимании. Выступая 11 декабря 1896 г. в годичном собрании членов Кружка, Вревский говорил, что «арийцы во всей истории человечества с самых древних времен являются носителями зачатков самых высших принципов человеческой культуры... При последовательном движении своем на запад, арийцы заняли преимущественно благодатные страны побережья Средиземного моря, славились в дохристианскую эпоху, а затем оказались более других рас способными к восприятию высших истин христианства и разви-

ли на христианской основе самую высшую цивилизацию, а в настоящее время уже являются господствующими во всех странах мира... Таким образом, *ввиду особенного интереса и важности этого предмета* (курсив наш.— Б. Л.), я не могу не выразить вновь желания, чтобы наш кружок неустанно продолжал свои розыски доисторических следов жизни и быта арийцев в Средней Азии». ¹⁸²

И Н. П. Остроумов говорил, что «Кружок в настоящее время имеет дело пока с последним историческим (период мусульман) наслоением, под которым находятся следы тюркского влияния на коренное арийское население страны, *составляющее цель наших стремлений*» (курсив наш.— Б. Л.). ¹⁸³

Политическая подоплека подобного рода высказываний не требует комментариев.

В Кружке преобладало, однако, не «остроумовское», а «бартольдовское» понимание арийского вопроса, связанное с отысканием и разъяснением древнейших страниц в истории края ¹⁸⁴.

В качестве примера прогрессивного понимания вопроса сошлемся на такие объекты изучения, как орхонские надписи, каменные бабы и другие. Казалось, как было бы легко здесь членам Кружка попасть в орбиту влияния небезызвестного В. М. Флоринского, который с упорством, достойным лучшего применения, всю свою ученость употреблял на то, чтобы, объясняя историческое прошлое восточных народов, свести все и вся к арийско-славянским корням. Сибирь, Семиречье, Фергана оказывались, по Флоринскому, прародиной славян, саки и массагеты объявлялись ветвью славянских народностей, слово Памир объяснялось «из славянских корней» и т. д. и т. п., после чего оставалось только объявить, что, проникая в глубь Западного Туркестана и строя вождеденные планы в отношении Туркестана Восточного, русский царизм и русский капитализм не более, чем возвращают современных славян на их старую, исконную родину.

Арийско-славянскими оказывались даже каменные бабы. ¹⁸⁵

Однако член ТКЛА В. А. Мустафин, воспроизводя в своем сводном очерке о каменных бабах высказывания Флоринского, с ними не солидаризировался, а полемизировал с тенденциозными великодержавно-шовинистическими взглядами Флоринского о принадлежности каменных баб «к доисторическим памятникам славян» и склонялся к мысли о принадлежности большей части их «к памятникам тюркского происхождения». ¹⁸⁶

Важно также процитировать высказывание А. А. Семенова из его предисловия к истории Шугнана. Отмечая туманность и элементы легендарности в истории шугнанцев, А. А. Семенов

указывал, что «тем не менее было бы ошибочно выводить заключение, что шугнанцы совершенно не имели истории. Как и всякий народ, и они пережили известный ряд эпох, быть может не таких ярких, не описанных таким искусным пером современников и присяжных историков, как у других народов, но тем не менее этапы исторической жизни были и у этого народа. И если каждый народ... имеет право на научное внимание к себе во всех отношениях, то ...и шугнанцы... небезынтересны и в своем прошлом, хотя бы и повитом туманной дымкой легенд и неясных положений».¹⁸⁷

С течением времени Кружок стал устанавливать связи и вступать в обмен изданиями с русскими и иностранными научными учреждениями и организациями и отдельными учеными.

В 1899 г. постоянно связанное с Кружком Восточное Отделение Русского археологического общества представило совету Общества свое решение «о высылке Туркестанскому Кружку любителей археологии Записок и Трудов Восточного отделения», и совет постановил высылать таковые Кружку.¹⁸⁸

Председатель Московского археологического общества П. С. Уварова, направляя Кружку свой труд «Могильники Северного Кавказа», выражала надежду, что он «может быть полезен Кружку для сравнения издаваемых древностей с древностями Туркестана».¹⁸⁹

Работами членов Кружка интересовались и некоторые зарубежные ученые. Например, известный путешественник по Средней Азии ориенталист профессор Вамбери переписывался с вице-председателем Кружка и в статье о языке «сартов» напечатал собранные и опубликованные Остроумовым народные пословицы.¹⁹⁰

Заметка одного из членов Кружка о вакуфных документах и значении для науки их изучения¹⁹¹ была перепечатана во французском журнале „Revue du Monde Musulman“¹⁹².

С течением времени к Кружку стали обращаться за содействием иностранные ученые.¹⁹³

Уже первые два года скромной, но плодотворной деятельности Кружка вызвали положительную оценку виднейших русских ученых.

Так, например, в письме от 6 октября 1897 г. проф. В. В. Розен писал на имя председателя Кружка, что «мы здесь с большим интересом следим за деятельностью Туркестанского Кружка любителей археологии и глубоко убеждены в том, что ему принадлежит блестящая будущность в деле изучения истории и древностей Туркестана. Протоколы Кружка уже теперь представляют немало полезных и важных сведений и сообщений и без сомнения будут давать таковые и впредь».¹⁹⁴

В полученном в ноябре 1897 г. от профессора В. В. Бартольда письме говорилось: «Каждый выпуск Протоколов заключает в себе что-нибудь интересное для меня. Так я совсем не знал, что до сих пор сохранились остатки старой стены, окружавшей Бухару вместе с ее окрестностями. По-видимому термин Кемпыр-Дувал служит для обозначения всех туземных сооружений. Как известно, г. Семенов описывает такой же дувал в окрестностях Ташкента. Несомненно, что роль местной археологии как вспомогательный путь к изучению истории нашей интересной страны весьма значительна и может не один раз сослужить почтенную помощь исследователю прошлых времен Туркестана».¹⁹⁵

Вскоре определилась и возможность опубликовать материалы работ Кружка. Уже упомянутый нами Е. Т. Смирнов предложил «печатать в ежемесячном журнале, который он вскоре намерен издавать, протоколы заседаний Кружка по части археологии»; предложение это было с благодарностью воспринято Кружком.¹⁹⁶

Попытка издавать сборник «Средняя Азия» и журнал «Среднеазиатский Вестник» — первый в Туркестане научно-литературный журнал — вызвала теплый сочувственный отклик В. Р. Розена, отмечавшего целесообразность намеченной программы журнала и желавшего ему успехов.¹⁹⁷

Прекращение издания «Среднеазиатского Вестника» заставило Кружок перейти на отдельное самостоятельное издание его Протоколов.¹⁹⁸

Печатание Протоколов было связано не только с материальными, но и техническими трудностями. Местная (ташкентская) полиграфическая база долгое время была очень слабой, мало приспособленной для выпуска научных изданий. Особенно плохо обстояло дело с печатанием иллюстраций, изготовлением клише для них.

Всего был издан двадцать один выпуск «Протоколов заседаний и сообщений членов Туркестанского Кружка любителей археологии». Они выходили в свет с 1895—1896 гг. (год I) и кончая 1917 г. (год XXI) за исключением XV—XVII годов (1909—1912) по причине того, что «печатание Протоколов заседаний, происходивших в это трехлетие, ...было отложено до издания особого сборника в память И. Т. Пославского».¹⁹⁹

На изданные Кружком Протоколы за третий год существования откликнулся в своей рецензии виднейший русский востоковед С. Ф. Ольденбург, писавший, что «Туркестанский Кружок впервые решился объединить в одну брошюру свои интересные протоколы, нельзя не поблагодарить его за это... Туркестанский Кружок определенно поставил себе свои задачи и с большим рвением и умением преследует их».²⁰⁰

С. Ф. Ольденбург высказывал пожелания, чтобы Кружок издавал «списки сохранившихся в известных местностях остатков древности» и краткие описания «довольно многочисленных как частных, так и общественных собраний древностей в Туркестане»²⁰¹.

В рецензии на ПТКЛА (год V) В. В. Бартольд отмечал, «насколько разнообразно и ценно в научном отношении содержание нового выпуска Протоколов»²⁰². В статье Лаврентьева²⁰³ Бартольд видел «начало удовлетворению одной из потребностей, на которые указал Ф. С. Ольденбург в рецензии на один из прежних выпусков (ЗВОРАО, т. XIII, стр. 27)».

В 1915 г. была напечатана наиболее обширная из всех рецензий Бартольда на Протоколы Кружка (годы XVIII, XIX, XX)²⁰⁴. Бартольд указывал, что пять выпусков Протоколов за 1913—1915 годы «заклучают в себе, по обыкновению, много интересного материала».

«Кружком были достигнуты успехи, признанные специалистами и дающие ему полное право оглядываться на пройденный путь с чувством нравственного удовлетворения».²⁰⁵

В отчете Кружка за четвертый год своего существования (1899 г.) говорилось, что «Туркестанский Археологический Кружок не претендует на обширные задачи и ограничивается доступным его материальным средствам собиранем археологического материала для будущих исследователей края. Поэтому Кружок должен поддерживать свое существование, как единственный пока центр, к которому могут обращаться местные любители археологии. Собираемые Кружком данные и предметы, при всей их видимой малозначительности, имеют ценность уже потому, что Средняя Азия до сих пор была почти недоступна для европейских археологов и в наши дни, по отдаленности ее от европейских ученых центров, она не может пользоваться постоянным их вниманием»²⁰⁶.

На заседании 25 сентября 1899 г. Кружок решил принять меры к тому, чтобы «открыть в Самарканде филиальное отделение Кружка для совместных трудов по изучению древностей Туркестанского края, в котором г. Самарканд занимает столь видное место в историческом и археологическом отношении».²⁰⁷ Однако, как и раньше, филиала в Самарканде создано не было.

К 900-м годам (годовое собрание членов Кружка 11 декабря 1899 г.) относится инициатива Кружка в деле открытия его филиала в Ашхабаде для изучения обильных памятников древности Закаспийского округа, Ферганской области и др. На заседании Кружка 27 марта 1900 г. было зачитано письмо начальника Закаспийской области о сочувствии «целям и

деятельности Туркестанского Археологического Кружка, и что мысль об образовании в Асхабаде филиального отделения Археологического Кружка передана... на обсуждение местной печати».

Вскоре в ашхабадских газетах появились соответствующие публикации.²⁰⁸

К 1914 г. относится оживление (вернее, восстановление) деятельности младшего собрата ТКЛА — Закаспийского Кружка любителей археологии и истории Востока (ЗКЛА) в Асхабаде, издавшего (1915—1917 гг.) четыре выпуска своих Протоколов заседаний и сообщений (уже одно название органа Кружка свидетельствует об его ориентировке на научную и издательскую деятельность ТКЛА).

Устав ЗКЛА был утвержден 22 марта 1903 г.²⁰⁹ Однако уже к 1906 г. деятельность Кружка замерла, не оставив после себя заметного следа в литературе, и (как гласит заявление его председателя) прекратилась «в 1906 году главным образом вследствие выезда из Асхабада большинства членов Кружка и его учредителей».²¹⁰

«В 1901 году в Асхабаде,— писал автор газетной статьи,— возник кружок любителей истории и археологии края... Был намечен план действия кружка..., совершены поездки в некоторые интересные в археологическом и историческом отношениях пункты. Последовали доклады по поводу этих поездок» и все же «маленькое, но весьма полезное начинание умерло...»²¹¹

Автор призывал возродить Кружок, указывая некоторые из возможных его задач.

Поскольку возникновение и работа ЗКЛА представляют собой явное ответвление и отзвук деятельности ТКЛА, позволим себе дать краткую справку и высказать некоторые соображения о нем.

Даже общее ознакомление с содержанием четырех выпусков Протоколов ЗКЛА²¹² наглядно свидетельствует, что в целом научный уровень его деятельности и публикаций в какой-то мере уступал уровню, достигнутому ко времени 1914 г. в деятельности и публикациях ТКЛА (не говорим об исключениях). Он носил более явственный отпечаток именно любительского, дилетантского подхода к делу.

Первый выпуск Протоколов ЗКЛА вызвал пространную рецензию «Антиквария» (А. А. Семенова) на страницах газеты «Туркестанские Ведомости».²¹³ В суровой и взыскательной рецензии А. А. Семенов, говоря о значении Закаспийской области Туркестана в археологическом отношении и равнодушии к прошлой истории этого «великого города развалин», приветствовал возобновление деятельности Кружка,

но вместе с тем указывал на существенные недостатки публикаций первого выпуска.²¹⁴

Собственно к археологии в опубликованных протоколах ЗКЛА относятся (помимо списка памятников) лишь несколько статей: «Древние кладбища по Сумбару и Чандырю» Ф. А. Михайлова (является как бы дополнением к статье Г. Б. Эпель «Древний памятник на границе с Персией» (ПТКЛА, X, 1905), хотя Ф. А. Михайлов явно не знал о ее существовании), «Кала-и Дабус» Л. А. Зимина,²¹⁵ «Развалины крепости «Кюрен-кала» художника Рыбакова, «Старый Фараб» Л. А. Зимина.

В протоколах²¹⁶ печатались и мелкие археологические заметки: «Древности Тедженского уезда», «Ата-Нова». На вкладном листе была напечатана фотография «Байрам-али. Могила святого» (ПЗКЛА, 3, 1917).

Деятельностью ЗКЛА интересовался В. В. Бартольд²¹⁷.

Что касается издательской деятельности ТКЛА, то она не ограничивалась выпуском одних только «Протоколов и сообщений», принесших Кружку заслуженную известность.

Помимо Протоколов, Кружком были изданы: «История Бухары» Наршахи в переводе члена Кружка Н. С. Лыкошина под редакцией проф. В. В. Бартольда²¹⁸. В Протоколе заседания ТКЛА 3 июля 1896 г. указано, что В. В. Бартольд «находит крайне желательным скорейшее появление на русском языке известного сочинения «История Бухары» Наршахи²¹⁹.

По выходе в свет «Истории Бухары» Наршахи Е. Т. Смирнов сделал реферативное сообщение об этой книге на заседании Кружка 16 октября 1897 г.

Укажем также на такие издания, как «Хронологическая таблица мусульманских династий», составленная тем же И. И. Трофимовым, и работа М. А. Терентьева «О мусульманском летоисчислении (с таблицей для перевода дат мусульманской эры на христианское счисление)».²²⁰

В 1915 г. Кружок выпустил в свет небольшую брошюру ташкентского автора Муллы-Алимова Абул-Косымова «История Туркестана» «на местном сартовском наречии», содержащую «в хронологической последовательности исторические события в Туркестане за истекшее 50-летие», изложенные, конечно, вполне в верноподданническом духе и приспособленные к атмосфере торжеств, посвященных пятидесятилетию взятия Ташкента царскими войсками.

Надо заметить, что сильной стороной деятельности Кружка являлось знание многими его членами восточных, в том числе местных языков (Андреев, Беляев, Вяткин, Диваев, Зимин, Калмыков, Маллицкий, Остроумов, Семенов и др.)²²¹.

Здесь надо иметь в виду указание акад. И. Ю. Крачковского, который говорит о наличии «трех основных категорий тур-

кестанских деятелей, проявивших себя в области востоковедения», это, во-первых, воспитанники Казанской духовной академии, во-вторых, питомцы факультета восточных языков Петербургского университета, занимавшие административные посты в Туркестанском крае, и, в-третьих, военные, чье востоковедное образование было связано чаще всего с Петербургом, Учебным отделением при Министерстве иностранных дел или с различными специальными военными школами и курсами²²².

Быстро росли и коллекции Кружка, в первую очередь его археологические и нумизматические собрания, чем было положено начало музею Кружка. Увеличение музейных коллекций и библиотеки Кружка побудило собрание последнего 3 июня 1896 г. просить власти выделить особое помещение для музея и библиотеки Кружка при Туркестанской Публичной Библиотеке, на что последовал отказ.

В последующем Кружком было решено исходатайствовать разрешение «на передачу в библиотеку и музей книг и предметов, принадлежащих кружку по особой описи и с особыми ярлыками для временного хранения с тем, чтобы право собственности на переданные для хранения книги и вещи оставались за кружком и, в случае образования при кружке собственной библиотеки музея, сданные книги и вещи могли быть изъяты из Туркестанской публичной библиотеки и музея».²²³

25 октября 1896 г. канцелярия Туркестанского генерал-губернатора известила Кружок об отводе в его «распоряжение двух свободных комнат на Ташкентской опытной плантации для помещения в них музея Туркестанского Кружка любителей археологии»²²⁴.

В записи собрания Кружка 28 октября 1896 г. читаем: «В настоящее время находящиеся в распоряжении кружка археологические предметы перенесены в это помещение».²²⁵

Надо заметить, что к этому времени в Ташкенте уже существовал Туркестанский Публичный музей, возникший в 1876 г. и располагавшийся до 1883 г. в небольшом помещении при школе садоводства. В 1883 г. Музей был объединен с Ташкентской Публичной библиотекой и размещен в помещении бывшей химической лаборатории. К этому времени в археологическом отделении музея хранилось немало ценных предметов древности. Из отчета Публичной библиотеки за 1898 г. явствует, что музей не располагал описями и каталогами.

17 декабря 1896 г. канцелярия Туркестанского генерал-губернатора известила Кружок о желании главного начальника края соединить археологический отдел музея с музеем Кружка.²²⁶

25 сентября 1890 г. Кружок принял решение передать свою археологическую коллекцию (за отсутствием собственного помещения) Ташкентскому Публичному музею с тем, чтобы:

а) в описи Музея коллекция археологического Кружка должна быть записана особо, б) при новом поступлении археологических предметов Кружка в музей таковые должны также отмечаться, в) без ведома и разрешения Кружка археологические предметы его не могут быть ни передаваемы в другое место, ни уничтожаемы.²²⁷ Передача музею коллекций Кружка была осуществлена 4 ноября 1899 г. секретарем Кружка А. А. Диваевым.²²⁸

В отчете Кружка за 1899—1900 гг. говорится, что «в этом году музей Кружка стал уже достоянием публики и посещался не только местными жителями, но и иногородними лицами, приезжавшими в Ташкент».²²⁹

Большой заслугой членов ТКЛА явилось составление ими описаний археологических и нумизматических коллекций Ташкентского музея и Кружка.²³⁰

Описание это имело пять разделов: I. Гравюры и фотографии. II. Погребальные и надгробные древности. III. Древности домашнего быта. IV. Мелкие археологические предметы. V. Нумизматические коллекции.

В рецензии на данное издание С. Ф. Ольденбург отметил, что составители описания знакомят «в общих чертах... с тем, что... можно найти в ташкентских собраниях» и говорил: «Весьма желательно, чтобы прекрасному примеру, данному (составителями), последовали и другие лица... Как бы кратки ни были подобные описания, они сослужат службу науке».²³¹

К названной работе по своему характеру примыкает также работа члена ТКЛА И. И. Трофимова,²³² явившаяся следствием того, что «принадлежащая музею нумизматическая коллекция... была пересмотрена членом Кружка И. И. Трофимовым, причем монеты были разложены в витринах по династиям в хронологическом порядке».²³³ Кружок признал нужным напечатать описание этой коллекции, что и нашло отражение в изданной в том же году работе И. И. Трофимова.

После 1905 г. многое в деле упорядочения археологических собраний ташкентского музея было сделано А. А. Семеновым. В 1906 г. из трех залов ташкентского музея в здании Публичной библиотеки один зал был отведен специально под археологические коллекции. Впрочем, как и в большинстве местных краеведческих музеев дореволюционной России, ташкентский музей страдал отсутствием паспортизации ряда находок, несовершенством этикетажа. Вплоть до революции музей в Ташкенте не имел и собственного здания.²³⁴

Совместно с ташкентским музеем члены Кружка участвовали и в организации научного отдела открытой в Ташкенте в 1909 г. Туркестанской 25-летней юбилейной сельскохозяйственной, научной и промышленной выставки.²³⁵ В составе экспо-

татов научного отдела фигурировали и археологические собрания.

Интересовался Кружок и вопросами изучения историко-культурного прошлого и памятников материальной культуры сопредельных местностей. Отзвуком этого интереса может служить доклад члена Кружка, секретаря Туркестанского Отдела Русского географического общества А. В. Панкова об археологических экспедициях в Восточном Туркестане, основанный преимущественно на статьях проф. Д. Н. Анучина.²³⁶

Члены Кружка не пренебрегали составлением общих (в основном компилятивных, но полезных) очерков по тем или иным вопросам, интересовавшим широкий контингент его членов и могущих оказать последним помощь в их практической работе по изучению памятников древности.

Так, Н. П. Остроумов выступил с работой об единицах ценности у первобытных народов,²³⁷ а член Кружка М. Ф. Мазинг напечатала статью о древней керамике.²³⁸

Оживленные прения на заседании Кружка 25 сентября 1899 г. вызвал вопрос о месте созыва XII Всероссийского археологического съезда. В докладе на эту тему Н. П. Петерсон считал, что такой съезд должен собраться именно в Средней Азии, и самое лучшее, конечно, в Самарканде или Ташкенте, Мерве. Интересна одна из мотивировок докладчика: «Археологический съезд в Средней Азии может иметь и практическое значение: исследование Памира и других мест предполагаемой общей прародины народов арийского корня примиряет славянофильство с западничеством в высшем единстве, в ариофильстве».²³⁹

К чести членов Кружка, оживленно обсуждавших данный вопрос, они исходили при высказывании своего мнения не из «ариофильских» соображений. Одни считали, что созыв съезда «в одном из среднеазиатских городов даст могучий импульс к развитию местной археологии», другие полагали, что «для созыва съезда... необходима предварительная детальная разработка местного научного материала, большая или меньшая близость того города, в котором собирается съезд, к центру государства; было указано, что местом будущего археологического съезда уже назначен Харьков.»²⁴⁰

28 сентября 1913 г. состоялось совместное заседание Кружка и Туркестанского Отдела РГО в связи с приездом в Ташкент выдающегося русского путешественника П. К. Козлова (1893—1935),²⁴¹ командированного ИРГО на озеро Иссык-Куль для возложения венка на могилу Н. М. Пржевальского в связи с 25-летием со дня его смерти.

П. К. Козлов информировал туркестанских ученых и крае-

ведов о результатах монголо-сычуаньской экспедиции и об истории открытия мертвого города Хара-Хото.²⁴²

Незадолго до революции (в 1916 г.) Туркестанский Кружок любителей археологии, действуя совместно с Туркестанским Отделом Русского географического общества, выдвинул давно назревший вопрос об осуществлении научной регистрации всех сохранившихся на поверхности земли в Туркестане памятников прошлого.

В апреле 1903 г. вновь образованный в Петербурге при Министерстве иностранных дел Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях направил Кружку Устав Комитета для ознакомления с программой его деятельности.²⁴³ Комитет выражал надежду,²⁴⁴ что он встретит содействие «со стороны лиц и учреждений, работавших на местах, в том числе и со стороны Кружка, *уже давно обратившего на себя своей плодотворной деятельностью внимание специалистов*» (курсив наш. — Б. Л.).²⁴⁵

Важный этап в работе Кружка начался после того как приступил к работе Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии. При посредстве В. В. Бартольда и других ученых Комитет многократно субсидировал раскопочные работы членов ТКЛА, исходя из того, что среди местных научных обществ «выдающееся место принадлежит Туркестанскому Кружку любителей археологии, обратившему на себя внимание специалистов рядом научных открытий».²⁴⁶

Выступая 22 января 1904 г. на заседании Восточного Отделения Русского археологического общества с сообщением о деятельности вновь утвержденного (по постановлениям международных конгрессов ориенталистов) Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, В. В. Бартольд указал, что «одним из сотрудников Комитета является Туркестанский Кружок любителей археологии, исполняющий по поручению Комитета научно-археологические разыскания».²⁴⁷

Отчет за десятилетний период деятельности ТКЛА (1895—1905) был доложен на заседании Кружка 23 декабря 1905 г.²⁴⁸

К 50-летию со времени вступления русских войск в Ташкент была приурочена статья тогдашнего секретаря Кружка (с 30 декабря 1914 г.) В. Н. Милованова с обзором выполненных за полвека «работ местных научных сил по физико-географическому, историко-этнографическому и культурно-экономическому исследованию Туркестанского края».²⁴⁹ Характеризуя деятельность Кружка, автор писал, что в летопись Кружка могут быть внесены как особенно замечательные факты: находки и изучение каменных баб, находки намогиль-

ных камней с орхонскими и уйгурскими письменами (В. А. Каллаур) и орудий каменного века, обследование несторианских надгробий и в особенности — изучение оссуариев (И. Т. Пославский, Б. Н. Кастальский).

В 1915 г. ТКЛА отметил двадцатилетие своего существования (1895—1915).

По словам обозревателя, деятельность Кружка состояла в организации собраний и издания трудов членов Кружка, в производстве археологических разведок и раскопок, в собирании различных археологических находок, в изучении памятников старины в крае и в усиленном наблюдении за ними с целью предохранения их от разрушения вследствие неосторожности или хищнической эксплуатации.²⁵⁰

Наивысшей похвалой для Кружка прозвучали слова его друга и наставника академика В. В. Бартольда: «Кружком были достигнуты успехи, признанные специалистами и дающие ему полное право оглядываться на пройденный путь с чувством нравственного удовлетворения».²⁵¹

Очень важна для понимания роли Кружка краткая характеристика ТКЛА, данная в наши дни проф. А. В. Крачковской: «Несмотря на проявленный многими деятелями в Туркестане к концу XIX в. интерес, подогреваемый новизной дела и искренним желанием принести пользу отечественной науке, все стремления не могли давать должных результатов, поскольку они не имели твердого руководства. Насколько важно уничтожить в краеведческой работе стихийный порядок действий, выясняется по результатам, которых достиг Туркестанский кружок любителей археологии. Он организовался в 1895 г. и объединил интеллигентные силы края, целый ряд членов Туркестанского кружка владел или местным языком, или был знаком с арабским письмом. Столичные востоковеды очень сочувствовали деятельности Туркестанского кружка и приняли в ней живое участие. Изменились к лучшему и методы работы».²⁵²

Было бы в то же время неправильным и переоценивать заслуги, вернее научную и общекультурную роль и место Кружка в туркестанском и всероссийском масштабах.

Отметить это тем более необходимо, что в печати встречаются невольные преувеличения роли, значения и влияния научных обществ дореволюционного времени на жизнь народов Средней Азии, вплоть до утверждения, что эта деятельность оказывала большое влияние на широкие массы трудящихся из среды местного населения, доходила до передовых слоев местного отряда рабочего класса и т. д., чего в действительности, конечно, не было и быть не могло, или во всяком случае, почти не было.

Надо констатировать также, что в целом Кружок в своей работе не поднимался до уровня научно-исследовательской организации в строгом смысле этого слова. Он представлял собой типичную научно-краеведческую общественную организацию дореволюционного времени. Работы некоторых отдельных членов ТКЛА (кстати главным образом тех, кто с течением времени и стал подлинным ученым-исследователем) носили для своего времени вполне научный характер, стояли на уровне требований тогдашних научно-исследовательских организаций. Но большинство членов ТКЛА были любители, первичные собиратели фактического материала; отсюда и вытекали пороки попыток обобщения и анализа этого материала, когда авторы публиковавшихся на страницах Протоколов статей вдавались в фантастические домыслы и произвольные умозаключения, стремясь, в частности, отыскивать параллели среднеазиатским памятникам древности не в близлежащих территориях, а прежде всего в далеких зарубежных странах, по случайной литературе и за незнанием литературы отечественной.

Сказанным мы, конечно, хотим только дать реальную оценку деятельности Кружка, установить историческую правду о нем, а не умалить бесспорные заслуги туркестанских любителей-краеведов дореволюционного времени. Их краеведческий энтузиазм делал большое дело. В тяжелых условиях колониальной окраины капиталистической России они собирали полезные сведения, часто на свои скромные личные средства совершали поездки или бродили пешком, фиксируя и описывая памятники древности, записывая предания, легенды и т.д.

Думается, что многие из рядовых и активных членов Кружка могли бы сказать о себе словами В. И. Даля из его письма 24 сентября 1839 г. на имя неперменного секретаря Академии наук. Со свойственной ему скромностью Даль писал: «Не пользуясь достаточным ученым образованием, чтобы отличиться в какой-либо отрасли наук самостоятельными трудами, я сочту себя счастливым, если буду в состоянии способствовать сколько-нибудь ученым исследователям доставлением запасов или предметов для их общепользных занятий».²⁵³

К тому же надо учитывать, что на протяжении своей более чем двадцатилетней деятельности Кружок, разумеется, не стоял в научном отношении на одном месте и с течением времени научный уровень работы Кружка в той или иной мере видоизменялся и повышался. Какими бы, например, несовершенными ни являлись веденные Кружком раскопки Пайкенда в 1914 г. они были серьезным шагом вперед в сравнении с беспомощ-

ными, вслепую ведущимися раскопками, предпринимавшимися Остроумовым и другими в 90-х годах XIX в.

От крайне общих, неполных и неточных описаний отдельных памятников древности, публиковавшихся в первые годы работы Кружка, линия вела к попыткам научного осмысления этих памятников (ср. с полемикой Пославского с Веселовским об оссуариях, статьей Калмыкова об Аму-Дарьинском кладе, Маллицкого о Туркестанской мечети и др.).

Совершенствовалась и иллюстративная часть Протоколов.

Последним из опубликованных протоколов Кружка был Протокол заседания 2 марта 1917 г.²⁵⁴ Заседание это имеет для нас тем большее значение, что на нем обсуждались вопросы о необходимости созыва в пределах Туркестанского края очередного Всероссийского археологического съезда и вопрос о реорганизации Кружка. Сама постановка вопроса о проведении Всероссийского археологического съезда в пределах Туркестанского края являлась поучительной, хотя она и исходила от отдельных лиц, а не от официальных учреждений центра.

Известно, что из всех созывавшихся в России археологических съездов (начиная с 1867 г.) «...восточнее меридиана Москвы было только 2 археологических съезда: в Тбилиси и Казани. Таким образом, восточная часть Европейской России и Азиатская Россия были обследованы меньше всего».²⁵⁵

Постановка вопроса о созыве очередного съезда в Туркестане свидетельствовала, что усилиями специалистов и любителей старины в центре и на местах оказалось накоплено большое количество материалов по археологии Средней Азии и возникло большое количество научных вопросов, властно требовавших обсуждения с трибуны Всероссийского археологического съезда.

Собрание членов Кружка, не предвещая вопроса о месте ближайшего очередного съезда, так как вопрос решается постановлениями самих съездов, признало созыв съезда в Туркестане весьма желательным.²⁵⁶

Что касается вопроса о реорганизации Кружка, то суть дела сводилась здесь к предложению члена Кружка М. Л. Юдина о своевременности преобразования Кружка в Архивную комиссию.²⁵⁷ Собрание членов Кружка постановило отложить обсуждение вопроса.

Дальнейшая деятельность ТКЛА была прервана ходом бурных событий революции. Средняя Азия стала ареной упорных и жестоких боев за победу власти трудового народа, Советской власти. Великая Октябрьская социалистическая революция встретила в Средней Азии отчаянное сопротивление со

стороны русской (колониальной) и местной (национальной) буржуазии, чиновничества, офицерства, баев и русских кулаков, духовенства, белогвардейских элементов, стекавшихся в Среднюю Азию из центральных областей России, верхов семиреченского казачества и т. д. За спиной внутренней контрреволюции стояли иностранные империалисты, не остановившиеся перед прямой интервенцией и введшие свои войска в Среднюю Азию.

Специфические особенности Средней Азии (Туркестанский край — отсталая колониальная окраина царизма, наличие Бухарского эмирата и Хивинского ханства и т. д.) еще более осложняли ход борьбы и требовали максимальной мобилизации сил рабочего класса и всех трудящихся руководимых Коммунистической партией для разгрома внутренней и международной контрреволюции в Средней Азии.

В этой трудной обстановке, в дни, когда решались судьбы миллионных масс трудящихся Средней Азии, деятельность ТКЛА временно сошла на нет. Кружок не был ликвидирован, формально продолжал существовать, но работа его замерла. Верхушечной части членов Кружка, представителям «верхних десяти тысяч» (Ленин), злобно ненавидевших Советскую власть, было больше не до подобных организаций, в «низовую» часть членов Кружка революция внесла ветер новой жизни, поставила новые задачи, новые проблемы.

В 1917 г. ТКЛА прекратил свое существование.²⁵⁸

В изданной специальным приложением к журналу Туркнаркомпроса «Наука и просвещение» справочной брошюре «Научная жизнь Туркестана» (октябрь 1922 г.) мы находим такую справку о Туркестанском кружке любителей археологии: «Отпраздновав в 1915 г. свое 20-летие, кр. вскоре после этого заглох. В 1917 г. вышла последняя книжка «Протоколов» Кружка за XXI год. В 1919 г. кружок вошел, как секция в Турк. Отд. Р.Г.О.²⁵⁹, хранящий его архив, в котором есть неопечатанные ценные материалы (напр. отчеты В. Д. Городецкого об археологических поездках по Чимкентскому у. со снимками надписей, напоминающих орхонские». Указывается и другая дата вхождения Кружка в ТОРГО на правах секции: «Дела Туркестанского Кружка любителей археологии (в 1918 г. вошедшего в Отдел, как секция)... были сохранены Отделом».²⁶⁰

* * *

Таковы данные к истории образования и развития деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии за время его существования. Мы не сочли бы свою задачу выполненной,

ограничившись только данными о Кружке в целом, о Кружке, как таковом, и не коснувшись хотя бы кратко деятельности отдельных, наиболее активных членов Кружка, среди которых были люди, оставившие после себя заметный след в истории туркестановедения.

Кроме того, специальное место приходится уделить в работе характеристике деятельности Остроумова, чье имя неотделимо от истории ТКЛА, поскольку Остроумов был его непосредственным руководителем.

В данном случае приходится вести речь о фигуре социально противоречивой.

Недавно был случай, когда один из молодых историков держался точки зрения, что в лице Остроумова мы имели представителя передовой культуры русского народа, что, конечно, не соответствует действительности.

Остроумов не был ученым первого ранга, его работы по исламоведению носили не только великодержавно-шовинистический характер, но в значительной мере были и компилятивными и устаревшими по методике и материалам исследования, не стоявшими на высоком научном уровне.

Исламоведческой деятельности Н. П. Остроумова мы особо здесь не касаемся. Позволим ограничиться краткими отзывами о ней И. Ю. Крачковского и Н. А. Смирнова: «В связи с потребностями популяризации и преподавания, — пишет Крачковский, — Н. П. Остроумов выпустил с конца 70-х до 1914г. очень много статей и книг по вопросам исламоведения, понимаемых им широко, но в освещении казанской школы. Как бы итогом его работы явилась серия «Исламоведение» (1910—1914), включившая четыре монографии: «Аравия — колыбель ислама», «Коран — религиозно-законодательный кодекс мусульман», «Шариат по школе (мазхаб) Абу Ханифы», «Введение в курс исламоведения». На анализе первой из книг Бартольд показал, что не воспроизводя крайностей казанской школы, работа все же мало отвечает современному состоянию науки».²⁶¹ И. Ю. Крачковский же замечает, что «на работах Остроумова сильно заметна подчас академическая противомусульманская подготовка, хотя и без особенно неприятных сторон ее».²⁶²

«Политическое лицо русских историков Востока, — говорит Н. А. Смирнов, — определялось их принадлежностью к различным политическим партиям и направлениям господствующих классов. К черносотенно-монархическому и реакционному лагерю, поддерживаемому правительством и церковью, принадлежали прежде всего активные деятели колониального режима, тесно связанные с миссионерскими кругами (Н. Остроу-

мов, В. Череванский, П. Цветков и др.):». Смирнов отмечает и тот факт, что «серия книг по исследованию миссионера и колонизатора Н. Остроумова» была пронизана стремлением защитить интересы царизма в период, когда после поражения первой русской революции 1905—1907 гг. царское самодержавие усиливало режим свирепой политической реакции, усугубляя, в частности, жестокий национальный гнет на окраинах.²⁶³

Все это обязывает нас остановиться на Остроумове — авторе нескольких сот различных публикаций.²⁶⁴

В значительной мере верноподданнический характер носит автобиографическая книга Остроумова о Кауфмане,²⁶⁵ подтверждающая, что уваровская триединая формула — «православие, самодержавие, народность» — как нельзя больше подходила к характеристике сугубо реакционного политического мировоззрения Остроумова.

Не случайно на состоявшемся в Ташкенте (декабрь 1910—январь 1911 гг.) I Туркестанском съезде преподавателей средних учебных заведений не без прямого влияния ретрограда Остроумова и его единомышленников секция закона божия внесла предложение, «чтобы в силу последнего определения святейшего Синода преподавателям естественных наук было вменено в обязанность предлагать ученикам выводы этих наук только как научные теории и гипотезы, а не как научные догмы, исключаящие какие-либо возражения».²⁶⁶

Не менее характерно для непримиримо идеалистических взглядов Остроумова, что в связи с возникшей на упомянутом съезде полемикой о преподавании естествознания Остроумов выступил на съезде с докладом, одно название которого говорит само за себя: «Таинственно-непознаваемое как реальная основа религиозного чувства».²⁶⁷

В этом же плане, например, была заметка Остроумова по поводу одного дневника народного учителя, в котором Остроумов усматривал тревожные признаки падения религиозности и нравственности среди учительства.²⁶⁸

Проф. Н. А. Смирнов обоснованно видит в Остроумове «представителя царской колониальной администрации в Средней Азии..., одновременно выполнявшего роль «просветителя инородцев», т. е. русификатора; это был яркий проводник политики царизма, направленной к тому, чтобы уничтожить зачатки всякой государственности у нерусских народов, заглушить их культуру, стеснять развитие языка, держать их в невежестве...»²⁶⁹

В 1877 г. Остроумов переехал в Ташкент, где и провел более 40 лет своей жизни, занимая различные административно-педагогические посты и ведя научно-организационную и научно-краеведческую работу.

Он стоял близко к руководству «Туркестанскими Ведомостями» (созданными в 1870 г.)

Официозный характер газеты, ее ярко выраженное верно-подданническое направление (при узком круге читателей, главным образом из верхушечной части местного населения, и малом, тираже, составлявшем в 1895 г. 725 экземпляров при 50 еженедельных номерах), ее боязнь, — говоря словами В. И. Ленина, — «демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата»,²⁷⁰ все же не устраняли того, что в ней печатались и некоторые общегражданские материалы, «выдающиеся факты из жизни разных стран, причем более подробно заметки касались России и Азии», извлечения из сочинений древних авторов, описание местных древностей, научно-популярные статьи, географические известия и т. п.²⁷¹

По словам В. Р. Розена, «Туркестанским Ведомостям» с самого первого дня существования было поставлено в задачу по мере возможности содействовать изучению (Туркестанского) края во всех отношениях, и эту задачу они преследовали настойчиво и умело.²⁷²

С 1870 г. в Ташкенте издавалась официальная «Туркестанская туземная газета». С 1883 по 1917 г. ее редактором был Н. П. Остроумов, а «сотрудниками его были туземные ученые» (слова В. В. Бартольда).²⁷³

Один из современников писал касательно «Туркестанской туземной газеты», что газету эту (печатавшуюся арабским шрифтом) «кроме наборщиков никто и не читает. Бог весть для кого она существует, разве только для редакторского жалованья. Издается она на туземном языке, но туземцы-то ее и не читают...»²⁷⁴

Из отчета Н. П. Остроумова о работе газеты явствует, что первенствующее место в ней занимали сообщения «О Русском Императорском Доме»..., «самое большое место в газете занимали сообщения о Туркестанском ген. губернаторе и распоряжения его Высокопревосходительства, касающиеся туземцев».

Газета сознательно избегала критической постановки дела и, по словам самого Остроумова, не допускала «осуждения того или иного должностного лица из туземцев».

На посту редактора «Туркестанской туземной газеты» Остроумов по-своему покровительствовал Фуркату и Мукими, очевидно, надеясь сделать из них верноподданнических узбекских поэтов и своих союзников в борьбе против революции, не предполагая, что из-под пера Фурката и Мукими появятся обличительные, в духе революционно-сатирической поэзии Некрасова, демократические произведения, направленные против царской администрации, кокандского Худояр-хана и других.

Именно с точки зрения культуртрегера, русификатора и смотрел Остроумов на коренное население Туркестанского края, милостиво признавая при этом, что оно «способно к дальнейшему развитию».

Остановка, по взглядам Остроумова, была только за тем, чтобы претворить в жизнь слова графа Д. А. Толстого, избранные Остроумовым в качестве эпиграфа к одному из разделов своей книги «Сарты»: «Просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским духом и народностью составляет задачу величайшей государственной важности».

Характерно, что по собственному признанию Остроумова, его уход в апреле 1917 г. со службы последовал после того, как во время посещения «туземной части Ташкента Керенским со свитой» со стороны местных жителей («мусульман») раздавались заявления, что «меня (Остроумова) следует арестовать, а напечатанные мною книги по исламоведению сжечь». Даже буржуазное Временное правительство сочло за благо удовлетворить прошение Остроумова об отставке.²⁷⁵

Кстати сказать, для понимания взглядов Остроумова очень важно учесть, что своим учителем и духовным наставником он всю свою жизнь считал Ильминского. Н. И. Ильминский (1822—1891), директор инородческой учительской семинарии, «основатель системы инородческого просвещения», был педагогом консервативного, миссионерского направления. В своей активной деятельности по просвещению национальных меньшинств (татары, чуваша, мордвина, удмурты и другие) Ильминский видел, прежде всего, средство для их русификации и приведения в православие, фанатическим приверженцем чего он и являлся.

Вместе с тем, следует учесть и другую сторону дела. Когда Ильминский создавал, например, на основе русской графики алфавиты чувашского, татарского, марийского, удмуртского и других языков народов царской России, то это «имело прогрессивное значение, т. к. способствовало распространению грамотности и на русском языке среди этих народов».²⁷⁶

Нельзя не согласиться, например, с указанием действительного члена Академии педагогических наук проф. Н. А. Константинова, что «следовало бы уделить известное внимание...Ташкентской Учительской Семинарии; помимо желания колониальных властей, через это учебное заведение проникала и прогрессивная мысль (как общественно-политическая, так и педагогическая)».²⁷⁷

В публикациях Остроумова содержался некоторый познавательный материал по местным особенностям ислама, по жизни и быту народов Средней Азии и т. д. Остроумовым

был собран, систематизирован и изучен материал по вопросу о нормах шариата (семейное и наследственное право) в Туркестане, о системе мусульманских и русско-туземных школ края и др.

При оценке значения и характера деятельности Н. П. Остроумова необходимо учитывать, что Остроумов, как говорит об этом И. Ю. Крачковский, считался «в центре иногда как бы представителем всего среднеазиатского востоковедения».²⁷⁸

В рамках Туркестанского Кружка любителей археологии Остроумов держался лояльных позиций. В данном случае его, видимо, вполне удовлетворял академически «аполитичный» характер научной деятельности ТКЛА и на страницах его изданий тех крайностей, которых можно было бы ожидать от человека таких отрицательных качеств и столь реакционных политических убеждений, каким был Остроумов. Полагаем, что большую положительную роль играло также активное воздействие на характер и направление деятельности Кружка со стороны Василия Владимировича Бартольда — носителя взглядов петербургской школы востоковедов. Последняя же, будучи весьма консервативной, в то же время стояла в «оппозиции» к казанской школе востоковедов с ее явно выраженными и нескрываемыми черносотенно-русификаторскими взглядами и методами работы. Петербургские востоковеды усматривали в этом нарушение традиций «высокой и чистой науки», отход от нее, дань «низменной политике» и проч. Так или иначе, но в данном случае эта сторона дела оказывала (через Бартольда, отчасти Радлова и других) благотворное, сдерживающее влияние на деятелей типа Остроумова и тем самым придавала действительно научный характер работе ТКЛА. Полагаем, наконец, что Остроумов не мог в какой-то мере не считаться и с тем, что в рядах членов Кружка, наряду с представителями военной администрации, чиновничьей верхушки, находилась и либерально настроенная часть рядовой интеллигенции, которая вносила большой вклад в работу Кружка, видя в нем научную организацию, и едва ли отнеслась бы положительно к целям и задачам Кружка, если бы он носил черты махрово-мракобесной организации, действующей лишь под флагом науки.

* * *

Остановимся теперь на активных деятелях ТКЛА.

В 1926 г. Бартольд писал: «Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане, я иногда не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, игравшие когда-то более чем заметную (научную) роль, даже при скромном служебном положении».²⁷⁹

А в составе Кружка было немало людей, заслуживших право на память.

Таким был, например, член-учредитель Кружка Василий Федорович Ошанин. Человек, никогда не имевший ученых степеней и званий, питомец Московского университета, ученик А. П. Богданова и товарищ по студенческой скамье А. П. Федченко, он 33 года подряд, начиная с 1872 г. и до момента выхода в отставку, оставался работником средней школы (учителем, а затем директором женской гимназии в Ташкенте) глухой по тем временам провинции. Выйдя в отставку, он переехал в Петербург и на протяжении 11 лет безвозмездно вел обработку энтомологических коллекций Зоологического музея Академии наук и подготавливал к печати свои научные труды.²⁸⁰ Но кто не знает В. Ф. Ошанина как одного из известнейших русских специалистов-энтомологов и одного из первых русских дарвинистов! В годы, предшествующие началу первой мировой войны, когда в Петербурге распространилось тлетворное влияние всякого рода лженаучных религиозно-философских воззрений (теософия, браманизм и т.д.), 73-летний В. Ф. Ошанин в письме к сыну писал: «Что касается лично меня, то я не поклонник всех этих новшеств и философских хитросплетений. Я старый дарвинист и, конечно, дарвинистом и умру. Мне кажется, что все эти течения возникли отнюдь не из потребности науки, не из ее естественного роста, как возникло учение Дарвина, а из философских течений и временных построений, которые ничего общего с наукой не имеют».²⁸¹

«Очень велики, — замечает акад. И. Ю. Крачковский, — научные заслуги нашего долголетнего консула в Кашгаре, военного по образованию, Н. Ф. Петровского (1837—1908)... В арабистике ему принадлежит очень интересный и важный опыт обработки материалов, собранных Шпренгером, — «Древние арабские дорожки по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Пособие для разыскания древних путей и местностей» (1894)».²⁸²

Книга Петровского представляла собой перевод извлечений из сочинений Шпренгера („Die Post und Reiserouten des Orients“) и ставила своей целью дать любителям археологии, живущим в Средней Азии, руководство с указаниями арабских писателей, дабы открыть древние пути и местности, подобно тому как это пытался сделать бывший старожил города Ташкента Шварц, объяснявший на основании свидетельств греческих писателей и своих путешествий по краю путь Александра Македонского по Туркестану.²⁸³

Николай Федорович Петровский являлся одним из русских первооткрывателей древностей Синьцзяна, возбуждавших интерес к ним русской и западноевропейской науки.²⁸⁴

Публикуя статью Петровского о древностях Кашгара, редакция Записок Восточного Отделения Русского археологического общества отметила, что «русскому исследователю Н. Ф. Петровскому принадлежит честь открытия целого ряда любопытнейших памятников древности в Кашгаре».²⁸⁵

Предметы из коллекции древностей Н. Ф. Петровского издавались многократно, в том числе видными учеными нашей страны: С. Ф. Ольденбургом²⁸⁶, Г. Кизерицким²⁸⁷ и другими.

Богатейшее собрание кашгарских, санскритских и других рукописей Н. Ф. Петровского было приобретено Академией наук и поступило в Азиатский музей²⁸⁸.

14 мая 1904 г., когда Н. Ф. Петровский оставил службу в Кашгаре, общее собрание совета Русского археологического общества единогласно избрало Н. Ф. Петровского (по представлению Восточного Отделения) своим почетным членом²⁸⁹, отмечая, что в 1891 г. ВОРАО обратилось к нему впервые, как к лицу, «тогда уже хорошо известному специалистам своим интересом к истории и археологии Средней Азии». Доставлявшиеся же им материалы в виде старинных рукописей и памятников древности обозначили «новую эру в изучении древностей Китайского Туркестана», и Петровский «первый открыл широко для науки эту любопытнейшую область».²⁹⁰

Н. Ф. Петровскому принадлежат и критические замечания по изданным²⁹¹ переводам надписей из Гури-Мира (Гур-Эмира) в Самарканде.²⁹²

После смерти Петровского «осталась роскошная ценная библиотека и масса китайских редкостей... Дорогая библиотека за 5000 р. приобретена уже для Ташкента, желательно было бы приобрести для нашего Туркестанского музея, — писала газета «Туркестанские Ведомости», — и все другие редкости».²⁹³

В письме от 29 ноября 1908 г. В. В. Бартольд писал по поводу смерти Петровского: «Доходившие до меня в последнее время известия из Ташкента были не особенно радостны; в особенности меня огорчило неожиданное известие о смерти Н. Ф. Петровского. Насколько наше арх. общество обязано покойному — об этом нечего и говорить».²⁹⁴

Николай Николаевич Пантусов (1849—1909), известный русский археолог, этнограф, фольклорист и географ, всю свою жизнь посвятил изучению Средней Азии и Казахстана.

Знанию Средней Азии содействовали частые поездки Пантусова по ее территории в качестве чиновника особых поручений Управления Семиреченской области (с 1883 по 1908 г.)

«В 1872 году, — читаем мы в «Туркестанских Ведомостях», — прибыл на службу в Туркестанский край молодой ориенталист Н. Н. Пантусов; внимание его... привлекли... мно-

точисленные древности Средней Азии... Н. Н. Пантусов побывал на службе в Ташкенте, Фергане, Семиречье и Кульдже и всюду он оставил следы своей наблюдательности».²⁹⁵

«Весьма усердного сотрудника, — было записано в отчете Археологической комиссии за 1885 г., — по части собирания среднеазиатских древностей, Комиссия нашла в лице... ориенталиста Пантусова. При содействии его Комиссии удалось получить несколько совершенно неизвестных доселе надгробных камней с крестами и сирийскими надписями с древнего несторианского кладбища, находящегося близ Пишпека в Токмакском уезде и относящегося к IX—XIII вв. нашего летоисчисления».²⁹⁶

Н. Н. Пантусов являлся воспитанником восточного факультета (разряд арабско-персидский — турецко-татарский) Петербургского университета, где его однокурсником был К. Г. Залеман.²⁹⁷

Академик И. Ю. Крачковский, характеризуя заслуги Пантусова, писал: «Товарищ по Университету известного впоследствии ираниста К. Г. Залемана (1849—1916), Пантусов кончил курс в 1871 г. и был близким учеником историка Востока В. В. Григорьева. За сочинение на тему, предложенную последним, о географической литературе арабов «с обозначением, как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения», он был награжден золотой медалью и оставлен для подготовки к профессорскому званию по Кафедре истории Востока. Однако уже в следующем, 1872 году он перешел на службу в Туркестан... Его интересовали в Туркестане и древности края, и своеобразные особенности жизни или быта современного населения. К арабистике имели отношение его заметки за этот период по нумизматике и памятникам материальной культуры с надписями, равно как его сообщения о внутренней жизни разных дервишеских орденов Средней Азии или их связи с движением в арабских странах».²⁹⁸

В докладе Н. И. Веселовского 24 сентября 1909 г. в ВОРАО, посвященном памяти Н. Н. Пантусова, была охарактеризована жизнь и деятельность этого трудолюбивого и неутомимого исследователя Туркестана и Семиречья.²⁹⁹

Пантусову принадлежит также заслуга публикации восточных рукописей, фольклорных материалов и языковедческих изысканий.³⁰⁰

Евгений Тимофеевич Смирнов (ум. 18 августа 1913 г.), прослуживший в Туркестане 28 лет и хорошо знавший край, также вел большую научно-общественную работу. Долгое время (с начала 90-х годов) Смирнов являлся действительным членом и секретарем Сыр-Дарьинского областного статистического коми-

тета. Он был одним из членов-учредителей ТКЛА. Смирнову принадлежит заслуга издания в Ташкенте научно-литературного сборника «Средняя Азия» и журнала «Среднеазиатский Вестник».³⁰¹

Е. Т. Смирнов живо интересовался археологией. По свидетельству его биографа, Смирнов покинул Туркестанский край в 1899 г., но, вернувшись затем незадолго до смерти в Ташкент, «задумал сделать обширную археологическую работу и уже приступил к ней, но смерть остановила неутомимого труженика».³⁰²

Помимо ряда мелких сообщений, сделанных Е. Т. Смирновым в заседаниях Кружка (об остатках городища Канка и других), он опубликовал две интересные работы: «Древности в окрестностях г. Ташкента» (1896) и «Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи» (1897). Деятельность Е. Т. Смирнова в Туркестане прервалась к началу нынешнего столетия в связи с его переездом по работе на Дальний Восток и возобновилась здесь, как было сказано; уже накануне его смерти.³⁰³

Нам уже приходилось говорить о трудах члена ТКЛА, военного инженера И. Т. Пославского. Родился Илья Титович Пославский 2 августа 1853 г. Окончил Николаевскую инженерную академию по 1 разряду. С 27 марта 1903 г. являлся начальником инженеров Туркестанского военного округа.³⁰⁴

Умер Пославский 13 ноября 1914 г. в должности начальника Окружного Управления по квартирному довольствию войск. «Состоя, — читаем мы в некрологе о нем, — долгое время председателем Туркестанского Кружка любителей археологии, он постоянно вносил в него энергию..., побуждая членов Кружка к активной деятельности по изучению археологии Края».³⁰⁵

Его памяти было посвящено заседание Кружка 30 декабря 1915 г., на котором в числе других с сообщением «Памяти Ильи Титовича Пославского» выступил академик В. В. Бартольд. Кружок предполагал (это намерение осталось неосуществленным) путем подписки издать особой брошюрой археологические труды И. Т. Пославского, приложив к ним портрет его, биографический очерк.³⁰⁶

В связи со смертью И. Т. Пославского В. В. Бартольд писал, что «было бы хорошо, если бы коллекция Пославского попала в какой-нибудь музей: здешний или туркестанский, а не ушла за границу».³⁰⁷

Скромному труженику, топографу по специальности — Н. Ф. Ситняковскому — Кружок был обязан открытием и описанием ряда важных памятников древности.

Н. Ф. Ситняковский был, по-видимому, первым из тех, кто отметил наличие в окрестностях Самарканда «бугра» Тали-Барзу — городища, приобретенного в наши дни широкую известность.³⁰⁸

Илья Гитович Пославский.

Ситняковский первым сообщил об остатках предполагаемой древней Дабусии, выступил с сообщением о развалинах Пайкенда и т. д.

Как и многие другие члены Кружка, Н. Ф. Ситняковский выступал также со статьями этнографического характера³⁰⁹.

Нил Сергеевич Лыкошин интересовался не только вопросами археологии, но и этнографией, фольклором. Не вдаваясь в подробности, сошлемся хотя бы на известную его книгу «Полжизни в Туркестане», вышедшую в свет накануне революции (1916 г.).

О работах Лыкошина (как и о работах Б. Н. Кастаньского и других) мы говорим в других местах нашей работы. Здесь напомним лишь, что помимо работ, напечатанных на страницах Протоколов, ряд археологических заметок Лыкошина, часто без подписи, рассеян на страницах газет «Окраина», «Русский Туркестан» и других. Широко сотрудничал Лыкошин в газетах и журналах по вопросам языковедения, этнографии, переселенческого дела, благотворительности (помощь слепым и прокаженным, взаимопомощь), школьного дела и чтений для народа, коммунального хозяйства города Ташкента и др.

О многочисленных статьях и работах Лыкошина по бытовым условиям местного населения В. В. Бартольд замечал, что Лыкошин «по своему служебному положению мог подробно ознакомиться с бытом туземцев; из его работ... видно..., что он воспользовался этой возможностью в самой широкой степени».³¹⁰

Мы знаем Лыкошина и как переводчика «Истории Бухары» Наршахи.

В переводе Лыкошина с тюркского вышли из печати также «Автобиография Тамерлана»,³¹¹ «Кодекс приличий на мусульманском востоке», составленный Мухаммедом Садыком Кашкарским (Кашгарским), затем ряд переводов из «Диван-и Машраб».

В переводе Лыкошина издавались «на тюркском языке» брошюры для местного населения (по русской истории, по сельскому хозяйству — пчеловодству, применению минеральных удобрений и т. д.).

В 1906 г. Н.С. Лыкошин издал в переводе на узбекский язык учебник русской истории (по С. М. Соловьеву), за что, кстати сказать, подвергся нападкам крайних великодержавно-шовинистических элементов, усмотревших в факте издания такого учебника не на русском языке явление, тормозящее будущее «обрусение» местного населения.

Уже после революции Лыкошин печатал статьи на различные темы в газетах «Просвещение», «Народный университет», «Туркестанский курьер». «Туркестанское слово», «Туркестан-

ская речь», «Советский Туркестан», «Коммуна». Среди них были статьи о программе курса этнографии узбеков и узбекского наречия для Туркестанского народного университета (этот курс читал сам Лыкошин). Статьи Лыкошина появлялись и в журналах «Вестник просвещения и коммунистической культуры», «Военная мысль», «Новые вехи», «Юный туркестанец» (некоторые из них печатались уже после смерти автора).

При всем том нельзя, разумеется, забывать другой стороны дела, например, той, что Лыкошин занимал должность самаркандского военного губернатора.³¹²

Удаленный после Октябрьской революции из Туркестана как представитель ненавистной народу колониальной администрации Лыкошин поселился в Самаре и служил там в одном из учреждений.

Усерднейшим регистратором и описателем памятников древности был В. А. Каллаур.³¹³ «Член Клуба В. А. Каллаур,— читаем мы в Протоколах,— немало потрудился над осмотром и описанием многих древних урочищ в Аулиеатинском и Перовском уездах. Этому неутомимому исследователю принадлежит честь открытия в крае камней с орхонскими и уйгурскими письменами».³¹⁴

Свою службу в Аулие-Ата В. А. Каллаур начал в 1876 г.³¹⁵ и тогда же заинтересовался историческим прошлым города, опубликовав впоследствии со своими комментариями любопытные устные рассказы по истории города местных старожилов³¹⁶.

Свои ценные краеведческие наблюдения В. А. Каллаур проводил на протяжении более четверти века.³¹⁷

Первые сведения о памятниках древности Аулие-Атинского уезда В. А. Каллаур сообщил Клубу уже в письме 30 января 1896 г.³¹⁸ Это сообщение было напечатано на страницах Протоколов в том же году.³¹⁹

Чрезвычайно интересной нужно признать попытку В. А. Каллаура установить в пределах Аулие-Атинского уезда местонахождение пунктов, упоминаемых в изданных Н. Ф. Петровским древних арабских дорожниках.³²⁰ «С этой целью,— пишет Каллаур,— при своих поездках по уезду я обращал внимание на встречающиеся развалины городищ и так называемых «турткулей» и на дороги, по которым они расположены, а также собирал расспросные сведения».³²¹ Каллаур составил план дороги от г. Аулие-Ата до с. Чалдавал, с показанием предполагаемой дороги из древнего Тараза в Восточный Туркестан. На этом плане современным наименованиям местностей и населенных пунктов соответствуют их предполагаемые древние названия.

При объезде в 1900—1901 гг. Сауранской, Приречной и других волостей Перовского уезда В. А. Каллаур осмотрел и нанес на карту «почти все развалины древних городов, крепостей и курганов, находящихся в названных волостях»³²².

Уже в первую свою поездку в Среднюю Азию с В. А. Каллауром познакомился и В. В. Бартольд, свидетельствующий, что он и его спутники, «прибыв в Аулиеата, получили некоторые сведения от уездного начальника Вас. Андр. Каллаура и на основании их решили осмотреть долину Таласа»³²³.

«Результаты наших изысканий в долине Таласа,— свидетельствует Бартольд,—...значительны, особенно благодаря любезному содействию начальника Аулиеатинского уезда В. А. Каллаура. Прожив в крае около 20 лет, В. А. Каллаур отлично знает свой уезд и потому мог сообщить нам самые подробные сведения о находящихся в нем памятниках древности»³²⁴.

«С особой благодарностью,— писал в другом месте Бартольд,— отмечаем статью Каллаура, впервые давшего нам план интересных развалин Саганака, или Сыгнака, и впервые, по-видимому, правильно определившего местоположение города Ашнаса (ныне развалины Асанас, в Головачевской волости)»³²⁵.

Помимо сведений о различных памятниках древности, Каллаур доставлял важные материалы по исторической топографии и топонимике, ценность которых возрастала по мере того, как автор совершал поездки, во время которых он сопоставлял названия и места расположения памятников древности с их названиями и указаниями места их нахождения на картах предшествующих исследователей (Романовского, Мушкетова и др.), а также с показаниями древних авторов — арабских и иных. Таковы, в частности, публикации Каллаура о древних местностях Аулие-Атинского уезда, о развалинах древних крепостей по р. Яны-Дарье³²⁶ и другие.

Где бы ни проживал и ни работал Каллаур, он всегда стремился, говоря его же словами, «принести посильный труд по археологии... в... месте своего служения... и собирать сведения о местах нахождения развалин древних городов».³²⁷

Говоря о В. А. Каллауре, В. А. Крачковская замечает, что он «был не только наблюдателем, он старался по возможности сохранить надписи (имеются в виду эпиграфические памятники.— *Б. Л.*) от гибели, от использования в качестве материала».³²⁸

Один из современных исследователей называет В. А. Каллаура «прекрасным исследователем Таласской долины и прилегающих областей».³²⁹

Преимущественно как фольклорист и этнограф зарекомендовал себя Абубекр Ахмеджанович Диваев (1856—1932), башкир по национальности, проведший всю свою сознательную жизнь в Средней Азии. Знаток языков местных народов

Абубекр Ахмеджанович Диваев.

Диваев, помимо трудов лингвистического характера, изучал также среднеазиатский фольклор и этнографию; интересовался он и памятниками древности. Диваев окончил Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге и с 1876 г. служил в Ташкенте в Военно-народном управлении. Отсутствие высшего образо-

вания Диваев восполнил самообразованием и с течением времени превратился в ученого-краеведа с обширными познаниями в указанных выше областях знания.

Многочисленные и многообразные по характеру изложения труды Диваева порой несут на себе печать отсутствия академической подготовки, грешат сосуществованием в их тексте подлинно научных наблюдений и выводов с мало обоснованными гипотезами и утверждениями (черта, присущая многим краеведам, не располагавшим специальной подготовкой), но в целом труды Диваева занимают заслуженно видное место в научном наследии лиц, начавших свои работы по изучению прошлого Средней Азии в дореволюционный период.

В самой среде членов Круга Диваев уже в начале нынешнего столетия слыл как «неутомимый собиратель этнографических материалов.»³³⁰

Яркую, колоритную фигуру являл собой Николай Гурьевич Маллицкий.

Окончив Петербургский историко-филологический институт, Н. Г. Маллицкий по собственному желанию в 1895 г. был направлен на работу в Среднюю Азию на должность учителя истории и географии в Ташкентской учительской семинарии. В Петербурге Маллицкий слушал лекции А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. Ф. Соколова и собирался специализироваться у последнего по истории эллинизма на Востоке, что и наложило отпечаток на последующую деятельность Маллицкого. Будучи в основном географом, он вместе с тем глубоко и постоянно занимался археологией. Помимо знания языков классических, немецкого, французского и английского, Маллицкий знал узбекский и таджикский, что немало содействовало успеху его научных занятий в Средней Азии.

Первой в серии археологических исследований Маллицкого явилась работа о пещере Кан-и-Гут, опубликованная в 1896 г. В этой работе Маллицкий, дав подробное физико-географическое описание пещеры, высказал предположение, что она являлась и местом древнего рудника., что нашло свое подтверждение в последующих исследованиях. В 1897 г. увидело свет его второе историко-археологическое исследование — о ходжакентских надгробных памятниках XIV столетия, снабженное его собственными переводами семи надписей на надгробьях местных шейхов.

Н. Г. Маллицкому принадлежит и заслуга публикаций многочисленных историко-археологических сообщений различных авторов на страницах газеты «Туркестанские Ведомости» (Ташкент), редактором которой он являлся в 1901—1906 гг. «Я старался придать ей,—пишет в своей автобиографии

Маллицкий,—серьезный краеведческий характер». Он занимался специальными изысканиями по исторической топографии Ташкента (Маллицкий являлся одним из лучших знатоков прошлого города).

Большое значение для дальнейшей плодотворной разработки вопроса явилось высказанное Маллициким предположе-

Николай Гурьевич Маллицкий:

ние о скифо-сарматском происхождении туркмен. Маллицкий использовал здесь материалы исторического, этнографического и антропологического характера (долихоцефалия туркмен). По компетентному отзыву Л. В. Ошанина, «эта идея оказалась чрезвычайно плодотворной и ныне скифское происхож-

дение туркмен является общепризнанным среди советских антропологов»³³¹.

«Член Кружка Н. Г. Маллицкий,— говорится в Протоколах,— от времени до времени докладывал членам Кружка собранные им личными расспросами и извлеченные из мусульманских сочинений исторические сведения о прошлой политической жизни некоторых местностей Туркестанского края, главным образом города Ташкент».³³²

Немалую дань отдал Н. Г. Маллицкий и фольклору.³³³

Н. Г. Маллицкий был активным сотрудником Туркестанского отдела Русского географического общества. Уже в 1897 г. (на 25 году своей жизни) он был избран ученым секретарем, 12 октября 1899 г. — правителем дел Отдела, а с 1906 по 1917 год являлся его председателем. В числе учеников Н. Г. Маллицкого (по средней школе в Ташкенте) были А. Ю. Якубовский, библиограф Е. К. Бетгер и другие.

Заслуживает внимания В. П. Наливкин. В. В. Бартольд писал о Наливкине, что это был «едва ли не лучший знаток языка и быта сартов из русских», что им (совместно с женой) была написана «превосходная книга», изданная в 1886 г. в Казани и содержащая «гораздо более разнообразные сведения, чем можно было бы ожидать по ее скромному заглавию».³³⁴ Наливкин, по словам Бартольда, обладал «исключительным знанием Туркестана», был «знатоком Туркестана».³³⁵

Заметим, что Наливкину суждено было явиться первым учителем первой русско-туземной школы, открытой в Ташкенте 19 декабря 1884 г. «Намечен был и первый учитель для этой своеобразной школы, г. Наливкин, основательно изучивший жизнь сартов, их язык, нравы и обычаи. Он (бывший офицер-артиллерист) единственно из любви к делу несколько лет провел в сартовском селении, чтобы пройти действительную школу сартовской жизни».³³⁶

В. П. Наливкин был также автором и составителем нескольких «хороших учебных руководств» («Руководство к практическому изучению сартовского языка», «Руководство к практическому изучению персидского языка» и др.).

Книга Наливкина «Краткая история Кокандского ханства» явилась первым после включения Ферганы в состав России описанием Кокандского ханства, составленным с привлечением некоторых первоисточников.³³⁷ Обилие и новизна фактического материала книги привлекли к ней внимание, и она была переведена в 1889 г. на французский язык.

Вместе с тем книга В. П. Наливкина вызвала противоречивые оценки рецензентов. Так, Н. И. Веселовский писал, что осуществленный Наливкиным очерк истории ханства изложен

«без соблюдения необходимых научных требований, даже самых элементарных».³³⁸ Позже, в 1911 г., В. В. Бартольд констатировал, что «из его (Наливкина) источников до сих пор изучен только один, притом далеко не самый ценный, другие до настоящего времени остаются в рукописи».³³⁹

«Полезный труд В. П. Наливкина,— писал В. Р. Розен,— ...вполне заслужил чести перевода ввиду большого интереса, который он представляет для столь мало знакомой с историей Средней Азии европейской публики».³⁴⁰

Из среды активных деятелей Кружка вышел Михаил Степанович Андреев — «неутомимый путешественник по Средней Азии и организатор, знаток всех местных языков, этнограф, ученый и педагог, впоследствии член-корреспондент АН СССР».³⁴¹

М. С. Андреев родился 24 сентября 1873 г. в Ташкенте, в семье мелкого служащего.³⁴² В 1894 г. он окончил Туркестанскую учительскую семинарию и, помимо того, Ташкентское медресе Ишан-Кули Додхо, в которое, кстати сказать, Андрееву приходилось ходить в местной узбекской одежде. С 1897 по 1902 гг. он учился на специальных курсах по востоковедческому делу в Петербурге под руководством академиков К. Г. Залемана и В. В. Радлова.

По окончании учительской семинарии он начал свою педагогическую деятельность (заведующий вечерними курсами для местного населения в Ходженте). М. С. Андреев все время усердно занимался изучением местных наречий и сам уже в 1894—1896 гг. преподавал их и персидский язык в Туркестанской учительской семинарии и реальном училище. В 1897 г. Андреев участвовал в экспедиции Академии наук в Монголию и Восточный Туркестан, в 1902 г. совершил поездку на Памиры и Припанджский район (Шугнан-Вахан). В 1905—1914 гг. он находился значительное время в Индии, где изучал языки индустани и пушту. Из Индии в Туркестан Андреев вернулся, пройдя из Кашмира через Гималаи (пер. Каракорум) в г. Яркенд, а затем пройдя на Ташкурган, минуя оз. Зор-Куль, Вахан-Рушан и Памиры. В 1911 г. Андреев был избран членом-корреспондентом Географического общества в Бенгалии.

По поручению этнографической комиссии Русского географического общества (РГО) Андреев работал в 1915—1916 гг. над этнографической картой Туркестана, все время совершая научные поездки по краю и продолжая публиковать свои научные работы по языку и этнографии.

В 1907 г. в ряды членов Кружка вступил военный инженер Борис Николаевич Кастанальский, чье имя навсегда оста-

лось в археологии, в первую очередь в качестве первооткрывателя и описателя знаменитых бия-найманских оссуариев.³⁴³

Пытливый и любознательный краевед, Б. Н. Кастальский не оставил после себя многочисленных публикаций по вопросам археологии. Однако исследователям прошлого Средней Азии хорошо известна его собирательская деятельность. На протяжении ряда лет Кастальский составлял обширнейшую коллекцию предметов среднеазиатской древности. «Особенно ценными и интересными частными собраниями, — свидетельствует исследователь наших дней, — были коллекции военных инженеров Б. Н. Кастальского и И. Т. Пославского».³⁴⁴

Будучи крупным специалистом по вопросам ирригации, Б. Н. Кастальский продолжал активно работать при Советской власти. Скончался Кастальский 21 января 1943 г. в Самарканде.³⁴⁵

Активным деятелем ТКЛА был Александр Александрович Семенов³⁴⁶.

К 1897 г. относится первая «туркестанская» статья А. А. Семенова³⁴⁷. Спустя два года в печати появляется общий очерк Средней Азии³⁴⁸ и первая этнографическая работа А. А. Семенова³⁴⁹. О Семенове И. Ю. Крачковский заметил, что «выпуск 1900 г. (Лазаревского института — Б. Л.) дал выдающегося знатока истории Средней Азии ираниста А. А. Семенова (род. в 1873 г.), первого у нас специалиста по истории исмаилитов, работы которого ввели в обиход колоссальный материал по исламоведению». Его труды, связанные с разработкой среднеазиатских рукописей, в частности арабских, «занимают у нас совершенно исключительное место»³⁵⁰.

В лице Семенова перед нами предстает «выдающийся специалист по истории ислама в Средней Азии»,³⁵¹ знаток восточных рукописных источников, главным образом персидско-таджикских.

В своей автобиографии сам А. А. Семенов так характеризует свой жизненный путь до первых дней революции: «Еще будучи студентом, совершил на Восток и Среднюю Азию научные поездки, последнюю в 1898 г.... За опубликованные труды, связанные с этой экспедицией, лингвистического и этнографического характера (3 книги, опубликованные в Москве в 1900—1903 гг.)³⁵² был награжден Золотой медалью Общества Л. Е. А. и Э. (Любителей естествознания, антропологии и этнографии). По окончании Лазаревского института в 1900 г. служил в б. Закаспийской области секретарем Областного Статистического Комитета (до 1906 г.), потом в Главном Управлении Туркестанского края и по Министерству иностранных дел, занимая разные должности и не прерывая своих научных занятий».³⁵³

Формально не являлся членом Клуба, но по всему характеру и направленности своей научной деятельности, — связи с Клубом фактически должен быть причислен к категории его активных деятелей Василий Лаврентьевич Вяткин.

Александр Александрович Семенов.

В. В. Бартольд пишет о себе, что и он «пользовался ценным содействием такого знатока края, как В. Л. Вяткин».³⁵⁴ Он называл Вяткина одним из лучших местных знатоков истории Средней Азии³⁵⁵.

«Знание местных наречий, арабского языка и истории Востока, — говорит В. А. Крачковская, — открывали В. Л. Вят-

кину доступ ко всем видам письменных источников, а постоянная работа в качестве археолога и обследователя памятников архитектуры превратили его в ценнейшего наблюдателя и знатока... Большой заслугой В. Л. Вяткина следует признать руководство молодыми исследователями среднеазиатских памятников. Он умел внушить своим ученикам любовное отношение. К числу археологов-эпиграфистов и нумизматов, развивавшихся под наблюдением В. Л. Вяткина, принадлежит Михаил Евгеньевич Массон. Он работал под руководством В. Л. Вяткина до 1921 г., а ныне насчитывает за собой более 25 археологических кампаний».³⁵⁶

«Выдающимся знатоком археологии Самарканда» часто называла Вяткина местная печать.³⁵⁷

Появление работы В. Л. Вяткина по исторической географии Самаркандского вилайета, основанной на источниках в виде 151 вакуфного и других документов (начиная с правления Тимуридов и до присоединения Туркестана к России) составило новую страницу в подобного рода литературе. Несмотря на свой сравнительно небольшой объем, — писал В. В. Бартольд, — статья В. Л. Вяткина по богатству, заключающегося в ней нового материала вполне заслуживает названия капитального труда³⁵⁸. Бартольд жалел, что не мог воспользоваться работой Вяткина при написании своей книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», добавляя, что «задача, которую поставил себе автор, принадлежит к числу таких, выполнение которых возможно только для лиц, работающих на месте, и едва ли кто-либо в настоящее время мог выполнить ее лучше, чем В. Л. Вяткин».

Существенны заслуги В. Л. Вяткина и в области эпиграфики. Он уточнил чтение и датировку некоторых надписей в ансамбле зданий Шах-и Зинда³⁵⁹, на медресе Тилля Карри³⁶⁰, над входом в медресе Улугбека³⁶¹, на несуществующем ныне Термезском минарете и др.

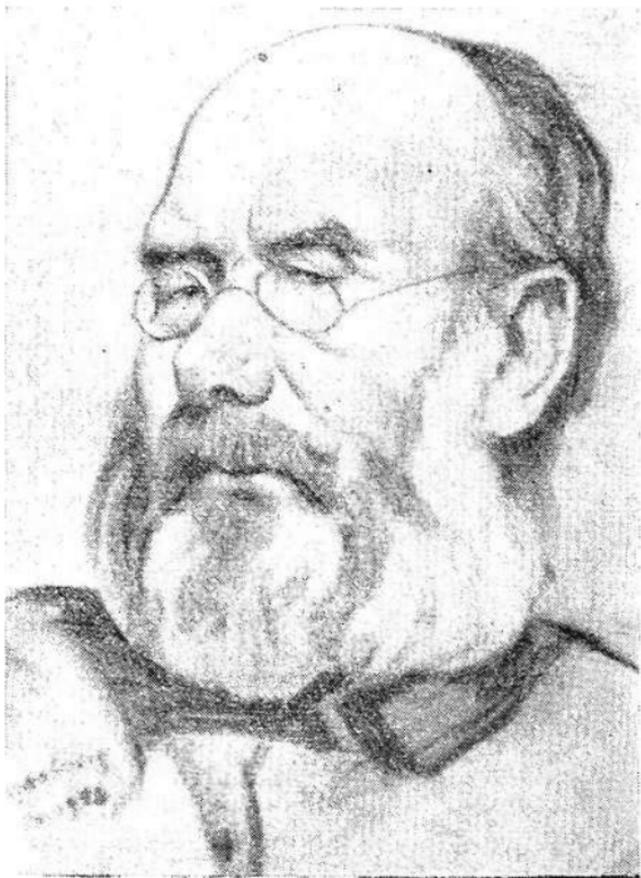
Самостоятельную археологическую кампанию на Афрасиабе В. Л. Вяткин начал в 1905 г. после того как ему довелось участвовать в раскопках, проведенных здесь В. В. Бартольдом.

Незабываемой, можно сказать, великой заслугой В. Л. Вяткина перед русской и мировой наукой явилось открытие им в 1908—1909 гг. остатков знаменитой обсерватории Улугбека в окрестностях современного Самарканда. Показания старинных вакуфных документов о месте нахождения «холма обсерватории» в сочетании с предпринятыми Вяткиным, раскопками обогатили науку одним из самых замечательных открытий в истории накопления наших знаний по истории Средней Азии и истории развития астрономии в средние века.

Археологию Самарканда, — пишет автор курса основ ар-

хеологии проф. А. В. Арциховский, — одного из важнейших в мире древних культурных центров, создал в начале XX в. многолетними раскопками В. Л. Вяткин⁴⁶².

А. Ю. Якубовский так охарактеризовал труды В. Л. Вяткина по древней истории Самарканда: «В. Л. Вяткин, энтузиаст изучения Самарканда, особенно городища Афрасиаба, т. е. древнего Самарканда до XIII века, собравший огромный по

Василий Лаврентьевич Вяткин.

своему времени археологический материал, добытый его собственными раскопками, не смог с ним справиться только потому, что не знал, как к нему подойти исторически. Он каждый предмет, будь ли то глиняный сосуд или развалины древней постройки, мог детально описать, изучить с точки зрения техники производства, но в связи с другими предметами мог

поставить только формально, по линии типологического их сходства или различия.

Только наша советская археология, которая с каждым годом все больше преодолевала формалистические увлечения и другие пережитки буржуазной науки, смогла в своих работах подойти к изучению прошлого среднеазиатских городов исторически, причем научно-исторически, т.е. марксистски.³⁶³

Не оправдала в этом отношении надежд и вышедшая в 1928 г. книга В. Л. Вяткина «Афрасиаб — городище бывшего Самарканда»,³⁶⁴ в котором «далеко не полностью отразились лучшие знания покойного археолога».³⁶⁵

По инициативе Бартольда и других Вяткину была присуждена медаль Восточного отделения Русского археологического общества.

По поводу присуждения медали Общества В. Л. Вяткину мы находим следующие строки в письме В. В. Бартольда Остроумову 15 ноября 1910 г.: «Мы здесь продолжаем свое дело, как умеем, но отсутствие Розена все еще дает себя знать на каждом шагу. 10 января исполнится трехлетие со времени его смерти, к этому сроку мы приурочили присуждение в память покойного медали; я надеюсь доставить эту награду (это должно, конечно, пока остаться тайной) В. Л. Вяткину. Я надеюсь, что и Вы одобрите этот выбор»³⁶⁶.

В письме 15 ноября 1910 г. Бартольд писал, что по положению о медали, она может быть выдана за печатные труды по востоковедению на русском языке, кроме того, «за продолжительную и систематическую работу русских деятелей в азиатских владениях России на пользу востоковедения, если результатом такой работы является составление ценных для науки коллекций, ценные открытия в области археологии и т. п. Мне казалось, что этим требованиям более всего удовлетворяет деятельность Вяткина с ее главными результатами — образованием коллекции рукописей, которой уже воспользовалось несколько ученых, и открытием обсерватории Улуг-бека»³⁶⁷.

Когда медаль была присуждена Вяткину, Бартольд общал: «От Вяткина по поводу присуждения ему медали получил письмо, которое меня очень обрадовало; я не ожидал, что человек лично не знавший покойного Викт. Ром. (Розена. — Б. Л.) и не бывший с ним в переписке, так сумеет оценить значение этой награды» (Письмо 19 февраля 1911 года).³⁶⁸

Объявление о присуждении медали имени В. Р. Розена «известному исследователю археологических богатств Туркестана В. Л. Вяткину» было сделано на заседании ВОРАО 10 января 1911 г.³⁶⁹

Великая Октябрьская социалистическая революция, от-

крывшая новую эру в истории человечества, бурное развитие событий в борьбе за Советскую власть, за ломку старого и созидание нового вызвали глубокий раскол в среде дореволюционной интеллигенции и неизбежно и в том небольшом отряде интеллигенции, из которого состоял ТКЛА.

Установление диктатуры пролетариата буржуазная интеллигенция за немногим исключением встретила резко враждебно. Ненавидя Советскую власть, не веря в ее прочность, старая интеллигенция явно и тайно саботировала мероприятия новой власти и помогала помещикам и капиталистам вести борьбу против нее.

Сознавая огромную роль интеллигенции в историческом развитии общества, Коммунистическая партия развернула широкую работу по привлечению буржуазных специалистов с их знаниями к строительству народного хозяйства и социалистической культуры, по отрыву старой интеллигенции от контрреволюционной буржуазии. Это было тем более необходимым, что подготовка кадров новой, советской интеллигенции требовала времени, а время не ждало. Создавая благоприятные условия для честных специалистов и твердой рукой пресекая подрывную деятельность тех из них, кто упорно и сознательно продолжал вредить трудовому народу, наша партия добилась поворота в среде старой интеллигенции в сторону Советской власти. Чем больше укреплялась Советская власть и возрастали успехи социалистического строительства, тем больше менялось настроение старой интеллигенции.

Лучшие ее представители, такие как К. А. Тимирязев, И. В. Мичурин, А. П. Карпинский, К. Э. Циолковский, А. Н. Бах, безоговорочно и сразу перешли на сторону Советской власти.

Коммунистическая партия и Советское правительство не жалели сил и средств на организацию массового похода в науку и технику представителей рабочего класса и всего трудового народа, дабы создать свою собственную социалистическую интеллигенцию.

С большим удовлетворением мы можем отметить, что большинство активных деятелей ТКЛА пусть не сразу, но осознало великую роль и значение торжества новой жизни, откликнулось на призыв партии и народа, включившись в дело строительства социалистической культуры и отдавая свои силы, энергию, знания подлинным творцам истории — народным массам.

Были и исключения. В лагерь контрреволюции перешел Зимин, оказавшийся на посту «министра» иностранных дел одного из белогвардейских «правительств»; за активную антисоветскую деятельность Зимина постигла суровая кара трудового народа.

Своеобразно сложилась судьба В. П. Наливкина.

Известно упоминание о Наливкине В. И. Ленина. В 1907 г. Ленин отмечал, что «растет понемногу число органов ежедневной печати, стоящих левее кадетов. Слышнее становится голос левой части Думы, стоящей между к.-д. и с.-д.»³⁷⁰

Вслед за этим Ленин подверг анализу статью, появившуюся в газете «Народная Дума» (17 апреля 1907 г., № 21), по вопросу об оценке кадетов и народников.³⁷¹ «Народная дума» объявляла «наивными» ленинские высказывания³⁷², где Ленин насчитал 20 помещиков среди кадетской думской фракции. «Есть миллионеры и штатские генералы даже среди с.-д.», — иронизирует «Народная Дума».

И Ленин пишет: «Ирония легоньякая! Все понимают, что Зингеры, Аронсы, Наливкины — явление персонального перехода от буржуазии к пролетариату (разрядка наша. — Б. Л.)...

...Ваша шутка насчет Зингера и тов. Наливкина — милая шутка для прикрытия безнадежной позиции, не более того».³⁷³

Характерен и ленинский эпитет в отношении Наливкина: товарищ Наливкин. Видимо, Ленин сочувственно относился тогда к тяготению Наливкина «от буржуазии к пролетариату».

Это, конечно, не оправдывает последующих заблуждений Наливкина. Колебания и сомнения, склонность к демократии «вообще» не привели Наливкина в лагерь подлинных революционеров. Наоборот. Чем дальше, тем больше его (насколько можно судить по его предреволюционной общественной и литературной деятельности — человека прогрессивных взглядов) засасывало болото меньшевизма.

Следствием этого и явилось то, что после победы второй русской буржуазно-демократической революции Наливкин оказался в числе агентов буржуазного Временного правительства, которое, используя известность Наливкина в качестве человека, благожелательно относившегося к «туземному населению» Туркестанского края, наделило его высокими званиями и полномочиями. Так ход событий окончательно вовлек Наливкина в лагерь контрреволюции, и он оставил по себе самую недобрую память человека, ведшего активную вражескую борьбу против большевиков, против Советской власти. Самоубийство Наливкина явилось логичным завершением его жизненного пути и признанием полного краха враждебных народу меньшевистских иллюзий.

Но если так сложились судьбы отдельных деятелей Кружка, оторвавшихся от народа и чуждых ему, то многие из членов ТКЛА стали на путь прямого сотрудничества с Советской властью, с готовностью отдавая свои силы и знания делу советской науки и советского просвещения.

В декабре 1956 г. научная общественность Узбекской ССР, других республик Средней Азии и Казахстана тепло отметила столетие со дня рождения активнейшего члена ТКЛА А. А. Диваева.³⁷⁴

Профессорско-преподавательская деятельность Диваева протекала главным образом в Туркестанском восточном институте и Туркестанском государственном университете. Многие его ученики сейчас успешно трудятся на благо отечественной науки.

В музее литературы Академии наук Узбекской ССР хранится папка³⁷⁵ с приветствиями различных учреждений и организаций на имя А. А. Диваева по поводу торжественно отмеченного 22 марта 1923 г. 40-летнего юбилея его научной и литературной деятельности (1883—1923). Среди этих приветствий есть полученные Диваевым от Президиума ВсебухЦИК, Башкирского ЦИК Советов, ЦИК Советов автономной Татарской ССР, Хорезмского съезда работников просвещения (избравшего Диваева своим почетным председателем), Коллегии востоковедов Азиатского музея, Казанского общества археологии, истории и этнографии, различных отделов Географического общества, Ташкентского государственного ученого совета, Туркестанского государственного университета, Туркестанского восточного института, Туркестанского государственной библиотеки, Туркомстариса, Туркестанского Государственного издательства, Киргизского института просвещения и др. Юбилея приветствовал ряд видных ученых: М. С. Андреев, С. Е. Малов, А. А. Семенов, А. Э. Шмидт, Ю. М. Шокальский.

Туркестанский восточный институт приветствовал в лице Диваева «выдающегося русского этнографа и бытописателя киргизского народа», подчеркивая, что на трудах Диваева учились «уже три поколения русских ученых тюркологов»³⁷⁶.

А. А. Диваев не дожил до славного пятидесятилетия своей научной, литературной и преподавательской деятельности, оставив по себе добрую и долгую память в истории изучения культурного прошлого Средней Азии.

Видным работником советской науки стал активнейший член ТКЛА — Н. Г. Маллицкий. Он умер на 75 году жизни 31 октября 1947 г., являясь доктором географических наук (ученая степень была присуждена ему без защиты диссертации), профессором, заслуженным деятелем науки УзССР³⁷⁷.

Прекрасное знание узбекского и таджикского языков позволило ему читать в годы Советской власти лекции на таджикском языке в Таджикском педагогическом институте и вести занятия со студентами-узбеками и таджиками в Среднеазиатском государственном университете.

С первых дней деятельности открытого по ленинскому

декрету Среднеазиатского государственного университета (САГУ), т. е. с 1920 г., Маллицкий начал в нем работу в должности профессора этнографии восточного факультета, одновременно ведя в разные периоды преподавательскую работу (преимущественно в области географии) в Таджикском педагогическом институте, вечернем Педагогическом институте в Ташкенте, Лесном техникуме, Институте ирригации, на Высших военных курсах востоковедения.³⁷⁸

3 мая 1945 г., в день чествования Н. Г. Маллицкого, академик Академии наук УзССР проф. Г. Н. Черданцев говорил: «Вряд ли кто-нибудь из серьезных ученых исследователей, работающих над вопросами географии, истории и этнографии Средней Азии, не знает имени профессора Николая Гурьевича Маллицкого... уже полвека с неиссякаемой энергией разрабатывающего эти вопросы, опубликовавшего многие десятки работ, человека, свыше 30 лет являвшегося наиболее активным членом Среднеазиатского Географического Общества и четверть века его руководителем, крупного организатора научно-исследовательской работы в Средней Азии».³⁷⁹

Научное наследие Н. Г. Маллицкого состоит примерно из ста опубликованных и свыше двадцати оставшихся в рукописях работ.

Глубокий след в советской науке оставила деятельность старейшего члена ТКЛА М. С. Андреева.

Революция застала М. С. Андреева в Ходженте. «Во время столкновения в Ходженте левых эсеров с большевиками, — вспоминает Андреев в своей неопубликованной автобиографии, — я был выбран третьей судьей со стороны большевиков и навещал последних в тюрьме при временном захвате власти эсерами. При переходе власти к большевикам был назначен комиссаром народного образования Ходжентского уезда. В 1918 г. был вызван в Ташкент, где мне была поручена организация востоковедного вуза».³⁸⁰

С 1 сентября 1918 г. по 1 сентября 1924 г. Андреев являлся преподавателем Восточного института в Ташкенте, причем первые два года Андреев был директором (ректором) названного института. С 1 сентября 1924 г. началась его работа на восточном факультете САГУ в должности доцента (а с 15 сентября 1939 г. — в должности профессора), продолжавшаяся по 1 сентября 1947 г. Преподавал Андреев и на Высших востоковедческих курсах.

И в эти годы М. С. Андреев неутомимо продолжал поездки по Туркестанскому краю.

В 1923 г. Андреев был избран членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения при Академии наук, в 1928 г. был награжден Золотой медалью Географического общества,

а 13 февраля 1929 г. по предложению В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга, Ф. Щербатского — избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В «Записке об ученых трудах членов-корреспондентов АН СССР, избранных в 1929 году» мы читаем, что «М. С. Андреев родился на Востоке, все свою жизнь прожил на Востоке в Западном и Восточном Туркестане и в Индии и справедливо считается одним из тончайших глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии... В лице М. С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто... При всем разнообразии работ М. С. Андреева его приходится считать главным образом лингвистом, отчасти археологом и этнографом».

В 1926 г., выполняя задания советско-афганской комиссии Отдела Среднего Востока НКВД СССР, М. С. Андреев выезжал с научными целями в Афганистан.

Умер М. С. Андреев в 1947 г.

Крупным советским ученым-востоковедом, профессором, академиком стал А. А. Семенов.

В своей автобиографии А. А. Семенов пишет: «После победы Великой Октябрьской революции... в 1918 г. был командирован Совнарксмом Туркестанской Республики делегатом в столицу ходатайствовать об открытии в Ташкенте университета. В 1920 г. вернулся с первым эшеломом Турк. Государственного университета и с отчетом правительству о выполнении его задания.³⁸¹

В настоящее время А. А. Семенов является академиком Академии наук Таджикской ССР и членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР³⁸²

За научные заслуги А. А. Семенов награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почета», медалью «За доблестный труд», почетными грамотами Президиумов Верховных Советов Узбекской и Таджикской ССР. В декабре 1944 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля наук Узбекской ССР и в феврале 1946 г. — заслуженного деятеля наук Таджикской ССР. В 1935 г. за труды по идеологии ислама А. А. Семенов был избран действительным членом Бомбейского научного общества.

Неутомимо продолжал работать при Советской власти Василий Лаврентьевич Вяткин, под руководством и с помощью которого приобретали исследовательские навыки и обогащались опытом советские научные работники, в том числе получившие впоследствии известность и признание проф. М. Е. Массон, проф. М. М. Дьяконов, проф. Я. Г. Гулямов, археолог В. А. Шишкин, писатель Сергей Бородин и многие другие.

Ученики и друзья Вяткина и советская общественность высоко оценили многолетнюю плодотворную краеведческую деятельность Василия Лаврентьевича.

В знак уважения к заслугам перед отечественной наукой он был похоронен на Самаркандском Регистане, а 29 декабря 1943 г. останки ученого были перенесены на место изучавшейся им обсерватории Улугбека и погребены к северу от основания устоя квадранта, на линии горизонтального круга³⁸³.

Плодотворно работал и печатался при Советской власти и Б. Н. Кастальский.³⁸⁴

Таким образом, из среды ТКЛА выделился ряд видных краеведов и ученых, причем многие из деятелей Кружка успешно продолжали свою научную деятельность уже в годы Советской власти, принося своими знаниями и энергией большую пользу отечественной науке и в ее лице всему трудовому народу страны Советов.

Г л а в а III

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКОГО КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИИ ПО УЧЕТУ, ОБСЛЕДОВАНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНОСТИ ПЕРВОБЫТНОГО, РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО И ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВ

Изложить деятельность Кружка в последовательном порядке по изучаемым общественно-экономическим формациям или по отдельным периодам времени внутри формаций возможным не представляется, ибо работы Кружка не касались или почти не касались ряда периодов в истории общественного развития, и здесь в деятельности Кружка (что для своего времени было естественным явлением) были большие лакуны, разрывы во времени.

По сути дела, если не считать интереса, однажды проявленного Кружком к памятникам первобытного общества («каменного века»), его внимание было сосредоточено на памятниках различных стадий развития феодального общества. При современных Кружку знаниях по археологии Средней Азии вопросы изучения рабовладельческой формации, вопрос о наличии ее не ставились вообще. Даже в тех случаях, когда членам ТКЛА приходилось вести речь о памятниках и предметах древности дофеодального периода (напр., об Аму-Дарьинском кладе, о ранних оссуариях, о монетных находках и др.) они не осознавались в плане развития именно рабовладельческих отношений и воспринимались в общей терминологии «античности» и т. п.

В этих условиях мы сочли возможным и наиболее правильным осветить непосредственную научную деятельность Кружка, его полевые и другие исследования по тем основным категориям памятников древности, которые стояли в центре его внимания и изыскания по которым принесли ему наибольшую известность.

ВОПРОС О ДРЕВНОСТЯХ КАМЕННОГО ВЕКА

Обсуждение данного вопроса в среде членов ТКЛА рисует яркую, но малоизвестную страницу не только в истории Кружка, но и в истории археологии в нашей стране вообще.

Напомним прежде всего, при каком уровне знаний возникло это интересное и поучительное обсуждение, делающее честь научной пытливости членов Круга.

Обсуждение проходило в период, когда в общероссийском масштабе первобытная археология (воспользуемся здесь этим термином для того времени) успела сделать лишь первые шаги; известно, что первые места нахождения палеолитических памятников были открыты в России в 70—80-х годах XIX в. (территория Европейской России и Сибири).¹

Вплоть до Октябрьской революции размах этих работ оставался весьма ограниченным. Накопление вещественного материала шло медленно, запас знаний вопроса оставался скудным, систематически и широко поставленных раскопочных и разведочных работ, как правило, не велось.

К тому же, по справедливому замечанию П. П. Ефименко, «после ряда весьма обнадеживающих открытий 70—80-х годов... следующие годы в России имел место, наоборот, упадок интереса к палеолиту, совпавший с эпохой жестокой реакции 80-х — начала 90-х годов...»

Пробуждение серьезного интереса и внимания к остаткам палеолитической культуры относится, в сущности, лишь к началу XX в. (П. И. Ефименко имеет в виду открытие в 1908 г. Мезинской палеолитической стоянки и последующие. — *Б. Л.*)²

По неолитическим памятникам дореволюционной археологией был накоплен значительный материал, но само изучение этого длительного периода, обобщенные выводы и сводные труды оставляли желать много лучшего.

Первые появившиеся в печати сведения о находках каменных орудий в Средней Азии относятся к 50-м годам XIX в., причем и эти и последующие сведения не были основаны на данных, полученных на месте специалистами-археологами, ибо «русские специалисты-археологи по ранним периодам ни разу не посетили Средней Азии до революции».³

В картотеке А. А. Спицына есть важная запись, основанная на его переписке с А. И. Симоновым: «При случайном раскрытии древней могилы киргизами (за Джулеком. — *Б. Л.*) летом в 1850 г. найдены четыре яшмовых наконечника стрел в форме вытянутого овала..., один с широким черешком. Обращены были в амулеты, и носимы одной киргизкой Казалинского уезда на себе».⁴

В 1853 г. С. И. Гуляев указал на каменные орудия, встречающиеся на месте древних горнорудных разработок, упоминаемая, в частности, находка «каменных молотов» в Кара-Коллинском округе, в 70 верстах от Благодат-Стефановского завода.⁵ При этом нет, конечно, уверенности, что отмеченные С. И. Гу-

ляевым каменные орудия по времени принадлежали именно к каменному веку, а не к более позднему периоду.

Время от времени в литературе запечатлевались данные об отдельных находках глубокой древности. В составленной Г. Ф. Парфеновым сводке⁶ фигурируют, например, находки на Мангышлаке,⁷ в Ташкенте (каменный молот, обнаруженный в 1870 г. «за крепостью в старой русской слободке»),⁸ в Самарканде (в 1884 г. — яшмовый нуклеус, найденный при разработке дороги через Афрасиаб)⁹ и приобретенный Н. И. Веселовским «небольшой скребок круглой формы, из желтого обсидиана неизвестного местонахождения»¹⁰ близ Карасу на сибирском тракте (1881 г.); находка А. В. Каульбарсом каменного орудия с овальной сверлиной¹¹ в Старом Мерве (1890 г.); находка части каменного полированного молотка при раскопках В. А. Жуковского в цитадели Гяур-Кала,¹² в окрестностях Ташкента (1896 г.); находка в селе Преображенском каменного молота из песчаниковой гальки,¹³ находки на территории Семипалатинской области,¹⁴ Оренбургской области,¹⁵ у озера Иссык-Куль.¹⁶

Открытым в науке остался вопрос о неандерталоидном черепе, вымытом во время разлива р. Песчанки близ Илецкой Защиты и найденном горным инженером, впоследствии известным профессором-палеонтологом В. В. Богачевым. Череп этот был затерян и кратко описан В. В. Богачевым на память как череп, который по своему типу был «наиболее близок к неандертальцу Ля Шапель о Сан» (Ля Шапель-о-Сен. — *Б. Л.*)¹⁷.

Изделия из камня (кварцитовый каменный топор) и кости (игла, шило из оленьего рога) были встречены при раскопках «северного кургана» близ Анау (в двух саженях от основания кургана). Вместе с этими изделиями был найден человеческий скелет и половина звериной челюсти, возможно, пещерного медведя.¹⁸

В 1893 г. А. И. Симонов, осматривая курган Шок-Тюбе в 100 с лишним верстах от Джусалы (укрепление Кармакчи, форт № 2), констатировал присутствие вблизи кургана (оказавшегося возвышением естественного происхождения) большого скопления «окаменелых», черного цвета костей животных или разбросанных по горной осыпи, или «внедренных» в горную песчанниковую породу. Кости носили следы воздействия огня, трубчатые кости были разбиты. Нахождение грубо отполированной костяной «вещицы» неизвестного назначения навело Симонова на мысль, что перед ним, возможно, кухонные остатки времен каменного века.¹⁹

«Кремневый нож» был встречен при раскопках кургана в четырех верстах от Ташкента на земле Н. М. Никифорова.²⁰

Но все эти находки не обобщались, не изучались специалистами, датировка их продолжала отсутствовать.²¹

Глухие и самые общие сведения о находках в Средней Азии и Казахстане предметов древности, могущих быть отнесенными к каменному веку, содержались в публикациях различных авторов.²²

Но достаточно просмотреть (слова А. П. Окладникова) замечательный в истории нашей науки двухтомный труд А. С. Уварова «Археология России. Каменный период», являвшийся для своего времени образцовый свод материалов, чтобы убедиться в отсутствии еще в 80-е годы XIX в. сведений о каменном веке Средней Азии.

По словам А. А. Семенова, «отец русской археологии А. С. Уваров мог занести в свой капитальный труд «Археология России» (Москва, 1881 г.) лишь намеки на существование... каменного века» в Средней Азии.²³

Все же А. С. Уваров высказал твердую уверенность в возможности обнаружения памятников каменного века на территории Средней Азии. «Раз, что имеются доказательства, — писал А. С. Уваров, — о населенности Европейского материка в период мамонта, становится несомненным, что такие же данные получатся и для Азиатского материка, но только тогда, когда систематические исследования раскроют нам научные богатства Сибирской и Бухарской низменности (Средней Азии. — *Б. Л.*)».²⁴

В общем же в дореволюционные годы в среде археологов не было единой точки зрения по вопросу о древностях каменного века в Средней Азии.

Опираясь преимущественно на дореволюционные сборы вещественного материка, А. А. Семенов высказывал в 1925 г. положение, что «Туркестан имел свой каменный век с его последующими эволюциями»;²⁵ а в 1926 г. утверждал, что «древность человеческого рода в Средней Азии не подлежит сомнению».²⁶

Обратимся теперь к попыткам членов ТКЛА совершить экскурс в изучение памятников каменного века в Средней Азии.

Еще в 1902 г. И. Т. Пославский в связи с открытием Н. Г. Хлудовым изображений на камнях в районе урочища Саймалы-Таш выдвигал определенную программу исследований, имевших целью возможное установление следов пребывания первобытного человека.²⁷

Вопрос о находках предметов каменного века стоял в центре внимания членов Кружка на заседании 11 декабря 1906 г., когда И. Т. Пославский сделал доклад о найденных классным топографом Мануилом Андреевичем Кирхгофом в горах Кара-тау двух каменных наконечников стрел в местности,

изобилующей курганами с сухой каменной кладкой, рисунками на скалах и пещерами²⁸. Пославский, впрочем, «признал за наконечник стрелы только один из них; другой же, по его мнению, представляет собою скребок».

П. С. Назаров дополнил доклад И. Т. Пославского об известных ему каменных орудиях, найденных в пределах Туркестанского края, Оренбургской губернии и Тургайской области²⁹. А. А. Семенов указал, что находки орудий каменного века известны и в Закаспийской области³⁰.

И. Т. Пославский указал, что, по определению горного инженера Г. Б. Леонова, орудия изготовлены из породы камня, относящейся к яшмам, и с уверенностью относил их к неолиту. Ссылаясь на данные Кирхгофа, Пославский описал условия нахождения орудий и дал характеристику местности, в которой они были обнаружены Кирхгофом. На основании условий их нахождения (наконечник стрелы был найден между галькой русла р. Биш-Арык, а «скребок» — между галькою русла р. Ак-Усок и у выхода русла из долины в ущелье) Пославский сделал вывод, что орудия вынесены откуда-то силой воды.³¹

Далее Пославский тщательно перечислял известные ему и другим членам ТҚЛА случаи находок каменных орудий в Средней Азии (каменные орудия и каменный молот в Ташкенте, каменный наконечник копья, найденный в горах около Туркестана, каменный наконечник стрелы, обнаруженный на городище Джеты-асар) и напомнил о возможной связи находок каменных орудий с пещерами и изображениями на камнях по р. Боролдай, в урочище Саймалы-Таш, близ перевала Кугарт.

Обращаясь к данным общеисторического характера, Пославский замечал, что «находка М. А. Кирхгофа может иметь связь с теми исследованиями доисторической эпохи человечества, которые произведены учеными силами Европы. У нас в Средней Азии этот вопрос остается еще совершенно нетронутым. Может быть, мы имеем в руках конец нити, по которой дойдем до чего-нибудь важного в научном отношении.»³²

П. С. Назаров, со своей стороны, сообщил, что в его коллекции имеется кремневый наконечник стрелы, найденный на острове Николая на Аральском море, что им найдено в песчаных барханах вблизи озера Эблея (Биштабинская волость Тургайской области) «становище каменного века, заключавшее в себе множество осколков кремня, кремневых скребков и проч.»³³. Им же обнаружено и другое, подобное первому, становище к северо-востоку от гор. Орска, близ дер. Идельбаевой, на р. Губарле: здесь «кроме кремневых орудий находились во множестве кости двух видов вымерших быков, лошади, волка, собаки, лося и северного оленя»³⁴. Наконец, в коллекции Назарова

рова имелся и «топор неолитического периода, превосходно сделанный из диорита» и найденный близ ст. Кваркиной Орского уезда, на берегу р. Байтун.

П. С. Назаров говорил и о старинных медных рудниках в Туркестане³⁵.

Член ТКЛА А. Ф. Губаревич, заинтересовавшись вопросом о каменных орудиях, списался с известным исследователем Ю. Талько-Грынцевичем и тот любезно информировал его о находках каменных орудий по течению р. Селенги, Чикой, Хилок, Джиды (Забайкалье)³⁶.

Откликаясь на повышенный интерес членов Клуба к древностям первобытного общества, член ТКЛА Б. Я. Корольков дал подробный критический разбор-реферат статьи Гюнтера «Был ли бронзовый век», опубликованной в журнале «Естествознание и география» (1906, № 4)³⁷.

В протоколе заседания ТКЛА 11 декабря 1906 г. указывалось, что «ввиду находки каменных орудий в горах Кара-тау, собрание признало полезным обследовать эту местность»³⁸.

Таким образом, как видим, члены ТКЛА серьезно интересовались и древнейшими страницами в истории Средней Азии.

И здесь нам трудно согласиться с М. Э. Воронцом, который в своей ценной диссертации, посвященной памятникам Средней Азии времени первобытно-общинного строя, не считал необходимым хотя бы кратко и бегло отметить начинания дореволюционных русских археологов и краеведов в области изучения памятников указанного времени³⁹. В пространном указателе источников литературы (184 названия) М. Э. Воронец даже не упоминает статей Пославского и других, ограничиваясь указанием на «дилетантские раскопки южного кургана Анау генералом Комаровым»⁴⁰.

М. Э. Воронец, конечно, прав, когда говорит об исключительной бедности культурного наследства, оставленного нам буржуазной наукой в области изучения памятников палеолита, неолита и эпохи бронзы и не менее правильно объясняет причины такого положения дел.⁴¹

Тем более важно отметить первые, пусть робкие, недостаточно умелые, но важные уже сами по себе попытки местных исследователей сконцентрировать внимание на изучении памятников первобытного общества Средней Азии.

Правда, в 1910—1916 гг. Г. Н. Кириллин настойчиво пытался привлечь внимание научной общественности к «стоянкам каменного века» в пределах Тургайского уезда Тургайской области⁴². Сведения Г. Н. Кириллина нашли подтверждение в наблюдениях четы Э. Д. и Н. С. Воронец и братьев Г. М. и М. М. Пригоровских⁴³.

Теперь, конечно, никто давно уже не сомневается в существовании первобытных людей на территории Средней Азии.

Все же и до сегодняшнего дня при наличии некоторых замечательных новых открытий и исследований, осуществленных советскими археологами, наша осведомленность в области памятников первобытного общества (палеолит, неолит, бронзовый век) оставляет желать лучшего. Как указывал проф. С. П. Толстов, «за последние 15—20 лет сделано много интереснейших археологических находок в области первобытной истории Средней Азии. Но, с одной стороны, только немногие из этих памятников опубликованы (полная публикация имеется только по одному памятнику)⁴⁴, а с другой стороны, все же этих памятников очень мало по сравнению с Европейской частью, по сравнению с Кавказом, для того, чтобы составить себе отчетливое представление для освещения этого чрезвычайно важного периода истории любого народа, любой страны, периода, в котором в конце концов завязывались и начинались почти все явления, которые впоследствии накладывают свой отпечаток на историческое развитие последующих эпох».⁴⁵

Заключая данный раздел, мы с удовлетворением можем отметить проявление членами ТҚЛА высокого интереса к вопросу о предполагаемых находках каменного века и, тем самым, к древнейшим страницам в истории Средней Азии, составляющим время бытования первобытного общества.

ГОРОДИЩА, ТЕПЕ, РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

Хорошо известно, что среди различных категорий памятников древности именно остатки поселений (особенно для бесписьменных периодов времени) являются важнейшим источником к изучению истории и познанию повседневной жизни действительных производителей материальных благ и творцов истории — народных масс.

По-своему это в какой-то мере осознавали и члены ТҚЛА, накопившие значительные материалы по древним поселениям на территории Средней Азии.

Вопрос о назначении насыпей (возвышенностей) служил объектом обсуждения в среде членов ТҚЛА с первых дней его существования. Так, на заседании 22 января 1896 г. был возбужден вопрос — как объяснить существование громадных насыпных лёссовых (масс) курганов в таких местностях где, по-видимому, не было под рукой необходимого материала, так как почва окрестностей состоит из болотного перегноя и гальки. Большинство высказалось за то, что предполагать доведение земли на постройку кургана издали нет оснований

и что во многих местах ясно замечено вокруг кургана пониженные почвы относительно общего уровня и это наводит на мысль, что земля для насыпей получалась путем выемок вокруг кургана.

Д. Д. Струнин по поводу замеченной во многих курганах глиняной кладки (кирпичной, комковой или просто дуальной) выразил соображение относительно того, что курганы не возводились сами по себе, а представляют лишь остатки жилища, разрушенного во время набегов кочевых народов.

Мысль Д. Д. Струнина у большинства присутствующих вызвала сомнение; как главный аргумент против такой догадки было выставлено то обстоятельство, что в Туркестанском крае часто попадаются курганы сажен в восемь вышины, а для того чтобы они могли получиться естественным путем из оставленных построек, надо предположить, что первоначальные стены были в 20—30 сажен высоты, а это неправдоподобно, потому что такие постройки были бы неудобны для жилища⁴⁶.

Пожалуй, наибольшие расхождения имеются в отношении наименования искусственных насыпей различных форм и размеров. В протоколах и в сообщениях членов Кружка они именуется разное: холмы, курганы, бугрообразные (бугровидные) курганы, бугрообразные насыпи, городища, большие могилы и т. п. В очень многих случаях речь идет несомненно о так называемых тепе, остатках укрепленных поселений, но в других случаях термином холм, возвышенность, бугор именуется и другие виды памятников — погребальных, культовых, представлявших собой остатки крупных древних городов и пр.

Усиленное внимание членов Кружка привлекали тепе-холмы, огромное количество которых находится на территории Средней Азии⁴⁷. Содержащиеся в них культурные отложения свидетельствовали о прямой связи тепе с местами разновременного пребывания здесь человека и важности их как источника к познанию историко-культурного прошлого Средней Азии.

Члены Кружка вели систематические разведочного характера наблюдения за тепе, следили за находками на них, осуществляли большую работу по фиксации (учету) тепе и этим делали полезное и нужное дело, которое и сейчас еще не получило должного размаха, требуя значительно больших усилий археологов⁴⁸.

Член Кружка А. Д. Калмыков высказал в 1910 г. вполне резонное предположение о назначении тубе (тепе). «Судя по тому, — писал автор, — что крепости в Бухаре и в Самарканде представляют тоже холм, мы склонны видеть в курганах

замки прежних диканов. Для могильного кургана большинство из них слишком плоски и широки, как например холмы в городе Ташкенте и в кишлаках Ногай-Курган и Той-Тюбе и др. Относительно Той-Тюбе сохранилась легенда, что там именно жил какой-то властелин, владевший окружающей местностью». ⁴⁹

Первый общий историко-археологический очерк Ташкентского района, раскинувшегося по рр. Чирчику, Ангрену и Келесу, притокам Сыр-Дарьи, ⁵⁰ дал Е. Т. Смирнов, которого особенно интересовали «бугрообразные» насыпи и возвышенности типа ярмарочного холма в русской части Ташкента ⁵¹, остатки укреплений Ханават, Юган, «холм» Той-Тюбе, Ногай-Курган и другие. ⁵²

Смирнов первым же пытался отличить насыпные холмы от природных, имеющие следы рвов и валов и без таковых, крупные и мелкие «бугры», «внутренние строения их», «бугры» на лёссовых толщах и в долинах рек. Фиксировал он и народные предания «об этих буграх и насыпях».

В. П. Наливкин дал основательное описание холма Ак-тепе, расположенного в 4 км к северо-востоку от Ташкента по Чимкентскому тракту, и некоторых других тепе в окрестностях Ташкента; автор отмечал присутствие в Ак-тепе внутренних сводчатых ходов и «указывал на строение кургана», сложенного «частью из сырцового кирпича, а частью из глинобитных стен и пластов, идущих, как кажется, во взаимно перпендикулярных направлениях». ⁵³

Н. С. Лыкошин указал на тепе (близкое к Ак-тепе в окрестностях Ташкента) близ Ура-Тюбе; тепе имело «наклонную кольцевую галерею». ⁵⁴

В 1879 г. в Ташкенте Д. С. Граменицким была опубликована легенда, связанная с «урочищем» Ханабад-тепе, расположенными вблизи города ⁵⁵. В 1896 г. в заседании ТКЛА топограф М. С. Косценич говорил о Ханабад-тепе, как об интересном памятнике древности в окрестностях Ташкента. ⁵⁶

В 1907 г. в продаже стали появляться старинные грубые чугунные кувшины, чираки и другие изделия, часть которых была находима якобы в Ханабад-тепе. Это вызвало поездку члена ТКЛА И. Т. Пославского для осмотра остатков Ханабад-тепе. ⁵⁷

В июне 1893 г. Н. П. Остроумов совершил поездку в селение Мамаевку Чимкентского уезда, вызванную обнаружением в мае того же года на вершине Караул-Тюбе клада в глиняном горшке, состоящего из серебряных (1850) и медных (свыше 4000) монет и нескольких зерен жемчуга, кусков сердолика, раковин, двух серебряных браслетов и других предметов, и находкой на другом кургане. (Джуан-Типя) «большо-

го круглого стола из обожженной глины и ручной мельницы». ⁶⁸

Н. П. Остроумов осмотрел насыпной холм Караул-Тюбе («Караул-Типя») — одно из многочисленных тепе края. ⁵⁹

Обследовал Остроумов и заключенный внутри двух искусственных валов и трех широких рвов между ними «огромный насыпной курган Джуан-Типя (Таяк-Солды), почти правильной четырехгранной усеченной пирамиды». Зафиксировал Остроумов и иные «холмы разной величины и формы и другие искусственные земляные сооружения» данной местности, в том числе искусственный холм «Альванд-кенд» на берегу Бадама, на котором вел пробные раскопки. В ходе последних было обнаружено много фрагментов керамики, в том числе обломки хумов и некоторые другие находки.

Остроумов запечатлел также народные рассказы о холме Хараспан (Хараскан, Карасман) близ Мамаевки и Ак-тепе близ Ташкента.

Н. Ф. Ситняковскому принадлежит заслуга указания «на бугор Тали-Борзу, находящийся в 6 верстах от Самарканда и представляющий археологический интерес». ⁶⁰

Обстоятельный, с нанесением на план список курганов («бугров») в черте города Аулие-Ата составил В. П. Лаврентьев, сопроводивший свой список краткими данными о каждом из 48 учтенных им объектов. ⁶¹

Более же всего членов ТКЛА привлекало желание отыскать и обследовать остатки конкретных древних городов, сведения о которых запечатлены письменными источниками средних веков, локализовать места нахождения этих городов, сочетая их с определенными местами нахождения древних поселений.

Много внимания было уделено при этом территории Бухарского оазиса.

По замечанию В. А. Шишкина, «Бухарский оазис в исторической жизни народов Средней Азии занимал, наряду с Согдом и Хорезмом, одно из центральных мест в экономическом, политическом и культурном отношениях. «Без надлежащей постановки археологических работ в Бухарском оазисе невозможно дальнейшее изучение древней истории народов Узбекистана и Средней Азии в целом». ⁶²

А. Д. Калмыкову принадлежит обстоятельный очерк Хивинского оазиса с рядом этнографических наблюдений и параллелей и кратким, но ценным описанием развалин древних городов: «Измухшира, Бадрикента, Хезараспа, Дарган-Ата». ⁶³

Интересовались члены Кружка обследованием развалин древней Дабусии, состоящих из развалин крепости и большой

насыпи или плоских холмов, примыкающих к ним и покрытых «целым рядом холмиков, напоминающих могильные».

Первые известия об остатках Дабусии сообщил в 1896 г. член кружка Н. Ф. Ситняковский,⁶⁴ затем краткое описание их давал И. А. Кастанье⁶⁵ и наиболее подробное (в сравнении с предшествующими) — Л. А. Зимин.⁶⁶ Полагалось, что развалины крепости есть остатки крепости XVI в., холмы или насыпи, примыкающие к крепости, являются остатками более древнего поселения, вероятно — собственно Дабусии, о которой ведут речь арабские писатели IX—X вв.

Уделил ТКЛА большое внимание и развалинам древнего Пайкенда — одного из древнейших городов Бухарского оазиса, многократно упоминаемого в письменных источниках (городище Пайкенд расположено в 35 км к юго-западу от Бухары) и отмеченного еще Н. Ханьковым.⁶⁷

В 1887 г. И. Т. Пославский во время одной из своих поездок обратил внимание на развалины, расположенные вблизи железнодорожной станции, между станциями Якатут и Каракуль, и известные под именем Куня-Пайкенда.

11 декабря 1896 г. с кратким сообщением о развалинах Пайкенда выступил член кружка Н. Ф. Ситняковский.⁶⁸

В 1903 г. развалины эти посетил глава американской экспедиции проф. Р. Помпелли⁶⁹, высказавший весьма произвольные суждения касательно прошлого города.⁷⁰

Только в 1912 г. удалось практически приступить к изучению указанных развалин.

В ноябре 1912 г. Кружок командировал для обследования развалин Пайкенда своего члена Л. А. Зими́на. Последний вступил по данному вопросу в переписку с В. В. Бартольд, который дал ряд ценных указаний и советов.

Л. А. Зимин предпослал отчету о своих изысканиях на месте развалин обстоятельный краткий исторический очерк Пайкенда, суммировав данные о нем письменных (преимущественно арабских) источников и различных работ (Маркварт, Томашек, Бартольд и др.)⁷¹

Выяснилось, что история Пайкенда уходит в период до арабского завоевания и восходит к середине XII в., а после этого представлена лишь скудными и отрывочными данными, не говорящими о наличии здесь большого и важного города.

Основываясь на данных глазомерной съемки, Л. А. Зимин составил ориентировочный план цитадели и внутреннего города и сделал ряд фотографических снимков⁷².

Общий вывод автора, подкрепленный обзором нумизматического материала, сводился к тому, что «сохранившиеся развалины, известные под именем Куня-Пейкенда, с полной уверенностью можно считать развалинами старого Пейкенда

эпохи процветания IX и X вв.)»⁷³ и что перед нами остатки богатого города купцов — Пайкенда, который существовал до арабского завоевания, процветал при Саманидах и был оставлен при Арслан-хане⁷⁴.

Древностями Пайкенда интересовался также и Петров-Борзна. Его статья о развалинах Пайкенда была получена Восточным отделением Русского археологического общества, но опубликования ее не последовало (ср. ЗВОРАО, т. IV, 1889, стр. II; ПТКЛА, XVII, 1913, стр. 75, Протокол заседания 23 марта 1889 г.)⁷⁵.

В послеоктябрьский период работы на Пайкенде были возобновлены в 1939 г. экспедицией ИИМК и Государственного Эрмитажа под руководством А. Ю. Якубовского и при участии В. А. Шишкина, М. М. Дьяконова и Н. П. Кипарисовой⁷⁶. В 1940 г. работы на городище вела экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В. Н. Кесаева.⁷⁷

Раскопки велись на кухендизе и шахристане и обнаружили остатки гончарной печи, датируемой находками саманидских монет середины X в., и большой материал к характеристике раннесредневековой среднеазиатской керамики времени VIII—XI вв.⁷⁸ В общих чертах работы советских археологов подтвердили основную датировку Пайкенда, сделанную дореволюционными исследователями.

Маленькая заметка археолога-краеведа и художника-любителя, офицера Б. Литвинова о Карши, затерянная в прочно забытом и мало известном журнале, существенно помогла в попытке решить вопрос о месте нахождения Нахшеба-Несефа-Карши. Литвинов указал, что «возле Каршей, самыми крупными, ценными для археологии и истории развалинами являются развалины крепости Шуллер-Тепе»⁷⁹. Это указание помогло расшифровать сообщение Мухаммеда Вефа о Нахшебской крепости Ш-л-к (Шуллер).⁸⁰

Зимин приходил к выводу, что «развалины древнего Нахшеба, Несефа арабских географов, находятся в местности, окружающей Шуллер-Тепе»; в XIV в. город стал передвигаться на юг и занимал территорию, частично совпадающую с положением современного Карши, развалины же Кала-и Захаки Морон есть крепость, построенная Тимуром и осаждавшаяся Шейбани-ханом⁸¹.

В 1916 г. археологические разведки в Бухарских владениях вел Кастанье, дав описание памятников древности Каршинского оазиса, развалин рабата Бузачи и рабата в местности Карши-базар, древностей в Нур-Ата и его окрестностях и развалин Кала-и Дабус у современного Кала-и Зияеддина, на берегу р. Зеравшан⁸².

Член ТКЛА И. Т. Пославский в октябре 1895 г. посетил

развалины Термеза и сделал обстоятельное для того времени сообщение о них, сопровождаемое схематическим планом местности⁸³.

Вскоре после Пославского развалины Термеза осматривал член ТҚЛА И. И. Гейер, сделавший на месте ряд фотографий и отразивший часть своих наблюдений в своем известном путеводителе по Туркестану⁸⁴.

Существенный вклад в дело фиксации термезских памятников древности сделал также член ТҚЛА военный инженер Б. Н. Қастальский. Как пишет М. Е. Массон, «Б. Н. Қастальский жил в Термезе в течение нескольких лет и произвел съемку Термезского района в мелком масштабе, причем на план нанесено было немало уцелевших к тому времени развалин, частью поименованных, частью безымянных. Ему же принадлежит и наиболее подробная (за дореволюционное время) начатая с 1898 г. фотофиксация памятников Термеза и его района, в том числе древних ирригационных сооружений. Часть этих фотографических материалов, относящихся в большинстве к 1900 г., опубликована уже при Советской власти».⁸⁵

В 1898 г. в Термезе побывал член ТҚЛА А. А. Семенов, впервые осмотревший тогда развалины «Султан-Садат».⁸⁶ Вторично А. А. Семенов посетил Термез в 1913 г.; результаты его поездки освещены нами в обзорах изучения историко-архитектурных памятников и письменных источников⁸⁷.

Развалины Термеза вообще не выпадали из поля зрения ТҚЛА. По просьбе Кружка и при содействии его активного члена И. Т. Пославского (к тому времени — начальника военных инженеров штаба Туркестанского военного округа) топографическим отделом Кружку была передана выкопировка с плана 1897 г. приамударьинской группы развалин⁸⁸. В начале 1914 г. член Кружка топограф Н. И. Нехорошев выразил желание обследовать развалины Термеза со снятием планов и представил подробный проект предполагаемого обследования на пространстве между Аму-Дарьей и Сурханом⁸⁹. Кружок обратился к своему постоянному опекуну В. В. Бартольду с просьбой хлопотать у Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии необходимые средства⁹⁰. Первая мировая война 1914—1918 гг. не позволила осуществить это начинание.

Интересовался также Кружок развалинами города Отрара.⁹¹ В 1899 г. Н. С. Лыкошин опубликовал статью о развалинах города Отрара (при впадении реки Арысь в Сыр-Дарью в 45 верстах от г. Туркестана), призывая к ведению здесь научных раскопок. По мнению Лыкошина, Отрар мог быть тождествен городу Хамукету, основанному переселенцами из Бухары.⁹²

В. В. Бартольд откликнулся на это замечкой, говоря о недостаточной обоснованности такого предположения, и приводил выписку об Отраре из своего, тогда еще неизданного, труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»⁹³.

В связи с ассигнованием Кружку денежных средств Русским Комитетом по изучению Средней и Восточной Азии члены ТКЛА А. А. Черкасов и А. К. Кларе приступили к обследованию и описанию местности в пределах нахождения развалин древнего Отрара (на 203-й версте Оренбург-Ташкентской железной дороги). Они же осуществили топографическую съемку городища⁹⁴.

Указание В. В. Бартольда, что селение Шахристан могло стоять на месте существовавшей некогда столицы области Осрушна⁹⁵, побудило члена ТКЛА П. С. Скварского «сообщить те сведения об этой местности, какие (ему) удалось собрать во время неоднократных посещений Шахристана». Скварский описал местность Шахристана в археологическом отношении, встречаемые здесь предметы древности.

Попыткой обобщить сведения о памятниках древности Ура-Тюбе и Шахристана, пополненные личными наблюдениями, была статья И. А. Кастанье⁹⁶.

Первенствующая роль на протяжении многих веков принадлежала, по мнению автора, Ура-Тюбе. Кастанье не соглашался с мнением В. В. Бартольда, что развалины Шахристана могут быть отождествлены с остатками столицы Осрушны — Кирополиса, напоминая, в частности, что султан Бабур считал слово «Усрушна» первоначальным названием города Ура-Тюбе, и ссылаясь на мнение В. В. Григорьева и других ориенталистов касательно того, что «Кирополем приходится быть нынешнему городу Ура-Тюбе» (Григорьев).⁹⁷

Не осталось бесследным и пожелание В. В. Бартольда об осмотре развалин Касана. По поручению ТКЛА, член Кружка А. И. Бряннов посетил селение Касан Ферганской области (где до этого побывал художник Щербина-Крамаренко, оставивший краткие сведения о своем посещении). Бряннов собрал рассказы местных жителей о прошлом Касана, описал памятники старины и развалины укрепления Муг-Курган вблизи Касана. Бряннов не решался твердо признать в виденных им остатках древности развалины древнего Касана, говоря о необходимости специальных для этого раскопок⁹⁸.

В октябре 1913 г. совершавший поездку по Ферганской области член Кружка А. Д. Петров встретил на р. Сох-сае, около сел. Сары-Курган развалины, известные у местного населения под именем Муг-тепе, или Муг-Курган. Сообщение об этом тем более заинтересовало членов Кружка, что анализ арабских подорожников X в. еще ранее привел В. В. Бар-

тогда к выводу, что древний город Сох должен быть локализован на месте нынешнего селения Сары-Курган или западнее его.

В связи с этим Л. А. Зимин дал краткую историческую справку о древнем Сохе по данным письменных источников,⁹⁹ а А. Д. Петров — предварительное описание развалин Муг-тепе, в которых он видел «курган из крупного сырцового кирпича с самого основания», который по горизонтальному разрезу имел вид правильного четырехугольника с выступающими по углам башнями.¹⁰⁰ А. Д. Петров отметил также наличие вблизи от развалин остатков крупных очагов (следов заводской горной промышленности), фрагментов керамики и остатков построек из жженого кирпича.

В связи с сообщением А. Д. Петрова член Кружка И. Т. Пославский высказал мнение, что в Муг-тепе следует видеть не развалины города, а скорее остатки крупного храма, возможно зороастрийского.¹⁰¹

Активист Кружка краевед Н. Джетбысбаев задолго до этого обратил внимание на слово «муг», нередко встречающееся или в приложении к памятникам древности, укреплениям (Муг-Курган и др.), или к народу по имени муг. Джетбысбаев высказал предположение, что слово «муг» ведет начало от «имени Калмуг (калмык), которое произносили киргизы только второй половиной — «муг».¹⁰²

По докладу Джетбысбаева Маллицкий, Остроумов и Мулла Алим выразили сомнение в возможности отождествления слова «муг» с обозначением калмыков, говоря, что древневосточные историки указывают на мугов, как на зороастрийцев, и что первоначальным их центром был Балх.¹⁰³

«В настоящее время, — замечает В. В. Бартольд, — «дома ми мугов» в Туркестане называются не храмы огня, но постройки так называемого «циклопического типа, т. е. насыпи из камня», которые один из специалистов по археологии Туркестана (Н. И. Веселовский — Б. Л.) называет «могилами»¹⁰⁴.

Исследования советских археологов полностью подтвердили мнение Н. И. Веселовского и других, что мугхона — древние погребения.

По поручению Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узбекской ССР специальным отрядом во главе с археологом М. Э. Воронцом (ныне покойным) были проведены исследования в северо-западной части горной Ферганы, вверх по Гавасаю и примыкающим к нему саям.

Участник исследований В. И. Спришевский осмотрел на месте примерно 300 мугхона, из которых более 20 были разобраны и изучены.

Установлено, что все они являются древними погребальными сооружениями в виде камер с ведущим в них отверстием.

Сложены мугхона из плит рваного и булыжного камня, хорошо подогнанных друг к другу, но без применения скрепляющего раствора.

Археолог В. И. Спришевский датирует изученные им погребения I—IV вв. н.э. и считает их принадлежащими горно-пастушеским племенам Ферганы.¹⁰⁵

Внимание Кружка привлек к себе также вопрос о местонахождении остатков древнего городища Бенакента (Бенакета), входившего в состав городов области Шаш, захиревшего в XIII—XIV вв. и, по-видимому, восстановленного, но уже на другом, близком к Бенакенту месте под названием Шахрухии (по имени сына Тимура Шахруха).

В 1876 г. в местности Шара-Кия (Шаркия; видоизменение от Шахрухии?) были обнаружены подземные ходы со сводчатыми перекрытиями из жженого кирпича. Находка эта вызвала интерес и заставила вспомнить об исторических судьбах Шахрухии.¹⁰⁶ О развалинах Шара-Кии вел впоследствии речь Е. Т. Смирнов;¹⁰⁷ развалины предполагаемой Шахрухии посещал М. С. Андреев.¹⁰⁸

Интересовались вопросом о месте Бенакента и Шахрухии В. В. Бартольд¹⁰⁹ и Д. И. Эварницкий.¹¹⁰

В районе Шахрухии работы велись в мае-июне 1913 г.¹¹¹ В своем отчете Кастанье описывает местность Шахрухии с приложением составленного им плана.¹¹² Особенно интересовали Кастанье «развалины Бенакента», под которыми он подразумевал пространство «на северо-запад от местности Шара-Кия, или Шахрухия». Оно, по-видимому, отвечало местности Тарат-хана, описанной в 1876 г. Д. К. Зацепиным.¹¹³

Для понимания вопроса о местонахождении Шахрухии поездка Кастанье дала мало.

Возвышенностью Канка, или Канга, орошавшейся водами р. Ангрена (арыком Кан), и собственно городищем Канка интересовался Е. Т. Смирнов.¹¹⁴ В связи с находками на месте развалин Канки Е. Т. Смирнов высказал очень любопытные соображения о широком местном производстве стеклянных изделий в древности и вплоть до наших дней (стекольный завод Исаева-Иванова близ Ходжента).¹¹⁵

К сожалению, городище Канка до настоящего времени не подверглось детальному исследованию, и лишь М. Е. Массону мы обязаны обстоятельными публикациями о нем со сводкой отрывочных литературных данных о городище.¹¹⁶

Определенная сумма данных была собрана членами и сотрудниками Кружка по древнему городу Джанкенту (Жанкенту, Жангикенту), развалины которого лежат на левом берегу

р. Сыр-Дарьи менее чем в 20 верстах от Казалинска. В сумму этих данных входило описание развалин,¹¹⁷ фольклорные материалы (легенды о нем),¹¹⁸ библиография вопроса.¹¹⁹

В 1912 г. А. А. Семенов сделал сообщение о предметах древности, найденных в развалинах города Джорджана.¹²⁰ Особенное внимание привлекли к себе искусной отделки стеклянные вещи («граненая посуда»).

Н. Руднев, чья статья «Заброшенный уголок», в газете «Туркестанские ведомости» (1900, № 15—17) была перепечатана на страницах ПТКЛА, описал предполагаемые остатки древнего города Сют-Кента (план развалин которого приложен к тексту статьи в протоколах), расположенные в двух верстах выше озера Кара-Куль.

Статья Руднева интересна и тем, что автор на основе своих наблюдений пытался дать в кратком виде схему типичного устройства средневековых городов, стоявших по течению р. Сыр-Дарьи¹²¹ и «выяснить вопрос о применявшихся в градостроительстве строительных материалах».

Здесь надо иметь в виду, что в полном соответствии со взглядами своего научного наставника — В. В. Бартольда — члены Кружка неизменно придерживались твердого убеждения в том, что каждый из средневековых городов Средней Азии делился на три части: цитадель, шахаристан, рабад. Позднейшие изыскания показали совершенную необязательность такой схемы.¹²²

В 1898 г. В. А. Каллаур осмотрел памятники древности в низовьях р. Талас и в предгорьях Кара-Тау, где зафиксировал курган Тас-Тюбе (в 25 верстах от города Аулие-Ата), курганы Джиты-Тюбе (в 125 верстах от города), а также развалины древнего укрепления Тиктурмас, укрепление Ак-Байляр, курганы по р. Коктал с северной стороны Сасык-Булака.¹²³

В 1899 г. В. А. Каллаур осуществил рекогносцировочное обследование предполагаемых остатков разрушенного Чингисханом города Сунак-Ата (Сунак-Курган), находящегося в 18 верстах от русского селения Скобелева (расположенного в 35 верстах на восток от Джулека) по Сунак-Атинской караванно-степной дороге, в районе Приречной волости Перовского уезда.¹²⁴

Каллаур описал кратко (тоже с приложением плана) крепость Бунак с внутренним укреплением, или цитаделью, и «самую крепость». Он отметил присутствие вне крепостных стен следов «загороженных мест для дворов, караван-сараяв и глинобитных построек с уцелевшими еще стенами. Не ускользнуло из поля зрения Каллаура наличие в окрестностях развалин сети арыков, сохранившихся до наших дней и свидетельствовавших, что «здесь велось широко культивируемое хо-

зьяйство», так как сейчас данная местность «представляет из себя только степь, поросшую в некоторых местах саксаулом». ¹²⁵

Каллаур собрал сведения о роде сунак и предания о прошлом сунаков и о древних названиях Сунака. Как обычно, он сообщал попутно сведения о различных памятниках древности округа (по сухому руслу Угуз-Жингасы и др.) Осмотренные им развалины Каллаур отождествлял с остатками города Саганак. Осмотрел Каллаур и остатки крепости Биш-Там (в 20 верстах на север от Скобелева), состоявшей из цитадели и крепостного вала, придя к выводу, что Биш-Там и окрестности орошались общим арыком, идущим от Саганак (Сунака), и древние города и крепости данной местности получали воду со стороны Ян (Яны)-Кургана. ¹²⁶

Вслед за тем Каллаур осмотрел развалины, известные под именем Асанас (Ашанас), отождествляя их с древним городом Ашнас, или Эшнас (Головачевская волость, на левой стороне р. Сыр-Дарьи, в низовьях Ак-Арыка, верстах в 25 от р. Сыр-Дарьи и в 30 верстах от станции Берказан; развалины расположены по сухому логу Асанас-Узек). Каллаур зафиксировал здесь наличие крепости с пятью воротами и местами бывших построек и присутствие в окрестностях крепости остатков укреплений. ¹²⁷

Член Кружка И. В. Аничков обратил внимание, что в статье члена Кружка А. А. Диваева «Баксы как лекарь и колдун» в призыве баксы упоминается имя Сунак-Ата. ¹²⁸

В. А. Каллаур отмечал присутствие развалин Кыс-Кала (Гыш-Кала) в урочище Тумар-Уткель на левом берегу р. Сыр-Дарьи, в Кентубской волости, против Перовска, в 4 верстах от урочища Хан. «Не следует ли,— писал Каллаур,— здесь искать город Дженд... При первом же случае я осмотрю эти развалины и об оказавшемся сделаю нашему Кружку сообщение». ¹²⁹

В конце 1899 г. он осмотрел развалины Кыс-Кала, собрав среди жителей различные сведения о прошлом местности и отметив местонахождение различных памятников древности. ¹³⁰

Городище Кыс-Кала располагалось на западной стороне Турангил-арыка, некогда бравшего начало из реки, впадавшей в Яны-Дарью. Городище имело следы зданий, сложенных из жженого кирпича. Местные жители находили на нем монеты (в том числе монеты Султана Абулгазы, 725/1324 г.), изразцы с надписями и др.

Историко-топографические наблюдения привели Каллаура к убеждению, что «городище Кыс-Кала может быть признано тождественным с древним городом Джендом, возможно уничтоженным Тимуром в 1388 году». ¹³¹

В 1903 г. В. А. Каллаур выступил с ценной статьей о древних городах и селениях в долине Сыр-Дарьи и Яны-Дарьи (в границах Перовского уезда).¹³²

Ссылаясь на сведения, приводимые Бартольдом в его книге «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» о домонгольских городах и селениях в низовьях р. Сыр-Дарьи, автор пытался отождествить некоторые из развалин с наименованиями известных по литературе древних городов, приходя, в частности, к выводу, что существовало два города с названием Яны-Кент (в двух днях пути от устья Сыр-Дарьи, Янгикент, Яникент, т.е «Новый город» и город в долине р. Яны-Дарьи: Ян-Кент, Джан-Кент »).¹³³

Обзорный характер (курганы и городища) имела статья В. Д. Городецкого по древностям Чимкентского уезда, написанная 4 июля 1914 г. и опубликованная, уже после ликвидации ТКЛА, на страницах Известий Туркестанского отдела Русского географического общества.¹³⁴

Из числа попыток составления археологической карты Средней Азии отметим нанесение на карту могильных памятников и памятников письменности членами Турфанской экспедиции Академии наук 1896 г. (Д. А. Клеменц и М. С. Андреев, бывший тогда преподавателем восточных языков в Ташкентском реальном училище).¹³⁵

В общем Кружком был сделан существенный вклад в накопление материалов о древних поселениях на территории Средней Азии.

К материалам по этому вопросу мы вправе причислить и основные данные по наблюдениям членов ТКЛА над остатками древних валов и рвов.

Своеобразным комментарием к письменным источникам по Бухаре являлись изыскания членов Кружка в районе Бухарского оазиса, особенно члена ТКЛА Н. Ф. Ситняковского, обследовавшего остатки грандиозной стены, известной под именем Кампыр-дувал.¹³⁶

Честь открытия Кампыр-дувала — этого своеобразного и важного памятника древности — принадлежала Н. Ф. Ситняковскому, который, обозревая в 1896 г. с высоты холма Кызылтепе прилегающую местность, обратил внимание на длинный земляной вал, тянущийся в северном направлении и известный среди местного населения под именем Кампыр-дувал. Ситняковский осмотрел некоторые места вала и кратко описал встреченные им развалины укреплений (Шааривайрон, Абу-Муслимтепе, Гяш-Хана,¹³⁷ Хазар). Стараниями Ситняковского остатки вала были нанесены на двухверстную карту; эти остатки представляли собой часть стены, пересекавшей Самаркандскую дорогу к востоку от Тавависа.

Наблюдения Н. Ф. Ситняковского легли в основу утверждения В. В. Бартольда, что «остатки этих стен (окружавших Бухару и известных по сообщениям арабских географов (— Б., Л.) или по крайней мере восточной части их сохранились до настоящего времени»¹³⁸.

«По историческим известиям,— замечает также В. В. Бартольд,— бухарские стены были построены по образцу таких же стен домусульманского происхождения, защищавших Самаркандскую область; остатки этого вала, называвшиеся, как и в других местностях, «старушечьей стеной» (Кампыр-дивар), упоминаются в вакуфном документе 1786 г...., остатки длинных стен, некогда защищавших культурную полосу Египта, также назывались «стеной старухи (Хаит-ал-аджауз)».¹³⁹

В 1915 г. Л. А. Зимин совершил две поездки по Бухаре,¹⁴⁰ описав ряд отдельных памятников древности (медресе Халифа-Нияз-Кул, медресе Абдулла-хан, Модер-и Абдулла-хан) и остатки древности по пути Старая Бухара, Рамитан, Джандар и станция Мургак.

Особое внимание Зимин уделил Кампыр-дувалу. Он привел данные письменных источников вопроса (Истахри, ибн Хаукаль, ибн Хордадбех, Макдаси, Наршахи и др.) и затем дал общее описание стены начиная от Кызыл-тепе — начального пункта сохранившейся части стены. В основном он повторил маршрут Ситняковского, включив в свое описание местных памятников древности и те, которые не были описаны Ситняковским (холмы Иль-Мирза-тепе, Бури-Хана-тепе и др.), и, кроме того, впервые описал некоторые пункты стены, пересекавшей Хорасанскую дорогу к западу от Бухары. Он описал здесь холм-бугор Кампирак-тепе, тепе Кала-и Симич с прилегающим к нему с северо-западной стороны валом, ограждавшим Бухару с запада и пересекавшим Хорасанскую дорогу. Зимин не сомневался, что он имеет «дело с остатками той же древней стены Кампыр-дувала»¹⁴¹. Остатки той же стены исследователь усматривал и в местности на юго-запад от Кампирак-тепе, где эти остатки находились у развалин Кала-и Мулла Бек — видимо, сторожевого укрепления.

Описание своих поездок 1915 г. по Бухаре Зимин заключил описанием развалин Рамитана, о котором Наршахи свидетельствовал, что «Рамитан... укрепленное селение. Оно древнее Бухары и в некоторых книгах даже упоминается под именем Бухары».¹⁴² Зимин предположил части очерка о Рамитане обзор письменных источников.¹⁴³

Внимание Зимина привлекли также развалины Кала-и Дабус, описание которых было опубликовано им уже в отдельном очерке.

Отметим, что попытки Л. А. Зимина и других определить

район нахождения Кампыр-Дувала на западной стороне Бухарского оазиса не были доведены до конца. Лишь в советское время и не сразу В. А. Шишкину и его соратникам удалось выяснить, что стена проходила около бугра Кампирак примерно в 10 км от известного городища Варахша и направлялась оттуда в сторону мазара Ходжи-Убан.¹⁴⁴

После революции изучением остатков «Кампирака» занималась экспедиция под руководством А. Ю. Якубовского (часть участка стены в Кзыл-Тепинском районе), В. А. Шишкина (западная, пустынная часть Бухарского оазиса). В наибольшей степени конфигурация остатков стены установлена в 1956 г. Х. Мухамедовым. Точка зрения Х. Мухамедова сводится к тому, что происхождение стены можно отнести к более отдаленному периоду времени, чем то, о котором говорит Наршахи (VIII в. н. э.); рассказ же Наршахи о сооружении данной стены относится к последующим пристройкам и расширению стены в VIII в. Общее протяжение стены превышает 350 км., причем остатки стены дают точный контур орошаемых земель оазиса.¹⁴⁵

Н. Н. Пантусов обратил внимание на остатки примечательного рва, обнаруженного им в Алтын-Эмельской волости Капальского (Копальского) уезда; по рассказам киргизов, он будто бы начинается от р. Или, идет через горы Чулак и Асан и кончается у Коксу. Пантусов привел народное киргизское предание об этом старинном рве¹⁴⁶.

Остатки крупного вала (Кызыл-Алан), тянувшегося вдоль северного (правого) берега р. Гюрген почти от самого Каспийского моря, осматривал член Кружка И. Т. Пославский, видевший в нем «древнюю непрерывную пограничную укрепленную линию, обеспечивавшую страну, лежащую к югу от реки Гюргена, от набегов с севера»¹⁴⁷.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ

Определенное место в научной деятельности Кружка занимало проведение силами его членов археологических раскопок на территории Средней Азии (собственно Туркестанского края).

Чтобы правильно оценить раскопочные работы Кружка, необходимо отчетливо представлять себе общий уровень раскопочного дела тех времен в общероссийском масштабе.

Не будет преувеличением сказать, что ко времени начала работ Кружка для некоторых из раскопок, производившихся тогда в России, еще не успели устареть меткие и образные слова выдающегося русского востоковеда В. В. Григорьева (1816—1881), писавшего по поводу некоторых «куранных работ», опубликованных в 1865 г.:

«Видит ребенок часы; разбирает его любопытство узнать, что там такое стучит внутри их; чтобы добраться до этого, начинает он ломать часы; в результате выходит, что часы сломаны, а любопытство ребенка не удовлетворено: отдельные колеса, винты и прочие не раскрыли ему тайны механизма. В таком же отношении, как ребенок к часам, находятся, на наш взгляд, и ученые-исследователи по отношению к разрываемым ими курганам. Раскопаны уже тысячи этого рода памятников, а о людях, которые насыпали их, узнано немногим более того, сколько узнал ребенок, почему часы идут. И причина неупешности как в том, так и в другом случае одна и та же — неприготовленность, неспособность сообразить отдельные данные, добытые, там — разломкой часов, тут — раскопкой кургана. И как не виноват ребенок в том, что не может он уяснить себе задачи выше своего разумения, так не виноваты и раскапыватели курганов, что им не дается ответа на то, чему еще не пришло время, до чего еще не доросла современная наука».¹⁴⁸

Отечественная научно-методическая литература по производству археологических разведок и раскопок ко времени открытия действия ТҚЛА по сути дела отсутствовала, если не считать так называемых инструкций археологических съездов И. С. Полякову (по исследованию пещер Кавказа), В. Б. Антоновичу и В. Г. Бернштаму (по исследованию пещер, курганов и других предметов древности Северного Кавказа) и некоторых других,¹⁴⁹ уже успевшего устареть «Руководства для раскопки»,¹⁵⁰ да еще нескольких подобных публикаций, программы А. А. Спицына по древностям Вятской губернии,¹⁵¹ его же небольшой брошюры по раскопкам¹⁵² и брошюрки Гаршина.¹⁵³ Лишь в десятые годы XX в. появятся методические руководства Д. Я. Самоквасова.¹⁵⁴

Известная брошюра «Археологические разведки» Александра Андреевича Спицына (1858—1931) появилась в 1908 г.¹⁵⁵ и не менее известное руководство для раскопок Василия Алексеевича Городцова (1860—1945) вышло в 1914 г.,¹⁵⁶ а «преддверие» этого руководства — в 1911 г.¹⁵⁷

Таким образом, и для всей России то было время, когда методика раскопочных работ находилась в начальной стадии своего формирования. Подготовка специалистов-археологов высшими учебными заведениями не осуществлялась. Дело зависело от опыта, познаний, осторожности, добросовестности, чувства научной ответственности и других субъективных качеств раскопщика. При этом людей с общеакадемической научной подготовкой, представителей университетских кругов также не хватало, и даже такое централизованное учреждение, каким являлась Императорская Археологическая Комиссия в Петербурге, долгое время не считало предосудительным выдавать

Открытые листы на право производства раскопок сложных археологических объектов на местах лицам без элементарной к тому подготовки: считалось достаточным, чтобы раскопщик интересовался археологией, имел известную общую подготовку, был, что называется, человеком культурным, более или менее ориентированным в древностях, в историко-культурном прошлом того или иного района страны, рекомендуемым кем-либо из известных Комиссии лиц.

При таком положении дел одни раскопки проводились с соблюдением минимальных научных требований и при всех своих недостатках все же пополняли запас знаний об историко-культурном прошлом отдельных районов, другие оказывались даже для своего времени очевидным браком и, тем самым, сопровождалась определенным количеством навсегда загубленных для науки памятников древности.

«Методика археологических раскопок,—замечает М. И. Артамонов,— не улучшилась и с организацией в 1859 г. при Министерстве двора особой Археологической Комиссии... При раскопках старались обойтись минимумом земляных работ, поскорее нащупать гробницу и взять вещи, не заботясь об исследовании памятника в целом».¹⁵⁸

В свое время автору этих строк довелось опубликовать очень показательную для характеристики уровня раскопочно-археологических работ на местах в конце XIX в. переписку известного русского археолога А. А. Спицына с донским краеведом Х. И. Поповым (1834—1925).¹⁵⁹

Желая получить согласие Х. И. Попова на ведение раскопок, А. А. Спицын писал: «Насколько мне известно, Вы еще никогда не производили раскопки курганов, но это не страшное дело, если к нему отнестись осмотрительно и руководиться указаниями моей брошюрки».

Сейчас такое заявление в устах специалиста-археолога было бы, конечно, невозможно.

В этом смысле, несомненно, прав был Б. В. Фармаковский, когда в некрологе, посвященном Н. И. Веселовскому, писал: «Конечно, можно указать разного рода упущения в раскопках Н. И. (Веселовского). Но надо принять во внимание то, что той точности наблюдения, которую показали критские раскопки Эванса и которая теперь является обязательной для каждого исследователя, до 1900 г. не было ни у кого.» (разрядка наша.— Б. Л.).¹⁶⁰

Сопоставляя сейчас все материалы дореволюционных археологических изысканий с материалами, накопленными за последние годы советской археологией, отчетливо видишь, как быстро продвигается вперед вооруженная учением марксизма-ленинизма советская историческая наука.

Планомерные, систематические, серьезно поставленные исследования, к которым так стремились подобные А. А. Спицыну деятели русской археологии, стали реально осуществимыми лишь в годы социалистического строительства.

Дело не только в том, что с течением времени закономерно вообще повысился уровень наших познаний в деле изучения памятников далекого прошлого, что с течением времени, естественно, улучшилась методика и методология проводимых работ, техника раскопочных изысканий и т. д.

Основное заключается в глубоком изменении направленности и всего содержания деятельности советских археологов, рассматривающих себя лишь как отряд работников общенациональной исторической науки, видящих в каждом археологическом памятнике прежде всего исторический источник, а не мертвую, музейную вещь.

Отчетливо осознавая все недочеты дореволюционных археологических исследований, видя теневые стороны в методологии и методике этих работ, советский исследователь, критически подходя к материалам прежних лет, отдает, вместе с тем, конечно, должную дань и определенному научному значению части этих материалов и тем положительным субъективным намерениям, с какими осуществляли в свое время исследовательские изыскания археологи дореволюционного времени.

К чести Кружка надо сказать, что активные его деятели, особенно поначалу, сами предпочитали воздерживаться от «больших раскопок по ограниченности средств Кружка и по недостаточности собранных сведений о памятниках старины, находящихся в разных местностях Туркестанского края».¹⁶¹

Правда, ко времени открытия действий Кружка в литературе вопроса уже имелась для своего времени весьма примечательная и по сути дела первая попытка Н. И. Веселовского дать сводный обзор курганных насыпей Западного Туркестана.¹⁶² Он отметил, что насыпи эти в наши дни называются здесь не иначе, как «тепе» (тюбе — холм), но что слово «курган», несомненно употреблявшееся для таких насыпей в древности, удержалось в названиях городов и селений: Яны-Курган, Уч-Курган.

Сам Н. И. Веселовский не раскапывал могильных курганов Туркестанского края, но «сведения о них собирал постоянно».¹⁶³

Н. И. Веселовский пытался сделать определенный вывод из своих впечатлений. По его мнению, то обстоятельство, что минг-тепе (минг-тепе. — *Б. Л.*) находятся только близ Сыр-Дарьи и не простираются южнее, т. е. в долину Аму-Дарьи, дает повод заключить, что курганы эти возведены кочевыми народами, тогда как курганы-укрепления («укрепления кочевникам не нужны и они их не строят») сооружены народами оседлыми для защиты главным образом от кочевников. Автор дал общее опи-

сание некоторых тепе, видя в них «цитадели небольших городов, со стенами или даже без стен.»¹⁶⁴ Чорлок-тепе, вестах в 40 на север от Ташкента, был подвергнут Н. И. Веселовским раскопкам, которые обнаружили здесь явственные следы жилья и ряд находок, среди которых примечательными были три ручных жернова и датирующий материал — монета бухар-худатов. Он же произвел раскопки на Калян-тепе, близ кишлака Ашту, Мунчак-тепе, у города Чуста в Фергане, осмотрел ряд тепе в Зеравшанской области «и все они оказывались содержащими в себе жилые помещения, имели глинобитные стены, обращенные наружу, но с пристройкой домов к внутренней стороне.»¹⁶⁵

Указывая на мнение акад. Миддендорфа в его очерках о Ферганской долине, что среднеазиатские курганы не являются искусственными насыпями и что люди только пользовались работою природы, приспособляя некоторые возвышенности для своих надобностей, Н. И. Веселовский подчеркивал, что ему лично приходилось иметь дело только с насыпными курганами.

Из местных деятелей Остроумов уже в 1887 г. впервые вел раскопки близ Ташкента, на земле Никифорова.¹⁶⁶

В апреле-мае 1889 г. Н. Н. Пантусов раскопал три кургана на западной стороне города Верного, как он сам говорил, «с целью познакомиться на опыте с приемами работы и подготовиться к раскопке крупных курганов».¹⁶⁷ Раскопки были сугубо несовершенными, хотя встреченное в курганах устройство погребений само по себе представляет значительный интерес.

В 1893 г. Н. П. Остроумов раскопал несколько небольших курганов близ сел. Мамаевки, Чимкентского уезда. В каждом из курганов были найдены человеческие скелеты, «уложенные по два и по четыре» головой на северо-восток на слое мелкой гальки, взятой, видимо, из р. Арыса, или на черепках разбитой глиняной посуды. Из находок зафиксированы: «обломки медного кружка с выпуклой петлей для прикрепления к одежде, каменное точило со сквозным отверстием в верхней части... Все скелеты лежали в огороженном сырцовым кирпичом четырехугольнике, засыпанном со всех сторон глиной». Объектом рекогносцировочных работ Остроумова служило и городище Джуантепе.¹⁶⁸

Летом 1896 г. группа членов ТҚЛА (Н. П. Остроумов, Е. Т. Смирнов, В. Ф. Киселев, К. Е. Коревицкий, Ф. П. Егоров, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Малтицкий, М. С. Андреев, Мулла-Алим Абулкасымов) разновременно обследовала памятники древности Ташкентского района, преимущественно «холмы» (тепе): Ак-Типя, ярмарочный холм на урочище Минг-Урюк, Имиш-Казы, Ярты-Типя (Кугайт-Типя), Шаш-Типя (влево от почтовой дороги, на левом берегу арыка Ангар, в 4 верстах от Ногай-Кур-

гана.¹⁶⁹ На последнем были произведены рекогносцировочные раскопки, обнаружившие сложенную из сырцового кирпича остроугольную арку и различные предметы древности.¹⁷⁰

Сделанный в ТКЛА вывод из раскопок был мало обоснованным: «Холм некогда представлял из себя сторожевой пост и, может быть, имел или подземное жилище, или просто потаенные ходы к воде на случай осады».¹⁷¹

При вторичном осмотре развалин древнего Ульджакента в 1901 г. Б. А. Илькин вел там пробные раскопки, вырывая ямы, в некоторых встречались фрагменты керамики, кости животных, зола. Сам Илькин писал по поводу своей работы, что «в древнем Ульджакенте недостаточно такой поверхностной раскопки, чтобы открыть какие-либо следы древности, а нужнo для этой цели произвести более серьезную раскопку под руководством более опытного и знакомого с этим делом человека.»¹⁷²

В 1904 г. Кружок осуществил раскопки на территории древнего Отрара.

Раскопки велись членами Кружка А. К. Кларе и А. А. Черкасовым; первому из них принадлежит публикация итогов раскопочных работ.¹⁷³

Кратким итоговым данным А. К. Кларе предпослал общеполитический очерк об Отраре, используя при этом довольно обширную литературу вопроса.

К сожалению, значительно меньшее внимание в своей статье уделил А. К. Кларе рассказу о раскопках в Отраре (стр. 32—42, включая опись найденных предметов).

Раскопки 1904 г. велись в цитадели траншейным методом. Чистосердечное признание Кларе, что он и Черкасов понимали свою «неподготовленность в деле археологических изысканий» и потому не позволяли себе «ожидать особенно удачных результатов» работ,¹⁷⁴ не было преувеличением скромности ради.

Раскопки действительно носили сугубо кустарный, дилетантский характер, сводясь главным образом к механическому извлечению предметов древности, встречавшихся в процессе выемки земли. Всего было заложено пять траншей.¹⁷⁵

Хуже всего было то, что производители раскопок явно настроили себя на возможность каких-то сверхоткрытий, видимо ожидая встретить остатки грандиозных построек, уникальные изделия и т. д. и потому были горько разочарованы результатами своих работ.

Поучителен подход Кларе к найденному материалу. Все крупные сосуды, например, вне зависимости от их формы, особенностей, назначения зачислялись в общий разряд — «корчаг» и, кстати заметить, по окончании раскопок были оставлены на месте без подробного описания. Другие сосуды (при всем их разнообразии) делились на «кувшинчики маленькие и средние» и т. п.

Беглым и равнодушным взором скользил автор по таким, казалось бы, примечательным находкам, как глинобитные печи и др.

Недостатки публикации Кларе в некоторой степени искупались лишь приложенными к ней (на вкладных листах) удовлетворительными фотоиллюстрациями.

Между тем, раскопками, носившими начально-разведочный характер, было обнаружено немало ценного материала, дающего представление о заманчивых перспективах дальнейших строго научных работ на городище.

Прежде всего, раскопки дали находки, свидетельствующие о большом разнообразии и оригинальности керамического материала, установили присутствие на городище остатков благоустроенных помещений с наличием кирпичных полов и изразцовых обкладок (в том числе «дорожка из крестообразного кирпича», образцы которого представлены на одной из фотографий), обнаружили остатки глинобитных печей, трубопроводы, медные и серебряные монеты и т. д.

В 1904 г. на городище Афрасиаб в Самарканде вел раскопки В. В. Бартольд, ставивший целью выяснить местоположение соборной мечети и по возможности найти фундамент этого здания¹⁷⁶.

Раскопки на Афрасиабе проводились под наблюдением В. В. Бартольда при участии окончившего курс Ташкентской учительской семинарии Г. Л. Вяткина и при содействии других местных работников (В. Л. Вяткин, заведующий ирригацией Самаркандской области Н. П. Петровский).

Раскопки были сосредоточены преимущественно к западу от цитадели, где в X в. и позже находилась, видимо, и соборная мечеть (Бартольд считал ее вероятными остатками большого количество обнаруженных при раскопках кусков жженого кирпича с синими и белыми изразцами и «кусков здания» из того же материала с орнаментами)¹⁷⁷. Раскопки были завершены открытием постройки «из плит жженого кирпича необычайных размеров (длина до 45¹/₂ сант., ширина до 37¹/₂ сант., толщина до 7 сант.)». Касательно назначения постройки высказывались различные мнения: была ли она дахмой (гробницей), основанием минарета или одним из двух устоев входной арки мечети.

В. Р. Розен выражал пожелание, чтобы «скорее появились в свет исследования докладчика (В. В. Бартольда), посвященные Самарканду»¹⁷⁸. К сожалению, в задуманном широком плане такого исследования Бартольда о Самарканде не появилось в печати.

Раскопочные работы Бартольда на Афрасиабе были продолжены на средства Русского Комитета в 1905 г. В. Л. Вят-

киным¹⁷⁹. Они были начаты около открытого в 1904 г. столба и велись траншейным способом. Была обнаружена идущая вдоль вала пахсовая стена, местами сложенная из сырцового кирпича. В стене были обнаружены ворота — главные и «второстепенные». К стене примыкали небольшие каркасные комнаты со следами побелки и, возможно, «галереи на столбах» (идущие параллельно стене столбики, сложенные из обожженного кирпича малого формата). В упомянутых остатках Вяткин видел двор мечети.

Выводы Вяткина сводились к тому, что «сожженное Чингиз ханом здание мечети имело много деревянных частей. Очень может быть, что здание было легкого типа» и возвышалось оно «на поверхности слоя гальки...», причем группа комнат в С-З углу двора существовала в эпоху саманидов».

Выводы Вяткина не представлялись бесспорными¹⁸⁰.

Неизмеримо большее внимание обратили на себя самаркандские раскопки, предпринятые В. Л. Вяткиным на средства того же Русского Комитета в 1908—1909 гг. на холме «Пой-расад» («По-и-расад») близ арыка Оби-Рахмат.¹⁸¹ Раскопки эти, как известно, привели к обнаружению остатков всемирно известной улугбековской обсерватории и, в частности, самого большого инструмента этой обсерватории — «квадранта» или, точнее, секстанта (судс).

Прямым и окончательным поводом к раскопкам в данном пункте послужила находка Вяткиным вакуфного документа XVII в., содержавшего локализацию пункта нахождения «холма обсерватории» («Талли-расад»; «Тал-и-расад»).

Не касаясь подробно истории вопроса, укажем только (в плане нашей работы), что в строгом смысле слова В. Л. Вяткин не был первым, кто указал на место расположения остатков улугбековской обсерватории.

Уже вскоре после присоединения Туркестана к России внимание многих привлекал холм в окрестностях Самарканда, фигурирующий среди местного населения под именем «По-и-расад» — подножие обсерватории (на южном склоне возвышенности Чупан-ата, близ арыка Оби-Рахмат, к югу от почтовой дороги на Ташкент). На холме, кстати сказать, имелись остатки былых строений, жженных кирпичей, изразцов и т. д., на что обращал внимание, в частности, востоковед М. Н. Ростиславов; фотографии с холма фигурировали среди фотоснимков, вошедших в состав второго тома археологической части известного Туркестанского альбома 1872 г.

К осуществлению раскопок на холме «По-и-расад» призывал В. В. Стратонов (астрофизик Ташкентской обсерватории)¹⁸² и сам В. Л. Вяткин,¹⁸³ и все же в условиях колониального Туркестана дело долго не двигалось вперед.

Побудительным поводом к раскопкам явилось, как сказано, замечательное открытие В. Л. Вяткина. Знаток и издатель вакуфных документов, В. Л. Вяткин обнаружил в одном из вакуфных документов середины XVII в. термин «Тал-и-расад». Территориально холмы «Тал-и-расад» и «По-и-расад» были идентичны. Сама история теперь взывала к безотлагательным изысканиям.

И тут, как всегда, на помощь местным исследователям пришел В. В. Бартольд, по рекомендации которого Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии отпустил денежные средства на раскопочные работы¹⁸⁴.

Раскопки Вяткина на месте обсерватории Улугбека велись весьма несовершенным методом закладки «канав» (траншей) и «колодцев», и попытки Вяткина реконструировать облик обсерватории не были плодотворными и не получили в последующем подтверждения. Прав, однако, В. А. Шишкин, указывающий, что для нас значительно важнее не ошибки В. Л. Вяткина, а свершенное им открытие одного из замечательнейших памятников культуры народов Средней Азии, открытие мирового значения, вызвавшее живые отклики в русской и зарубежной литературе¹⁸⁵.

Из наиболее крупных раскопочных работ, осуществленных силами Кружка, должны быть отмечены раскопки на месте развалин Пейкенда (Пайкенда), лежащих в 35 км к юго-западу от Бухары.¹⁸⁶

По совету В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского раскопки были сосредоточены не на территории цитадели, а в черте шахристана, ибо (и это характерно для тогдашних взглядов Бартольда, вполне сознававшего необходимость изучения средневековых городов в широком, многогранном плане) «там легче найти остатки жилищ и больших общественных зданий».

Несколько затруднительно оценить сейчас итоги раскопок, проведенных в Пейкенде (Пайкенде) весной 1914 г. Они были осуществлены на протяжении 12 дней при наличии 7—18 рабочих, а раскопки летом 1914 г. — на протяжении 14 дней при наличии 18—24 рабочих.¹⁸⁷ Столь короткий раскопочный сезон уже сам по себе свидетельствует, что Зимин не мог развернуть систематических и широких раскопочных работ на городище.

Раскопки были начаты с предполагаемого центра шахристана и велись «ямами» глубиной до 2 1/2 аршин на расстоянии семи-восьми шагов одна от другой, т. е. методом, который, собственно, уже препятствовал возможности представить себе положение дел на более или менее значительной площади. Мало преимуществ имела перед «ямным» методом и прокладка траншей шириной, например, в 1 1/2 аршина. В местах

интересных находок (остатки стен и т. д.) траншея несколько расширилась.

По свидетельству В. А. Шишкина, когда он и другие лица осматривали в 1939 г. места раскопок 1914 г., их взору представилось нечто вроде «котлована». Из приложенного к статье Зимина (несколько невнятного) «плана раскопок в Пейкенде, произведенных в 1914 г.» явствует, что общая площадь раскопок охватывала примерно 30 X 30 аршин (помимо площади траншеи).

Если вспомнить о предреволюционном научном уровне раскопочных работ, проводившихся в России местными археологами, справедливо будет признать, что раскопки 1914 г. стояли не ниже многих таких работ, а кое в чем выгодно от них отличались. Мы имеем в виду относительно тщательное составление полевого отчета, более или менее подробную опись находимых предметов древности, стремление вести раскопки бережно, с зачисткой встречаемых при раскопках материальных объектов и найти затем к некоторым из них исторические параллели.

Обнаруженный при раскопках вещественный материал в своей совокупности имел определенную научную значимость. Особенно важным надо признать обнаружение остатков «глиняных сосудов с глиняными же трубами» (печей?),¹⁸⁸ настила (пола?), сложенного из жженого кирпича или его кусков и многочисленной и разнообразной керамики, представленной как целыми (или восстанавливаемыми) сосудами, так и их фрагментами. По количеству и разнохарактерности пайкендская керамика представила собой один из самых обширных сборов средневековой керамики, осуществленных на месте, в процессе раскопок, за все время существования ТКЛА.

Серьезным минусом работ Зимина явилось то, что он, во-первых, не установил стратиграфии культурных отложений и «решил ограничиться раскопками более или менее значительной площади в одном слое, помня, что при раскопках городищ принято раскапывать площадки не менее 5—6 кв. саж.» (здесь автор ссылался на книжку А. А. Спицына).¹⁸⁹ Во-вторых, Зимин явно не сумел осознать и «прочитать» (да это было и очень трудно при его методике раскопок) вещественные находки в их комплексе, понять соотношение материала — особенно строительных остатков.

Не удалось откопать полностью и остатки открытого крупного здания и характер, назначение последнего остались неясными.¹⁹⁰

Правда, в отношении керамики автор пытался дать известную классификацию ее («по материалу и способу обработки») и для своего времени это была попытка ценная (известно, как

часто недооценивались тогда массовые сборы керамики.

Интересно, что, датируя городище Пайкенд (уже после раскопок) временем IX — первой половины XII в., Зимин продолжал, по сути дела, исходить здесь не столько из вещественного материала раскопок, сколько из данных уже ранее описанных им письменных источников (известий древних авторов).¹⁹¹

К опубликованным отчетным данным были приложены вполне удовлетворительные иллюстрации (фотоснимки) на вкладных листах, фиксирующие различные этапы раскопок или дающие представление об отдельных (керамических) находках.

Так или иначе, но раскопки 1914 г. выделялись в цепи работ, осуществленных Кружком почти за двадцатилетний период его существования вплоть до возобновления раскопочных работ на Пайкенде (Пайкенде) уже на другом, неизмеримо более высоком научно-методологическом уровне (1939—1940 гг.) и являлись прямым доказательством того, что «Пайкенд представляет совершенно исключительный интерес для археолога».¹⁹²

Заметим, что по докладу Зимина о его раскопках в Пайкенде членами Кружка были высказаны некоторые небезытересные соображения. Так, А. Г. Скворцов в связи с находкой обломка кирпича с остатками на нем стекловидной массы указал на возможность выделки «стекла где-нибудь поблизости раскопанного места»¹⁹³; в отношении сохранившегося в целости и богато орнаментированного сосуда, имеющего «вид жбана» с плоским круглым дном, И. Т. Пославский «высказался в том смысле, что этот предмет мог служить в качестве умывальника, а не для перевозки воды в куржумах; для последней цели служили сосуды такой же формы, но с горлышком, идущим перпендикулярно к стенке сосуда».¹⁹⁴

В. В. Бартольд писал по поводу раскопок 1914 г. в Пайкенде, что «раскопки были ведены тщательно, но не дали тех результатов, к которым при современном уровне наших знаний о прошлом края может привести только счастливый случай...»¹⁹⁵

В наши дни об археологических исследованиях Л. А. Зимина в Бухарском оазисе писал В. А. Шишкин: «Вследствие накопления материалов и некоторого опыта, работы Л. А. Зимина... были выполнены на несколько более высоком уровне, хотя и они остаются еще дилетантскими: в отчетах Зимина нет ни ясной постановки задач исследования, ни знакомства с техникой полевых археологических работ. Положительной стороной работ Зимина являлось то, что они, как правило, сопровождались довольно тщательным подбором средневеко-

вых преимущественно письменных источников, относящихся к исследуемому памятнику». ¹⁹⁶ В. А. Шишкин отмечает, что «описания Зимина в общем поверхностны, не всегда точны и содержат иногда грубые ошибки». ¹⁹⁷

Таковы в основном результаты раскопочных начинаний Кружка (включая в обзор этих раскопок и работы В. Л. Вяткина, формально по линии Кружка не проходившие.) ¹⁹⁸

Как видим, при всем несовершенстве и серьезных недостатках этих начинаний раскопочные работы Кружка в общем балансе его деятельности все же внесли некоторые дополнительные данные к познанию памятников древности Туркестанского края.

ФИКСАЦИЯ И ОБСЛЕДОВАНИЕ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Огромная, поистине колоссальная роль развития в специфических природных условиях Средней Азии системы искусственного орошения, а следовательно и значение изучения истории этого развития — общеизвестны. Возникновение и расширение ирригационной сети привело к возможности освоения местным населением крупных земельных площадей на большом удалении от природных водных источников — горных ключей, рек и речек. Задача освоения новых земельных массивов ставила работы по ирригации в центр производственной деятельности людей, что способствовало рождению и развитию новых производственных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Историческое прошлое Средней Азии не может быть понято и объяснено вне органической связи с историей создания и развития ирригационных систем.

Еще в статье, опубликованной в 1896 г., В. В. Бартольд настойчиво ориентировал местных работников на желательность исследовать условия земледелия и землевладения в Средней Азии и изменение этих условий в качестве основы для понимания свершавшегося здесь исторического процесса. ¹⁹⁹

И вообще большой заслугой В. В. Бартольда являлась настойчивая постановка им вопроса о пользе изучения сохранившихся следов и остатков существовавших в древности оросительных систем и старых документальных данных о них для практического решения задач ирригационного строительства в Средней Азии. Примечательно в этом отношении, что известная работа В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана» была написана им для департамента земельных учу-

шений в издании коего и была выпущена в свет. Бартольд призывал к содружеству археологов-ориенталистов с техниками-ирригаторами и подчеркивал, что и в условиях новой техники «для проектов новых оросительных работ не утратит значения вопрос, какие именно земли и как были орошены прежде».²⁰⁰

По словам Я. Г. Гулямова, «В. В. Бартольдом сделана большая работа (по истории ирригации); им собраны все исторические сведения, касающиеся вопросов орошения в республиках Средней Азии. Однако эти сведения ограничивались в пределах средних веков и в рамках письменных источников».²⁰¹

Тем большее значение приобретали непосредственные полевые наблюдения за остатками древних оросительных систем, и мы с удовлетворением должны отметить, что члены ТКЛА уделяли немало внимания изучению остатков древних и старых ирригационных сооружений, оставшихся наглядными «свидетелями... кооперативных процессов труда».²⁰²

Необходимо учитывать, конечно, и то, что изучение старых районов искусственного орошения и ирригационных систем диктовалось прежде всего интересами колонизационной и колонизаторской политики царских властей в Туркестане, которые стремились при минимальных затратах средств получить новые земли для колонизации, используя, в частности, заброшенные старопашотные земли.

Вопросы древнего искусственного орошения на территории Ташкентского района интересовали члена ТКЛА Е. Т. Смирнова. Он указывал, что о древности оросительных каналов, выведенных из Сыр-Дарьи, Чирчика, Ангрена и Келеса, свидетельствует то, что по их магистральным линиям расположено «наибольшее количество загадочных искусственных насыпей». В названиях оросительных каналов: Салар, Кайкаус, Зах Смирнов усматривал отголоски названий, восходящих ко времени ахеменидов.

«Русские считают Салар регулятором ар. Боссу, — писал Е. Т. Смирнов, — но это едва ли верно: можно предполагать, что Салар древнейший магистральный канал с водоприемником из Чирчика, а Боссу есть разводный арык...

Канал Кайкаус находится на территории Азиатской части Ташкента и по всей вероятности есть отвод Салара, так как представляет собою прямое продолжение линии, известной под названием Боссу».²⁰³

Е. Т. Смирнов считал, что к древнейшим ирригационным сооружениям относятся Большая Карасу и некоторые другие каналы левого берега Чирчика и каналы по р. Ангрэн: Карыз, Шаракия, Сакал, Кан и др.²⁰⁴

Описание предполагаемых развалин города Канки в долине Ангрена на левом возвышенном берегу Карасу сделал тот же Е. Т. Смирнов, предпославший своему очерку ценную топографическую и гидрографическую характеристики местности, в которой особое место уделено следам старых оросительных каналов.²⁰⁵

Член ТКЛА П. С. Скварский, основываясь на многократном посещении местности в районе сел. Шахристан (близ Ура-Тюбе), предполагаемого центра области Осрушна, сделал вывод, что в домусульманское время «область Осрушна была покрыта правильной, широко развитой ирригационной сетью. Ирригационные каналы брали начало выше селения Шахристан и несли воду вплоть до Хаваста, как известно, пользовавшегося водой из Шахристанского сая, а теперь стоящего среди безводной степи.

Во время тюркских нашествий страна была опустошена, ирригационная сеть уничтожена и вода пошла только по одному естественному руслу, по которому сбегает с гор и теперь. В то время, когда в горах было больше леса, было больше влаги, а потому, наблюдая и теперь случающиеся периодически «сили», приходится заключить, что в давние времена долина между Шахристаном и Хавастом должна была подвергаться сильным опустошительным наводнениям в период таяния снега в горах.»²⁰⁶

В 1898 г. В. А. Каллаур обратил внимание на остатки древнего (ныне сухого) арыка Калмак общим протяжением до 100 верст. Арык этот брал начало из р. Талас («в Агачской волости, по Тюре-Сюек в 60 верстах...; судя по размерам, этот арык орошал значительное пространство земли, занятое теперь саксаульным лесом.»)²⁰⁷

В 1898 г. В. А. Каллаур осмотрел местность «Гыш-гупыр» («Каменный мост»), названную так якобы по имени древнего каменного моста через р. Кок-Тал. В месте, где река проработала себе русло через пересекающие ее две каменные гряды, Каллаур нашел жженые кирпичи, а внизу, в береговых камнях, обнаружил выдолбленные круглые отверстия. По мнению Каллаура, здесь стояла некогда плотина «в виде каменной стенки... для образования водного бассейна, для орошения летом пашен, бывших по обеим сторонам р. Кок-Тала, вливающейся в озеро Арык-балык.»²⁰⁸

При осмотре в Перовском уезде местности на левом берегу р. Сыр-Дарьи, где находятся развалины Кутликент, Мийрам, Ак-Курган и другие, В. А. Каллаур обратил особое внимание на «следы сохранившейся древней ирригационной системы, занимающей значительную площадь земли, ныне в пусте лежащей, что свидетельствует, что в древнее время

здесь было густое оседлое население, занимавшееся земледелием.»²⁰⁹

Наличие следов больших ирригационных сооружений в разных местах, расположенных вдоль по Атрекской линии отмечено И. Т. Пославским, высказавшим предположение, что реки Атрек, Сумбара и Чандыр были некогда более полноводными и вода в них не имела, как сейчас, горько-соленого вкуса.²¹⁰

О возрастании научного уровня работ членов ТҚЛА можно судить по критическому разбору И. Т. Пославским очередного «опуса» небезызвестного А. Чайковского, в котором последний выдвигал фантастический проект спуска вод озера Иссык-Куль в реку Чу, дабы образовавшийся водный поток пересек р. Сыр-Дарью около Перовска и попал в старое русло (Яны-Дарья), достиг Аму-Дарьи, пересек ее вблизи Ходжейли, попал в Узбой и достиг Каспийского моря, чем якобы и будет воссоздана библейская река Гихон (Аракс Геродота и Страбона).²¹¹

И.Т.Пославский, выступая не только в качестве любителя старины Туркестанского края, но и в качестве инженера, подверг обстоятельной и убедительной критике положения Чайковского, рассматривая три стороны вопроса: географическую, техническую и историческую.²¹²

Пославский показал научную недостоверность данных Чайковского, пороки технической стороны его рассуждений и в то же время вполне объективно отметил «кое-что ценное» в брошюре критикуемого автора, чья навязчивая идея и безудержная фантазия не знали границ.²¹³

Пославский считал возможным, что когда-то по руслу Яны-Дарьи и Узбоя текла грандиозная река, для которой Сыр и Аму были притоками.²¹⁴

Большое значение приобрела капитальная работа В. В. Бартольда, посвященная истории орошения Туркестана²¹⁵. И по сию пору книга во многом не утратила своей ценности, хотя в свете накопленных в последние годы данных и материалов, отдельные положения бартольдовского труда приходится признать или устаревшими, или подлежащими пересмотру и уточнению.

Скромные работы участников ТҚЛА были привлечены и отмечены В. В. Бартольдом при написании названного труда и Кружок со своей стороны отметил выход в свет книги своего постоянного и неизменного товарища и наставника.²¹⁶ Правильно указывалось, в частности, что «всякий интересующийся местной археологией и историческими судьбами тех местностей (Туркестана. — *Б. Л.*), где ему приходится жить и трудиться, найдет в этой книге настолько богатый материал, что ее

можно смело рекомендовать как настольную книгу туркестанца»²¹⁷.

В связи с рефератом В. Н. Милованова по работе В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана» А. Е. Скворцов указал, что в районе Голодной степи «один из инженеров, производивших в этом районе изыскания, с несомненностью нашел там следы бывшего грандиозного канала».²¹⁸ Наряду с этим, Скворцов (ссылаясь на мнение Матисена) полагал, что в среднем течении Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи возможно естественное образование (вследствие наносного действия воды) протоков, напоминающих собою каналы; а в пустынях возможно образование каналообразных впадин совершенно без участия воды, действием выветривания.²¹⁹

По поводу этого реферата В. Н. Милованова Бартольд в письме Остроумову от 5 июля 1915 г. писал: «Очень благодарен В. Н. Милованову за статью о моем труде; вполне согласен с тем, что чтение этого труда с начала до конца крайне утомительно; я и не предназначал книгу для такого чтения и думал, что ею будут пользоваться почти исключительно для справок, с помощью оглавления и указателя.»²²⁰

Заметим, что в значительной мере на наблюдениях дореволюционного периода основана известная статья Д. Д. Букинина «История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.»²²¹

В 1916 г. В. В. Бартольд «отметил значение работы Туркестанского Кружка любителей археологии, указав на особую роль их в вопросе об орошении края.»²²²

Конечно, то, что было сделано и накоплено членами ТКЛА за более чем двадцатилетний период существования Кружка, является малой частицей в сравнении с тем, что достигнуто уже сейчас советской наукой в области изучения древних ирригационных систем Средней Азии.

Ограничимся в качестве примера указанием на замечательные работы проф. С. П. Толстова, открывшего древнюю ирригацию Хорезма, многолетние важные труды проф. Я. Г. Гулямова, изучающего историю ирригации в Средней Азии с древнейших времен до наших дней и специально интересующегося остатками древней оросительной сети Бухарского оазиса, особенно в районе Варахши²²³, наблюдения и выводы по ряду районов проф. М. Е. Массона и других.

Опубликованная сейчас монография Я. Г. Гулямова является показателем того, как далеко шагнула вперед советская наука в деле изучения остатков древних ирригационных сооружений в Средней Азии и познания закономерности зарождения и развития здесь системы искусственного орошения.²²⁴

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Очень значительный вклад внесен Кружком в дело фиксации и изучения многочисленных и разновременных наскальных изображений Средней Азии, охватывающих огромный отрезок времени — возможно, от последних стадий каменного века до позднего средневековья и даже ближе к нашему времени.²²⁶

При этом и здесь только в советское время стал быстро возрастать запас наших сведений о наскальных изображениях Средней Азии и изучение их оказалось поставленным на строго научную основу.

Однако первые сведения о наскальных изображениях были зарегистрированы еще в дореволюционный период. В дореволюционный же период исследователи обратили внимание на то любопытное и примечательное явление, что верующие мусульмане в попытке искоренить домусульманские культы почитания различных священных мест практиковали начертания различными способами в пунктах древних изображений текстов из Корана. С течением времени совокупность таких текстов сама по себе стала являть небезыңтересный источник к изучению местной мусульманской (а частично буддийской и христианской) эпиграфики. Стала изменяться и семантика древних изображений. Они переосмысливались путем «подгонки» к сюжету и характеру того или иного изображения позднейших легенд и сказаний, в частности легенд и сказаний, связанных с культом мусульманских святых.²²⁶

Раньше всего внимание исследователей обратили на себя наскальные изображения Казахстана, территория которого, вошедшая в состав России задолго до присоединения к ней Средней Азии, была доступной для изучения на протяжении всего XIX в.

Сведения о наскальных изображениях на территории Восточного Казахстана содержались в известной публикации Г. И. Спасского.²²⁷

Помимо работ Г. И. Спасского и публикаций некоторых других авторов того же времени, назовем, например, публикации второй половины XIX — начала XX в., содержащие те или иные сведения о наскальных изображениях Казахстана: Н. М. Ядринцева,²²⁸ Н. И. Веселовского,²²⁹ В. Д. Никитина,²³⁰ И. А. Кастанье,²³¹ А. В. Адрианова²³² и других.

Наличие наскальных изображений людей, лошадей, маралов, козлов, куланов, стрелков и луков в ущельях, идущих от р. Кызыл-Агач, на вершинах гор Байкулак и других пунктах Семиреченской области было зафиксировано в 1890 г.²³³

Л. Кузнецов дал описание осмотренного им в 1895 г. в Акмолинской губернии почитаемого киргизами священного камня (песчаник) с высеченными на нем родовыми тамгами.²³⁴

Из русских путешественников, видимо, первые сведения о наличии в пределах нынешнего Узбекистана древних наскальных изображений сообщил А. С. Татаринов.²³⁵

Фиксировал данные о местонахождении памятников древности (в том числе на перевале Тахта-Карача, по пути из Самарканда в Шахрисябз, где был обнаружен гранитный камень с высеченным на нем изображением «руки-пятерки») участник русского посольства 1887 г. в Афганистане доктор И. Л. Яворский.²³⁶

Сведения о наскальных надписях и изображениях дополняла также известная работа А. А. Бобринского о горцах верховьев Пянджа.²³⁷ Ценные данные о стенных росписях горных таджиков привели также А. А. Семенов²³⁸ и И. И. Зарубин.²³⁹

Как указывает Г. В. Парфенов, на выставку, организованную в дни работы Первой республиканской конференции по первобытному искусству, из Москвы З. З. Виноградовым были присланы фотографии, сделанные им в 1914 г. проездом через Ширабад с изображений раскрытых рук на скале в ущелье Нон-Догона.

Известные надписи Джилянтинского ущелья и связанные с Кружком работы по их фиксации и изучению отражены нами в разделе «Эпиграфика». Но помимо надписей, как таковых, скалы ущелья содержат еще и различные изображения.

Г. В. Парфенов в своей неопубликованной рукописи «Археологическая карта наскальных изображений и надписей Узбекистана» сообщает подробности относительно зарисовки инженера Саханского и фотографии капитана Барщевского одной такой неизданной надписи и «поясного стилизованного изображения человека с вписанными внутри него какими-то знаками.»²⁴⁰

О связанных с наскальными надписями и изображениями Джилянтинского ущелья и других мест народных поверьях и легендах сообщали А. А. Симонов,²⁴¹ Д. М. Граменицкий,²⁴² Н. С. Лыкошин,²⁴³ Б. Б. Герасимов,²⁴⁴ Д. Н. Логофет,²⁴⁵ и др.

Еще до революции местным исследователям стало известно и о замечательной наскальной живописи Заратусая. Сообщение о ней, основанное на материалах топографа Федорова, предполагал сделать в 1914 г. А. А. Семенов.²⁴⁶

Однако на заседании Кружка 12 февраля 1914 г. председательствующий сообщил, что «предположенное сообщение А. А. Семенова на тему: «Пещерные надписи в Ширабадском бекстве» по непредвиденным обстоятельствам состояться не может».²⁴⁷

В наши дни зареутсайским наскальным изображениям был посвящен ряд мелких заметок, сообщений, главным образом газетных, принадлежащих преимущественно Г. В. Парфенову. Научного же монографического издания изображений и попыток их интерпретации мы не имеем.

В этих условиях значение первоисточника приобретают однотипные (черные) и цветные копии с некоторых из этих изображений, сделанные на месте художниками Рогинской и Кирилловым и опубликованные Рогинской в ее книге для детей.²⁴⁸

Сосредоточим теперь свое внимание на работах деятелей Кружка.

Наскальные изображения змея, собак и горных козлов были зафиксированы членом ТКЛА М. С. Андреевым в горах Моголтау, в ущелье Битыклик.²⁴⁹

Разные знаки неизвестного назначения были зафиксированы членом ТКЛА В. П. Панковым в пещере № 3 (из числа пещер, расположенных в горной местности Бота-Мойнак Аулие-Атинского уезда, в сторону от Верненского тракта).²⁵⁰

В октябре 1897 г. член ТКЛА С. Н. Баумгарт сообщил о высеченных на скалах Чустского участка Наманганского уезда, Ферганской области изображениях разных животных.²⁵¹

Группу вкопанных в землю каменных низких крестов своеобразной формы и неизвестного времени зафиксировал И. Т. Пославский, в частности по течению р. Атрек, в урочище Баят-Аджи, в 15 верстах от Чатлы, на бугристой возвышенности со следами былой заселенности.²⁵² Спутник Пославского рассказывал, что ранее он видел на одном из крестов т-образной формы «вырезанную надпись «крючками», наподобие мусульманской». К сожалению, Пославский не придал особого значения находке, тем более, что по дошедшим до него сведениям «туркмены тоже делают изображения, подобные крестам, и ставят их на свои могилы». По признанию самого Пославского, он «потом уже узнал, что в первые века христианства крест изображался в виде буквы «т» и эта надпись «крючками» могла быть сирийская, а не мусульманская».²⁵³

В дополнительном письме И. Т. Пославского к Н. П. Остроумову сообщалось мнение доктора Билинского (город Кара-Кала, близ б. Атрекской линии), что кресты, о которых шла речь, обозначают «человека, а не крест».²⁵⁴

Камень (скала мягкой породы) с изображениями верблюдов, лошадей и тамг киргизских родов был осмотрен в 1897 г. В. А. Каллауром в местности Карабаш (после перевала Джолсай Аулие-Атинского уезда).²⁵⁵ В верховьях ущелья Колбы был обнаружен еще один камень с изображением как бы самовара и тамг.²⁵⁶

Несколько мест нахождения наскальных изображений посетил в разное время неутомимый Н. Н. Пантусов.

Уже в 1890 г. Н. Н. Пантусов указывал на наличие изображений животных и людей «на скалах ущелья Тамгалы-Тас, направо по входе в ущелье, где находится зимовка Акымбека».²⁵⁷

В 1897 г. Пантусов совершил поездку на урочище Тамгалы-Тас (Капчагай) Жопальского уезда Балгалинской волости (вниз по течению р. Или, в 25 верстах от выселка Илийского) и описал изображения, встречающиеся здесь на камнях, отделившихся от отвесных скал у берега р. Или; всего Пантусов зарегистрировал 18 камней с изображениями тамг (?), бурханов, змей и с калмыцкими и тибетскими надписями (молитвенное заклинание).²⁵⁸

Статья Н. Н. Пантусова «Тамгалы-Тас» была напечатана на страницах ЗВОРАО.²⁵⁹ Вслед за ней А. М. Позднеев дал объяснение надписей и изображений Тамгалы-Таса. Внимание Позднеева привлекли буддийские изображения (бурханов) и тибетские и калмыцкие надписи (по 34 снимкам Пантусова с 17 камней).²⁶⁰

Посетил также Пантусов (в 1897 г.) и урочище Аир-Кезень (собственно перевал в Жопальском уезде) в ущелье Тайчак (в горах Чулак, Чулаковской волости, того же уезда). «На камнях Аир-Кезеня... нашли не особенно обильное количество изображений маралов, козлов», а в глубине Чулакского ущелья «вверху ущелья, кроме надписей (тибетских. — Б. Л.) встречались изображения козлов и других животных, начертанных на развалинах камней ... Местные киргизы приписывают эти памятники монголам (калмыкам)».²⁶¹

Сделанное на камне изображение человеческого лица близ колодца в урочище Караиспе Верненского уезда встретил в 1897 г. тот же Н. Н. Пантусов.²⁶²

Изображения маралов и надписи Пантусов встретил в 1897 г. и на камнях утесистых берегов на правом берегу Куртинского Капчагая, Куртинской волости, Верненского уезда.²⁶³

Пантусов зарегистрировал и большой камень (верстах в двух-трех к юго-западу от урочища Джалмак-Тас, Куртинской волости, Верненского уезда), «на котором находятся изображения маралов, бугу, тау-теке, человека, ведущего верблюда, и проч».²⁶⁴ Изображения рогов горных коз имеются и на диких камнях за Джалмак-Тасом, на урочищах Қазы-Бек и Қалы-Булак.²⁶⁵

Близ станции Сарканской, Лепсинского уезда, на левом берегу р. Баскана Н. Н. Пантусов зафиксировал наличие больших камней (гранитных валунов) с мусульманскими надписями и

изображениями козлов (на одном — ямки — «следы пальцев пророка»). Камни эти почитались местным населением в качестве связанных с культом Алия и назывались «Аулия-Тас».²⁶⁶

«Камень-памятник», известный у киргизов под именем «Келинчек-Тас» (в горах по реке Кара-Талу, примерно в 25 верстах выше казачьего выселка Кара-Булакского, лежащего на почтовой дороге из Верного в город Копал Копальского уезда) был осмотрен Н. Н. Пантусовым в 1898 г.

На пирамидообразном камне этом, высотой около пяти аршин, с передней стороны его имеется изображение бурхана с башней и драконом, а наверху — горизонтальная надпись, копию которой (по данным Пантусова) снял на полотно в 1897 г. Мунк.²⁶⁷

Н. Н. Пантусов зафиксировал наличие нескольких изображений в ущелье Теректы. «Надписи, — сообщал Пантусов, — находятся на отвесных камнях и обращены на юг. Надписей четыре. На одной из них козел с огромными рогами..., выше на горах рассеяно множество камней — валунов, на которых находятся изображения козлов, охотников с луками, богумаралов, собак».²⁶⁸ Подобного же рода валуны с изображениями были обнаружены Пантусовым на правом берегу р. Коксу, где тянутся горы Чибынды. Вверх, верстах в четырех от водопадов (Куркульдек, Куркурсу), немного выше речки Кызыл-Булак, впадающей в р. Коксу с левой стороны, у берега реки также находится масса валунов, усеянных изображениями животных и людей. Собственно Теректинские надписи (монгольские), видимо, позднего происхождения и писаны элютами — выходцами из Илийского края.

Тибетские и монгольские надписи на гладких местах скал в районе Арасанских гор (Кегеньской волости, Нарынкольско-Чарынского участка, Джаркентского уезда, Семиреченской области) были кратко описаны Н. Н. Пантусовым, посетившим местность Арасан в мае 1900 г.²⁶⁹

На заседании ТКЛА 15 января 1903 г. было впервые заслушано сообщение Н. Г. Хлудова о замечательных изображениях на камнях в горной местности Саймалы-Тас, находящейся недалеко от перевала Кугарт, через который тогда прокладывалась почтовая дорога от укрепления Нарына (Семиреченская область) на Андижан (Ферганская область). Свое сообщение о «камнях с узорами» Хлудов сопроводил собственноручными зарисовками некоторых изображений.²⁷⁰

«Этих камней с рисунками и надписями, — писал Н. Г. Хлудов, — должно быть очень много. Мне пришлось насчитать их до 50-ти штук; но киргизы говорили, что по дру-

гую сторону перевала их еще больше... Все изображения выбиты на камнях довольно глубокою бороздкою». ²⁷¹

Полученные И. Т. Пославским от Б. Я. Мощинского некоторые дополнительные известия в связи с сообщением Хлудова позволили Пославскому сделать доклад об открытии Хлудова. ²⁷²

Записка Н. Г. Хлудова о памятниках Саймалы-Тас, доложенная Пославским на заседании Кружка 15 января 1903 г., побудила И. Т. Пославского в августе того же года совершить поездку в названную местность для «поверхностной рекогносцировки». ²⁷³

В результате именно И. Т. Пославскому мы обязаны повторной постановкой вопроса о необходимости обследовать местность «Саймалы-Таш» близ Кугартского перевала в Ферганской области. «Рисунков, — говорил Пославский, — там положительно тысячи; все гладкие поверхности скал и отдельных обломков исчерчены изображениями людей и животных, равно какими-то условными знаками, в которых можно видеть идеографические письмена».

И. Т. Пославский давал краткое описание характера рисунков и указывал, что «высекались рисунки, несомненно, металлическим, быть может бронзовым орудием (в верстах 15 отсюда находятся древние медные выработки)». ²⁷⁴ О происхождении рисунков Пославский говорил «с большой осторожностью», полагая, что для того, чтобы наполнить рисунками обширную долину, требовалось очень много времени, здесь могло быть «стойбище доисторического человека. Но могли чертить подобные рисунки и позднейшие киргизы». ²⁷⁵ Во всяком случае Пославский справедливо полагал, что нет основания относить изображение в долинах Саймалы-Таш к межледниковому периоду, «хотя все-таки эти изображения должны быть и очень древними и очень интересными по содержанию». ²⁷⁶

Все изображения Пославский делил на три категории: 1) отдельные животные, предметы и фигуры, 2) сцены из жизни и охоты и 3) явно условные изображения или идеографические.

Из отдельных соображений и данных Пославского заслуживают быть отмеченными сведения о характеристике породы камней, на которых делались изображения, об инструментах, которыми последние высекались, об образовании одной из местных морен в период, когда изображения на камнях уже существовали, о том, что ежегодные пребывания людей в данной местности были возможны не более чем на протяжении 1—1½ месяцев, и что в этой местности — альпийской,

крайне суровой и пустынной — не могло быть и поселений первобытного человека.²⁷⁷ К статье Пославского было приложено воспроизведение ряда изображений.

К чести активного участника Кружка И. Т. Пославского даже немногочисленные в его время материалы по наскальным изображениям Средней Азии в своей совокупности позволили ему наметить довольно правильный путь их дальнейшего широкого изучения.

Советский исследователь наскальных изображений Саймалы-Таша А. Н. Бернштам называет это уникальное местонахождение «гигантским скоплением наскальных изображений на Ферганском хребте».²⁷⁸

А. Н. Бернштам считает, что группа этих изображений возникла не вблизи караванных дорог, а на уединенной и обособленной территории в районе пастбищ. Наиболее ранние изображения относятся, видимо, ко II—I тысячелетиям до н. э. (предсакская группа надписей по терминологии А. Н. Бернштама), позднейшие (гунно-тюркская группа изображений) — к I—VIII вв. н. э.

В наше время зарегистрировано уже до 107 тыс. изображений, выбитых на гладких гранях обломочным пород базальта.

То, что саймалы-ташские изображения были открыты и относительно подробно (конечно, в характере предварительных сообщений) были описаны еще в 900-х годах, представляет собой одну из наиболее значительных заслуг туркестанских краеведов перед отечественной археологией.

Николай Гаврилович Хлудов оставил по себе добрую память и среди казахского народа, освобожденного социалистической революцией от феодального и колониального гнета. «Познанию Казахстана, — читаем мы о Хлудове, — его природы и людей, быта и нравов казахского народа способствовали не только русские ученые, но и деятели искусства. Из них на первом месте можно поставить художника Хлудова», который «для того, чтобы лучше изучить жизнь и быт казахов работал землемером в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях».²⁷⁹

Н. Г. Хлудов родился в 1850 г. в Орловской губернии, в 1877 г. приехал в г. Верный и служил там в качестве учителя рисования, составляя совместно с худ. Глушковым художественно-этнографический альбом народностей Казахстана.

Это был художник-краевед по призванию. Он участвовал в 1886 г. в экспедиции Игнатьева, в 1887 г. сотрудничал с Мушкетовым, зарисовывая следы разрушений, вызванных известным землетрясением того времени. Кисти Хлудова принадлежат сотни картин о дореволюционной жизни трудящихся

Казахстана. Хлудов дожил до Советской власти и до последнего дня своей жизни не выпускал из руки кисти художника, стремившегося запечатлеть новые страницы в жизни близкого ему народа. Таков был один из членов ТКЛА, являвшийся также и членом-учредителем Семиреченского Отдела Русского географического общества и впоследствии деятельным членом Общества по изучению Казахстана.²⁸⁰

Одной из других, наиболее значительных публикаций Кружка о древних наскальных надписях и изображениях следует признать публикацию П. А. Комарова о боролдайских письменах, обнаруженных им на гряде скал выше устья речки Теректы, впадающей в р. Боролдай слева, на вершине водораздела между левыми притоками того же Боролдая, Кара-Тасты-Булаком и Кызыл-Булаком (высеченные изображения архаров, оленей, лошадей, в том числе заседланных лошадей со всадниками и луками в руках, собак и других).²⁸¹

Кроме изображений, на камнях (палеозойский известняк) выбиты знаки, напоминавшие Комарову орхонские письмена или киргизские тамги, а отчасти надписи на несторианских надгробьях. Что касается изображений, они, по мнению Комарова, близки изображениям Саймалы-Таша²⁸², нарынским и исык-кульским.²⁸³ Комаров также констатировал, что «известняк с надписями выделяется черным цветом» — свидетельство, что камни до производства надписей были смазаны каким-то маслом или жиром.²⁸⁴

Уже после прекращения деятельности ТКЛА, в 1922 г., было напечатано извлеченное из архивов Кружка сообщение В. Д. Городецкого о наскальных надписях и знаках вблизи станции Узун-Булак, Чимкентского уезда, в ложбине, по дороге от станции Кабулсай к г. Чимкенту: автор усматривал «сходство означенных надписей с орхонскими письменами, а равно и с боролдайскими».²⁸⁵ В другой заметке названного автора говорится о камнях из развалин к востоку от сел. Балыкчи, Чимкентского уезда, по течению р. Арыси; «среди этих камней оказался осколок от большого камня с искусственным чашеобразным углублением внутри; по-видимому, несколько таких камней, сложенных вместе, составляли какой-то резервуар. Передняя часть этого сооружения была покрыта надписью, часть которой сохранилась на этом осколке. Надпись эта, оказавшаяся уйгурской..., скопирована».²⁸⁶

Советские археологи не забыли заслуг дореволюционных краеведов и отметили 50-летие со дня открытия и исследования наскальных изображений Узбекистана (1896—1946) созывом и проведением в Ташкенте 6—8 декабря 1946 г. Первой республиканской конференции по вопросам изучения первобытного искусства.²⁸⁷

ЭПИГРАФИКА

«Пионерами эпиграфики» назвала В. А. Крачковская деятелей Туркестанского Кружка любителей археологии и их современников. Действительно, своими скромными трудами члены Кружка помогали вводить в научный оборот эпиграфические памятники Средней Азии.

Средняя Азия представляла здесь собой поистине непочатый край работы: сотни и тысячи разновременных надписей на минаретах, мавзолеях, надгробьях и т. д. оставались несобранными, неописанными, неизученными, а между тем время все быстрее и решительнее накладывало на них свою уничтожающую руку.

В анналы Кружка вошел ряд замечательных находок и открытий в области археологии, сделанных отдельными членами Кружка. Одним из таких счастливых и важных открытий явилась фиксация в долине реки Таласа камней (валунов) с древнетюркскими (орхонскими) надписями.²⁸⁸

Как явствует из письма Бартольда от 12 ноября 1914 г., он считал главнейшими из научных открытий ТКЛА обнаружение его членами орхонских надписей и оссуариев.²⁸⁹

В ноябре 1896 г. активным членом Кружка В. А. Каллауром было сделано одно из важнейших открытий.

Весной 1896 г. до Каллаура дошли сведения, что в долине реки Талас выше селения Дмитриевского имеется камень с неизвестной надписью.

В. А. Каллаур в ноябре 1896 г. разыскал этот камень, обнаружив его в 8 верстах от названного селения, у дороги, идущей в ущелье Калба, на урочище Аиртам-Ой. Камень оказался продолговатым и отшлифованным водой горным валуном из породы песчаника. На нем имелась надпись из трех полных строк и одной короткой. Ранее он лежал в яме и был извлечен кем-то из нее, видимо для использования в качестве жернового камня. Вблизи камня имелись следы земляного вала. В трудных условиях (была зима, и камень обледенел) Каллаур сумел скопировать надпись путем наложения сухой бумаги, надавливая на месте, где высечены буквы, и очерчиванием карандашом краев последних.

Пытаясь истолковать характер надписи, В. А. Каллаур и И. В. Аничков пришли к выводу, что она тождественна с руническими орхонскими и енисейскими надписями.²⁹⁰

В заседании 11 декабря 1896 г. собрание членов ТКЛА по осмотру копии надписи решило выслать надпись В. Р. Розену с просьбой определить характер письмен и смысл их, если это окажется возможным.²⁹¹

Полученная в Петербурге копия надписи вызвала исключительно высокий интерес в среде ученых, о чем В. Р. Розен известил Кружок особой телеграммой,²⁹² а затем и письмом. В. Р. Розен указывал, что «самый факт нахождения в пределах Туркестанского генерал-губернаторства надписи древнетюркскими письменами следует признать крайне важным в научном отношении и приведением в известность, копированием и должным охранением подобных надписей Туркестанский кружок любителей археологии мог бы оказать науке поистине неоценимую услугу».²⁹³

Далее Розен сообщил, что, по мнению В. В. Бартольда и П. М. Мелиоранского, надпись представляет собой енисейскую разновидность древнетюркских письмен и что в дальнейшем академику В. В. Радлову удалось прочесть всю надпись, «хотя относительно некоторых слов все еще остаются сомнения». Собрание членов Кружка просило Каллаура подробнее исследовать местность, где был найден камень с надписью «в предположении, что в той местности могут обнаружиться и другие древности».²⁹⁴

Извещение из Ташкента о надписи, найденной Каллауром «на камне, находящемся на р. Таласе, в с. Дмитриевском», было сообщено на заседании ВОРАО 25 февраля 1897 г. и на том же заседании П. М. Мелиоранский, тогда еще молодой тюрколог, воспитанник В. Р. Розена, высказал свои соображения о роде письмен надписи, в которых он усмотрел семнадцать знаков орхонского письма.²⁹⁵ 21 ноября 1897 г. В. Р. Розен сообщил о нахождении Каллауром других камней, предположительно с орхонскими надписями.²⁹⁶

Сообщение В. А. Каллаура на заседании ТКЛА 11 декабря 1896 г. было полностью перепечатано в Записках Восточного Отделения Русского археологического общества как содержащее (слова В. Р. Розена) «весьма интересные подробности о в высшей степени важной археологической находке».²⁹⁷

Перепечатке сопутствовала статья В. В. Радлова с разбором надписи.²⁹⁸ Радлов писал, что «надпись эта представляет особый интерес, потому что она написана древнетюркским шрифтом и на тюркском языке и доказывает, что этот шрифт был в употреблении и у тюркских племен Средней Азии. Это — факт такой важности, что следует на него обратить внимание всех жителей Туркестанского края, чтобы они могли содействовать отысканию и сохранению подобных памятников глубокой древности Туркестана» (стр. 85). Радлов читал эту четырехстрочную (на неполной копии) надпись следующим образом «Народа [имеющего]геройское имя... Алтыза пег... ушел [умер?] там осталась его вдова, его младшие братья Кара

Барс и Огул Барс от товарищей своих [находившихся] при нем [он удалился]».

В письме от 6 октября 1897 г. на имя председателя Кружка В. Р. Розен писал, что «было бы весьма важно, чтобы на камни с древнетюркскими письменами было обращено особое внимание. Для того же, чтобы облегчить ознакомление с формами этих письмен местным деятелям, я позволю себе приложить здесь последние оставшиеся еще в моем распоряжении экземпляры моего перевода статьи Томсена „Dechiffrement des inscriptions de l'orkhon, etc“.

Со времени перевода этой статьи появилось уже несколько исследований об этих надписях, но, к сожалению, на иностранных языках. Русское издание, однако же, близко к окончанию. Я имел случай говорить с В. В. Радловым о том, насколько желательно распространять в Туркестане знакомство с значением и формой древнетюркских надписей, и получил от него обещание, что как только появится русское издание древнетюркских надписей, им, В. В. Радловым, будет внесено в Импер. Академию наук представление о высылке в Туркестанский кружок любителей археологии значительного количества экземпляров для раздачи или рассылки их членам кружка или другим лицам.

Мы здесь следим с большим интересом за деятельностью Туркестанского кружка любителей археологии и глубоко убеждены в том, что ему предстоит блестящая будущность в деле изучения истории и древностей Туркестанской окраины. Протоколы Кружка уже теперь представляют немало полезных и важных сведений и сообщений, и, без сомнения, будут давать таковые и впредь».²⁹⁹

Открытие В. А. Каллаура возбудило большой интерес и за границей. Следствием этого явилась, в частности, выдача в 1898 г. Археологической комиссией в Петербурге Открытого листа на имя руководителя археологической экспедиции Финно-Угорского ученого общества магистра философии Генриха Иоганна Гейкеля на право производства им и его сотрудниками (К. Мунком и О. Доннером) археологических раскопок в течение 1898 г. в верхнем течении р. Таласа, в окрестностях селения Дмитриевского, и на разыскание и снятие древних надписей, находящихся в этой местности³⁰⁰.

Появление здесь финских ученых следует поставить в связь с усиленно дебатировавшейся тогда проблемой происхождения и распространения финно-угорских племен. Здоровая основа большой и сложной проблемы прародины финно-угорских племен часто подменялась политической подоплекой и шумихой. Орхонские надписи в долине р. Талас (современный Ка-

захстан) импонировали буржуазно-националистическим настроениям известной части финских ученых, позволяя прибегать к модернизации и даже прямой фальсификации истории («великая Финляндия»). Делались попытки использовать в этих целях и другие разновидности памятников древности. Так, например, утверждалось, что керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией встречается далеко на восток от основной области ее бытования в Финляндии, Карелии и лесной полосе России.

Советские исследователи не отрицают наличия далеко на востоке и на юге (например, в районах Приаралья в IV—III тысячелетиях до н. э.) также и финно-угорских племен³⁰¹, но справедливо видят в них далеких предков позднейших финских племен как таковых. «Точнее говоря, в этих древних племенах Приаралья, Урала и Западной Сибири следует видеть не вообще финно-угров и не финнов, а именно угорских предков позднейших уральских племен, т. е. предков хантов, маньси, венгров и самодийцев»³⁰².

Экспедицию Гейкеля сопровождал В. А. Каллаур³⁰³, которому, собственно, эта экспедиция и была обязана осмотром местных памятников древности, в том числе камней (двух валунов с еще не зафиксированными руническими надписями)³⁰⁴. Экспедиция Гейкеля вскрыла также в указанной местности несколько курганов (погребений).³⁰⁵

Надпись на одном из двух камней, найденных В. А. Каллауром в 1898 г., была опубликована известным русским востоковедом-тюркологом Платоном Михайловичем Мелиоранским (1868—1906), заслужившим общее признание тщательностью издания тюркоязычных памятников и обоснованностью исторического к ним комментария.³⁰⁶

Дабы возбудить интерес членов Кружка к отысканию других орхонских надписей и для ознакомления их с историей изучения орхонских письмен в отчете о деятельности ТКЛА за второй год его существования был напечатан небольшой очерк вопроса, основанный на появившихся дотеле публикациях³⁰⁷.

К чести ТКЛА, его члены не ограничились фиксацией открытых В. А. Каллауром рунических надписей и тем, что тексты их оказались в руках маститых исследователей Москвы и Петербурга, а со своей стороны предприняли не лишние научного значения попытки истолковать эти надписи.

Пытливо работала мысль членов Кружка в связи с находками орхонских надписей и попытками их дешифровки. В этой последней области члены Кружка не внесли, правда, чего-либо нового в науку, но по мере сил и возможностей стремились содействовать выяснению вопроса.

Н. Г. Маллицкий ставил вопрос о связи тюркских тамг с

орхонскими письменами, опубликовав интересную таблицу, где сопоставлялись буквы орхонского алфавита и тюркские тамги с указанием названий племен или родов, которым эти тамги принадлежат.³⁰⁸

По докладу Н. Г. Маллицкого на заседании Кружка Н. П. Остроумов указал на зырянскую азбуку св. Стефана Пермского, составленную в 1372 г. из древних зырянских пасов (клейм. тамг).³⁰⁹

На заседании ТКЛА 12 марта 1899 г. было зачитано письмо члена кружка Е. Т. Смирнова об урочище Тамгалы-Джар (обрыв с тамгами) в нижнем течении р. Сарысу, в пустынной и безводной местности. По мнению Смирнова, «тамги, высеченные на скалах... могут быть орхонскими письменами, (имеющими) значительное сходство с доселе существующими тамгами тюркских родов».³¹⁰

И. В. Аничков обратил внимание на статью П. М. Мелиоранского «Памятник в честь Куль-Тегина», учитывая связь енисейско-орхонских письмен с надписями на камнях, найденных в 1896 г. В. А. Каллауром в Аулие-Атинском уезде.³¹¹

Большое научное значение рунических надписей побудило членов ТКЛА предпринять ряд поездок по Средней Азии в целях отыскания других подобных надписей. И хотя новых рунических надписей найдено не было, в процессе обследования в различных районах были обнаружены наскальные надписи и изображения других времен и другого характера.

Вновь открытые надписи вызвали интерес и за границей.³¹²

После отмеченных открытий вплоть до 20-х годов текущего столетия новых находок рунических надписей в Средней Азии не последовало. Обнаруженным затем несколькими находкам посвящена статья М. Е. Массона, которая дает и краткий очерк истории открытия этих надписей не только в пореволюционное время, но и до революции³¹³.

Заметим, что уже после революции открытый Каллауром и изданный Мелиоранским камень с рунической надписью — эпитафией — был переведен и опубликован одним из лучших в наши дни знатоков древнетурецких рунических письмен С. Е. Маловым³¹⁴.

Малов указывает, что приурочение эпитафии «к какому-либо столетию затруднительно. Можно только предполагать, что (она)... не новее VIII в. н. э.; в VIII в. в долине р. Чу утвердился власть карлуков, постепенно затем турецкое население тех мест принимает мусульманство и распространяется арабская грамота»³¹⁵.

Заклучим данные замечанием М. Е. Массона, что «дешифровка рунических древнетурецких надписей — один из выдающихся успехов, выпавших на долю мировой туркологии, а

обнаружение их в долине Таласа, на территории ныне входящей в состав Киргизской АССР, ставилось в особую заслугу всей деятельности Туркестанского Кружка любителей археологии в Ташкенте. В свое время событие это произвело фурор, пробудило активность в среде не только местных работников, но и петербургских ученых специалистов и нашло отражение как в научной востоковедной литературе, так и в прессе»³¹⁶.

Заметим, что древнетюркские (орхонские) надписи и сейчас продолжают привлекать усиленное внимание исследователей. Они служат, в частности, показателем высокого культурного уровня древних тюркских племен и племенных союзов нашей Родины в первые века нашей эры, хотя надписи эти отражают в своем содержании преимущественно лишь отдельные стороны жизни и воззрений верхушечной части данных племен. Употреблявшийся в надписях алфавит, восходя в своей основе к арамейскому, в то же время органически сочетается с звуковыми особенностями тюркского языка. Надписи эти также незаменимый источник к познанию племенных языков уйгуров, казахов, хакассов (киргиз).

* * *

Видное место в деятельности ТКЛА как по вниманию Кружка к данному вопросу, так и по значению сделанных в нем открытий занимает вопрос об изучении следов пребывания в Средней Азии христиан, и, прежде всего, об изучении сирийско-несторианских надписей на христианских кладбищах Семиречья.

Работа Кружка в этом направлении вызвала повышенный интерес и в центре, и в общероссийской прессе своего времени, что, несомненно, было обусловлено не только научным значением этого малоизученного вопроса, но и его политической подоплекой. Присутствие средневековых христианских памятников на территории недавно присоединенного к Российской Империи мусульманского края позволило представителям «официальной науки» делать помимо всего прочего еще и выводы, выгодные для подкрепления великодержавных концепций, обосновывавших права царизма «носителя православия») на территории колониальных окраин.

Напомним, что в лице несторианства перед нами представало течение, зародившееся в христианской церкви в восточных провинциях Византии (V в.). Несторианство выступало против официальной церкви и догматов православия, в чем находили отражение не только сепаратистские настроения восточного духовенства, но и социальный протест народных масс (ср. с указанием В. И. Ленина: «Было время в истории, когда, несмотря на... такое действительное значение идеи бога,

борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной* идеен против другой»).³¹⁷

Оценивая значение находок в Семиречье несторианских надписей, автор одной из первых сводных работ по ним писал, что это «в своем роде первый и единственный памятник пребывания на Дальнем Востоке несториан, т. е. единственных христиан, в давнюю пору проникших туда». Кроме сиро-китайской надписи VIII в., найденной близ Пекина, надписи XIII—XIV вв. из Семиречья — единственные из «остатков шести-, семивекового пребывания несториан в дальней Азии, пребывания, которое во внутренней жизни среднеазиатских народностей не осталось бесследным, а для нас, как христиан, не может быть безразличным»³¹⁸.

Надо сказать, что при несомненном интересе и значении вопроса о несторианах в Средней Азии вопрос этот не составлял и не составляет одной из определяющих страниц в истории народов Средней Азии с их древней самобытной культурой. В конечном счете это был своеобразный, в ряде отношений весьма важный и существенный, но все же только эпизод в многовековой истории Средней Азии.

Открытие двух обширных христианских (несторианских) кладбищ в Туркестане, в Семиреченской области, близ городов Пишпека и Токмака и надгробных камней с надписями на этих кладбищах относится к 1885 г. История находки была запечатлена известным русским ученым Михаилом Васильевичем Никольским в его докладах Московскому археологическому обществу и другими лицами. Надписями заинтересовались и изучали их М. В. Никольский, Ф. Е. Корш (тюркская часть надписей), В. В. Хвольсон, С. С. Слуцкий и другие.³¹⁹

В ноябре 1885 г. Ф. В. Поярков (врач Пишпекского военного госпиталя) сообщил, что в 14 верстах на юг от села Большого Токмака, у предгорья Александровского хребта имеется старая крепость с башней, а в полутора верстах на юг от крепости в нескольких местах им обнаружено свыше 20 камней с изображением креста и надписями на неизвестном языке.³²⁰

Ф. В. Поярков доставил надписи на двух камнях из Токмака в Москву. Надписями этими заинтересовался видный нумизмат, питомец Лазаревского института В. К. Трутовский (1862—1932), известный, кстати сказать, и переводом некоторых арабских источников, трактующих о деятельности Маздака — вождя восстания времени сасанидов. Надписи читались с трудом.³²¹

Еще до появления в печати данных Пояркова Археологическая комиссия получила от своего корреспондента Н. Н. Пантусова известие «о найденном близ города Пишпека (по

арыку Джелаир) древнехристианском кладбище с массою надгробных камней, на которых имеются кресты и надписи на неизвестном языке». ³²²

Пантусов упоминал и о кладбище близ Токмака, тождественном с тем, о котором сообщал Поярков. Ряд снимков с надписью поступил в ВОРАО через проф. Г. С. Дестуниса, который получил их из Верного от священника неопита.

Открытия 1885 г. побудили Археологическую комиссию поручить производство раскопок на месте несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака своему сверхштатному сотруднику — в будущем активному деятелю и члену ТКЛА — Н. Н. Пантусову. ³²³ Пантусов же был первым, кто указал на сирийский язык надписей и их принадлежность несторианам.

Н. Н. Пантусов описал как камни-надгробья, так и сами могилы, выраженные курганчиками и в некоторых случаях выложенные жженым кирпичом квадратной формы. Он произвел и подробные раскопки могил со склепами из сырцового саманного кирпича. Примечательно, что Пантусов уделял внимание черепам и другим костным остаткам из могил, справедливо полагая, что с течением времени они дадут возможность «определить племенное происхождение древних христиан, заселявших Чуйскую долину». ³²⁴

Русские востоковеды сразу оценили научный интерес надписей. ³²⁵

Ссылаясь на описанную Н. Н. Пантусовым обстановку, Д. А. Хвольсон первым выступил с объяснением надписей (как пишпекских, так, частично, и токмакских). В уразумении смысла ряда тюркских элементов в сирийских надписях Хвольсону помог другой видный русский востоковед В. В. Радлов. Первоначально Хвольсон дал чтение и перевод 22 надписей (из них III, XV, XIX—XXI — из токмакского кладбища, остальные — из пишпекского). Свою статью Д. А. Хвольсон сопроводил некоторыми общими выводами, исторической справкой о несторианах и их миссионерской деятельности в Средней Азии, подчеркнув, что вообще находки сирийских надписей редки и все они относились к Передней Азии. ³²⁶ Автор указал на предварительный характер осуществленного им чтения надписей. Там, где надписи имели даты, они датировались 858—1338 гг. селевкидской эры (при переводе летоисчисления которой на христианское принято вычитать 311 или 312 лет).

К указанной статье Хвольсона примыкает заметка с чтением надписей XXIII—XXVIII ³²⁷ с датами 1273, 1296, 1313, 1331 селевкидской эры. Далее последовала еще одна статья Д. А. Хвольсона, в которой он, основываясь на полученных Археологической комиссией из Верного 180 (примерно) но-

вых фотографических снимках с надписей, уточнил чтение тех надписей, которые ранее были изданы им «по весьма плохим копиям». Здесь же Д. А. Хвольсон сообщил и ряд общих сведений еще по 167 надписям по снимкам, полученным комиссией. Надписи, сделанные полностью на тюркском языке, были переданы автором академику В. В. Радлову. Всего к моменту опубликования этой статьи Хвольсона было известно уже 200 надписей, «принадлежащих народу, от которого до сих пор ни одной буквы не было известно». Общий вывод автора сводился к тому, что в палеографическом отношении семиреченские надписи имеют громадное значение. «Независимо от того, что в них встречаются такие формы букв, которые не попадают в сирийских рукописях даже несторианского происхождения, формы письмен наших надписей объясняют нам, каким образом развилось из сирийского алфавита — и именно из алфавита несторианцев тех местностей — уйгурское (курсив автора.— Б. Л.) письмо. Прямо из древнесирийского алфавита эстрангело это письмо никоим образом не могло произойти».³²⁸

В дискуссии о способе чтения надписей принял также участие известный гебраист А. Я. Гаркави, считавший «небезусловно обязательным и правильным способ чтения г. Хвольсона, вследствие чего дата является в начале всей эпитафии, что... не совсем обычно».

Д. А. Хвольсон поначалу не признал аргументов Гаркави достаточными, чтобы согласиться с его конъектурой. Однако из дополнительной статьи Д. А. Хвольсона явствует, что затем он сам усомнился в верности своей трактовки.³²⁹

Христианско-сирийские семиреченские надписи были разобраны и изданы проф. Д. А. Хвольсоном и в его специальной работе.³³⁰

В 1890 г. появилась и основная работа В. В. Радлова о несторианских надписях Семиречья.³³¹

В 1892 г. Н. Н. Пантусов, ведя раскопки на Пишпекском кладбище, обнаружил надгробный камень с армянско-сирийской надписью.³³² Эта надпись была издана Н. Я. Марром.³³³

Особняком стоит находка камней с несторианскими надписями, обнаруженная С. Д. Асфендиаровым в Ташкенте, во дворе его квартиры по Старогоспитальной улице. Характер письма и дата относятся к той же эпохе, как и многочисленные камни пишпекского несторианского кладбища, к числу которых, очевидно, и принадлежат рассматриваемые камни, завезенные, по всей вероятности, в Ташкент кем-нибудь случайно.³³⁴

Семиреченские надписи вызвали и статью В. В. Бартольда о христианстве в Туркестане в домонгольский период.³³⁵

До сих пор непревзойденную попытку собрать эти материалы и сопоставить их с известиями о других культурных элементах, проникавших в Среднюю Азию, осуществил Бартольд в названной выше его статье.³⁴⁰

В 1900—1903 гг. последовали находки христианско-сирийских надгробных надписей в новом месте, находки, уже непосредственно связанные с деятельностью ТКЛА. До этого они были обнаружены к западу от озера Иссык-Куль, около Токмака и Пишпека. На сей раз находки были зафиксированы к северо-востоку от Иссык-Куля, у китайской границы, в расположенных близ селения Мазар (или Хорин-Мазар) развалинах Алмалыка, древней резиденции джелатайских ханов в XIII—XIV вв.

Первые сообщения об этом новом месте нахождения надгробий данного типа были опубликованы на страницах ПТКЛА.³³⁷

На заседании Кружка 16 августа 1902 г. было доложено сообщение Н. Н. Пантусова о найденных на месте древнего Алмалыка (близ пограничного моста Хоргоса) двух намогильных надписях с изображением несторианского креста и сирийской надписью на одной из них, причем И. Ф. Плят «заявил, что он видел камни с крестами еще дальше на восток близ к Кульдже».³³⁸

Подробности находки были сообщены Н. Н. Пантусовым в особой заметке.³³⁹ Камень с крестом и сирийскими надписями был найден в группе развалин, на запад от сел. Мазара по р. Кегеню, где Пантусов обнаружил и недостающий обломок камня. Второй камень был найден неподалеку от первого. Кроме того, в развалинах Алмалыка ранее был найден камень с надписью, но без креста.

Пантусов систематически направлял снимки с этих надписей в ВОРАО.³⁴⁰ Снимки эти были переданы на рассмотрение П. К. Коковцеву.

Следствием этого явилась статья П. К. Коковцева, который перевел и истолковал 14 надписей, установив, что одна из новых надписей (№ 11) оказалась вся составленной на тюркском языке; остальные писаны по-сирийски; датированы три надписи, относящиеся ко второй половине XIV в. Особенностью алмалыкских надписей является преобладание среди них надписей, исполненных в рельефе.³⁴¹

Интерес к этому виду памятников вызвал в Кружке естественное желание осмыслить исторически появление и распространение христианства (несторианства) в Средней Азии. Отражением этого интереса явилось опубликование на страницах протоколов и сообщений обширного очерка А. Ф. Корчагина о несторианстве в Персии и Средней Азии³⁴². Очерк Кор-

чагина, вообще говоря компилятивный, давал, однако, более или менее достаточное общее представление о несторианстве в Средней Азии.

По сообщению А. Ф. Корчагина, сделанному на заседании Кружка, было указано на необходимость «производства раскопок в окрестностях Самарканда и Мерва с целью отыскания вещественных следов существовавшего там несторианства, согласно показаниям исторических сочинений».³⁴³

На призыв обследовать памятники старины, связанные, возможно, с пребыванием здесь христиан, откликнулся член ТКЛА Н. Ф. Ситняковский. В процессе своих топографических работ в Самаркандской области (1899 г.) Ситняковский осмотрел кярыз, известный под именем «Кяфир-мури» на арыке Даргам.³⁴⁴ Ситняковский предполагал, что Кяфир-мури тождественен с «Кяфир-мола» («автор ошибается», — замечает по этому поводу редакция Протоколов в подстрочном примечании).³⁴⁵

Легендарные сведения о христианском царе по имени Анка, или Канка, собрал член Кружка Б. М. Илькин. При осмотре Анка-тепе (в 15 верстах от Уджакента, близ селения Кучкар-Суйган, Букинской волости) Илькин записал рассказы местных жителей, что здесь жили когда-то христиане-тарса (боящиеся), называя их «иса-парасть» (последователями Иисуса Христа)³⁴⁶. Ранее подобные рассказы об Уджакенте были отмечены Н. С. Лыкошиным и с его слов В. В. Бартольд³⁴⁷.

Внимание Кружка привлек также известковый крест, вывезенный И. Т. Пославским из Туркменской степи (Закаспийская область). В связи с сообщением о нем Пославского, А. А. Ломакин отметил, что он видел такие же кресты в горах Нукур (Асхабадского уезда).³⁴⁸

Г. Б. Эпель описал группу своеобразных надмогильных (?) каменных изваяний, расположенных в глухой малоизвестной местности в горах к северу от реки Атрек, на левом берегу реки Чандыра, в восьми верстах от пограничного поста Сангудаг.³⁴⁹

Среди этих памятников имелись крестообразные, наводящие некоторых членов Кружка на мысль о возможности принадлежности их к христианским захоронениям.

Спустя десять лет, в Протоколах ЗКЛА появилась статья Ф. А. Михайлова, побывавшего в долинах пограничных с Персией речек Сумбара и Чандыра и давшего некоторые общие сведения о местных памятниках древности. Нельзя не согласиться с Михайловым, когда он говорит, что «крестообразная форма памятников является лишь одной из эволюций вышеуказанной формы (основной формы памятника с изображением рогов барана. — Б. Л.) и никоим образом не может быть признана за остаток от христианских могил».³⁵⁰

Такова сумма данных, относящихся к предыстории и истории вопроса об участии ТКЛА и его деятелей в выяснении вопроса о следах христианства в Средней Азии.

* * *

Много было сделано Кружком и в деле собирания и изучения эпиграфических памятников более позднего периода времени.

Уже в первый год существования ТКЛА на его заседании 1 апреля 1896 г. собранию было доложено заявление члена Кружка М. А. Терентьева «о применяемом им способе копирования надписей на камнях при помощи мокрой бумаги с приложением образцов этой работы».³⁵¹ Одновременно М. А. Терентьев подарил Кружку экземпляр «составленной им хрестоматии четырех восточных языков, с приложением образцов различных почерков, какие встречаются в надгробных надписях. При хрестоматии приложена также сравнительная таблица для перевода дат мусульманской эры на христианское летоисчисление».³⁵²

Член ТКЛА А. А. Диваев доставил в 1895 г. в Казань (он был и членом Казанского общества археологии, истории и этнографии) старинную печать.³⁵³ Ею заинтересовался практикант Казанской духовной академии Сахиб Гирей (Павел Николаевич) Ахмеров (1858-1900), установивший, что печать датируется 1212/1707 г., имеет в центральном кружке имя Ходжи Ахмеда (Ахмада) Ясеви, в надписи по краю — имя мастера (Ходжи Хана), а средняя часть диска печати располагает десятью радиусами, между которыми в некоторых дан перечень шейхов, носивших начиная со времени Мухаммада имя Ахмад.³⁵⁴

Одновременно Ахмеров издал надписи известной Туркестанской мечети Ахмеда Ясеви.³⁵⁵

Мраморное надгробье из Самарканда с эпитафией Мухаммеда Шейбани было доставлено членом ТКЛА М. А. Терентьевым в Эрмитаж.³⁵⁶

Очень любопытен ход изысканий Н. Ф. Петровского о башне Бурана. По началу он встретил в старинной рукописи «Тарих-и Рашиди» указание на наличие в долине Чу, в местности Бурана («башня») памятников древности, в том числе гумбаза и плиты с надписью о погребении имама Мухаммеда из города Баласагуна. Сопоставив эти данные с данными двух других рукописей, исследователь убедился в правильности этих данных и занялся вопросом о локализации Бураны и Баласагуна и поисками места нахождения памятников.³⁵⁷ «Необходимо по этому поводу отметить, — замечает В. А. Крачковская, — что вся конструкция текста в том виде, как его

перевел Н. Ф. Петровский, настолько точно соответствует традиционной и часто встречаемой форме арабских надгробных надписей, что можно было бы русский перевод заменить предположительным арабским текстом». ³⁵⁸

Надпись почерком насх на скале в горах Моголтау, в ущелье Битыклик (битык — надпись) обнаружил и опубликовал член ТҚЛА М. С. Андреев (624/1226—1227 гг.). ³⁵⁹

И. Т. Пославский не мог прочесть надпись на «мавзоле» (как ошибочно именует он мраморное сооружение на могиле Хакими Термези), но пришел к правильному выводу, что это могила Хакими Термези (в транскрипции Пославского — «Хаджа-Али-Хаким-Термези»). ³⁶⁰

В 1897 г. силами членов Кружка вновь была сделана попытка прочесть надгробную надпись на могиле Хакими-Термези. ³⁶¹

В 1896 г. заместитель начальника работ по постройке Закаспийской железной дороги инженер Саханский прислал в Правление Кружка зарисовку надписи, замеченной им на скале при выходе из Тамерлановского (Джиланутинского) ущелья (Джиланы-Уты). ³⁶²

На средства ТҚЛА в Ташкент был перевезен большой камень с куфической надписью (первая строка — шестнадцатый стих 40-й главы Корана), находившийся вблизи от входа в известную пещеру Кан-и-Гут Кокандского уезда. ³⁶³

Первое сообщение о надписи на камне близ пещеры Кан-и-Гут М. С. Андреев сделал на заседании ТҚЛА 26 февраля 1896 г., и тогда же Кружок просил Андреева осмотреть пещеру подробнее, а с надписи снять точную копию. ³⁶⁴ Андреев описал по памяти (рисунок был утерян) камень и надпись. ³⁶⁵ К вопросу о надписи Кружок вернулся вновь на заседании 3 июня 1896 г., когда по фотографии с трехстрочной надписи был установлен ее куфический характер и разобрана первая строка, являвшая собой стих из Корана. Сам камень к этому времени был доставлен в Ташкент. ³⁶⁶

Были опубликованы также надгробные надписи XIII—XIV вв. у селения Янги-Науката Ферганской области. ³⁶⁷

В. А. Каллаур описал и примечательную находку каменного изделия («Сандык») с надписью в ущелье Улу-Каннды, недалеко от Акыр-Теша. Камень этот оказался, по-видимому, водоемом, а куфическая надпись на нем (в прочтении аулиеатинских мулл) гласила: «Этот четырехугольный водоем — для малых и старых всего населения». ³⁶⁸

В ноябре 1896 г. В. А. Каллаур осмотрел в Кулансае наскальную надпись в Чиим-Таш, первое сообщение о которой Кружку было сделано им в письме, заслушанном на заседании ТҚЛА 28 октября 1896 г. Каллаур пришел к выводу, что

письмо — арабское, древнее и что надпись (в восемнадцать строк) была сделана на отвесной скале, а впоследствии землетрясением часть скалы с надписью, по бывшей трещине, оторвалась и упала на левый бок.³⁶⁹ Впоследствии при вторичном посещении Чиим-Таша (июнь 1897 г.) Каллаур признал это свое мнение ошибочным. «Когда я пригляделся внимательнее, мне представилось, что письма высечены на камне, когда он находился в таком же положении, как и теперь, и что строки должны быть вертикальны». Тогда же Каллаур обнаружил еще две подобные надписи в соседнем Терексае (боковой западной стороне ущелья Кулансай). Они расположены на отвесных вертикальных стенах (первая, тридцативосьмистрочная, на довольно значительной высоте). Каллаур высказывал предположение, что это уйгурские надписи.³⁷⁰

На заседании Кружка 10 ноября 1897 г. была зачитана телеграмма В. Р. Розена от 6 октября 1897 г., в которой сообщалось, что «надписи, найденные в Аулие-Атинском уезде В. А. Каллауром, несомненно уйгурские, на которых академиком В. В. Радловым разобрано несколько имен».³⁷¹

В 1897 г. Кружком были изданы тексты и перевод трех надгробных надписей (две — XIII в. и одна — XIV в.) в селении Узгент и надписи на арке местного мавзолея с датой 588/1192 г.³⁷²

Н. Г. Маллицкий издал восемь надгробных арабских надписей XIV столетия, обнаруженных в 1897 г. в урочище Арчамазар (кишлак Ходжакент, Александровской волости, Ташкентского уезда), причем привел интересные данные к характеристике самого Ходжакента как религиозного и культурного центра своего времени, располагавшего медресе, и деятельности ходжакентских шейхов.³⁷³

Были опубликованы переводы текстов надгробных надписей XIV—XV вв., доставленных членом ТКЛА Н. Ф. Ситниковским из Шахриябза и Китаба³⁷⁴, и текстов изречений, сохранившихся на фронте Ак-Сарая в Шахриябзе.³⁷⁵

В 1898 г. М. А. Кирхгоф обнаружил в долине Пянджа, в трех-четырёх верстах от селения Шид (в Рушане), персидскую надпись, высеченную на скале над рекою.

Н. Г. Маллицкий истолковал надпись как «высеченную по поводу окончания каких-то работ по берегу реки» и содержащую наверху таарих (хронограмму событий в стихах) и текст, датируемый 1177/1764 г., связанный с тем же событием и ценный в научном отношении в смысле характеристики строя общины рушанских горцев во второй половине XVIII в.³⁷⁶

Суровому критическому разбору публикацию Н. Г. Маллицкого о рушанской надписи подверг В. В. Баргольд.³⁷⁷ Вопреки мнению Маллицкого, — говорил рецензент, — едва ли мож-

но утверждать, что надпись характеризует строй общины рушанских горцев во второй половине XVIII столетия... Весь перевод хронограммы должен быть исправлен следующим образом: «О Али, ты — царь небес; о Али, ты — утешитель сердца, поверженного в прах; о Али, мы разорены и удручены горем; мы схватили рукою полу Али».³⁷⁸

Заметим, однако, что говоря о рецензии Бартольда, В. А. Крачковская в то же время добавляла, что «следует отметить редчайшую, пусть неудачную попытку Н. Маллицкого разобрататься на основе надписи в социальных отношениях определенной группы населения на Памире во второй половине XVIII в.».³⁷⁹

Инициативе Кружка мы обязаны фиксацией надписей на скале близ селения Варуха, Исфаринской области, Кокандского уезда, в Варухском ущелье. Эти надписи были открыты членом Кружка М. С. Андреевым в конце XIX в. и с тех пор многократно привлекали к себе внимание заинтересованных лиц³⁸⁰.

Одна из куфических надписей («меньшая») была заснята В. С. Яковлевым и прочитана В. В. Бартольдом с помощью А. Э. Шмидта;³⁸¹ неразобранным оказался конец строки, писанный, по-видимому, уйгурскими письменами. Едва ли не уникальной особенностью надписи явилось присутствие на ней двойной датировки — «мусульманской и персидской (иездегердовской)», что позволило установить точную дату надписи — 29 декабря 1041 г.³⁸²

В августе 1904 г. член Кружка А. А. Половцов совершил совместно с М. С. Андреевым поездку к скале с надписями близ сел. Варуха. Членов Кружка интересовала вторая Варухская надпись, находящаяся в том же ущелье и значительно большая по числу строк. «По характеру букв (куфического письма) надпись эта весьма сходна с первой».

Нахождение обросшей лишаями надписи в наиболее узкой части Варухского ущелья, в верхней части отвесной скалы³⁸³, крайне затрудняло ее фиксацию. Сфотографировать эту тридцатистрочную надпись не удалось и была сделана первая в отношении данной надписи попытка осуществить с помощью сооруженных лесов снятие копий от руки.³⁸⁴ «Мы остановились, — свидетельствует Половцов, — на расчистке отдельных букв гвоздями... Полученные очертания мы перевели на полосы коленкора, накладывая их на скалу и затем дорисовывая все их подробности, которые ускользнули от карандаша сквозь коленкор, но видны были на глаз».³⁸⁵

Надпись носила куфический характер, с чем был склонен согласиться и осматривавший копию В. В. Бартольд; однако последний отказался от попыток ее дешифровки, «боясь ошибок при слишком, по его мнению, несовершенном способе ее съемки».³⁸⁶

Заметим, что последнюю по времени попытку истолковать северную надпись Варухского ущелья с привлечением нумизматических данных осуществил Б. А. Литвинский,³⁸⁷ усматривающий в надписи своеобразный политический манифест сына Бури Тегина (Муизад-давла Арслан-Тегина Абу-л-Фазл ал-Аббаса), который, получив (XIV в.) в удел Исфаринский район, повелел высечь надпись со своим именем и генеалогией, дабы «идеологически» закрепить свое владычество над подвластной ему территорией.

В 1875 г. в поле зрения научной общественности вошли расположенные среди пустыни развалины Мешхед-и Мисриан (остатки древнего Дахистана) в Туркмении (на пути от поста Чаатлы к железнодорожной станции Айдин).³⁸⁸ «Слух о них облетел страницы русской печати и был подхвачен за пределами России,» — сообщает В. А. Крачковская.³⁸⁹

В 1888 г. описание памятников дал А. В. Комаров, сделавший 25 февраля 1888 г. сообщение о них на заседании Восточного Отделения РАО.³⁹⁰

Уже в заседании ТКЛА 26 февраля 1896 г. было постановлено уведомить Н. Н. Волжина (Петро-Александровск) «об остатках древнего города Месторжан, или Мешхед, в 36½ в. к юго-востоку от Бугдайлы и просить... сфотографировать и эти развалины.»

В июле 1902 г. развалины фотографировал Б. Н. Кастаньский, а 20 октября 1906 г. на заседании ТКЛА был заслушан доклад о них А. А. Семенова.

А. А. Семенов дал краткую характеристику развалин, подчеркнув, что в окрестностях «встречаются остатки обширной оросительной сети арыков и каризов» и что «вода выводилась, по-видимому, из Атрека, находящегося ныне в 50 верстах от Мешеди-Мисриан».³⁹¹

Особое внимание А. А. Семенов уделил надписям на портале соборной мечети и на среднем поясе большого минарета с именами хорезмшаха Мухаммада (сына Текеша; 1220 г), «при котором Средняя Азия испытала нашествие монголов», и мастера («Алий-строитель»). Сообщению о докладе А. А. Семенова, опубликованному в ПТКЛА, сопутствует таблица с образцами надписей в черной силуэтной прорисовке.³⁹²

Вскоре появились и специальные статьи А. А. Семенова о надписях Мешхед-и Мисриан, корректуру которых, кстати сказать, читал В. А. Жуковский.³⁹³ В этих статьях дана уточненная редакция первоначального перевода надписи на минарете.³⁹⁴

Описание обширного мусульманского кладбища (900 саженей в ширину и 200 саженей в длину) дал Н. Н. Пантусов (оно расположено в 12 верстах от селения Сазановки, почти на

«середине пространства между станцией Курумды и Сазановской (Байсоруп) Токмакско-Пржевальского почтового тракта, по северному берегу озера Иссык-Куля, занимая землю Кунчей-Аксуйской волости».³⁹⁵

Все могилы этого кладбища оказались «в изобилии обложены камнями» и на некоторых из них сохранились камни с мусульманскими надписями.

Надписи эти были прочитаны муллами гг. Верного и Джаркента и сел. Зайцевского с проверкой правильности чтения Н. Н. Пантусовым. К сожалению, лишь одна из них оказалась датированной 582 г. х.; все другие дат не имели. Пантусов дал в своей статье не только перевод, но и сами тексты надписей, воспроизведенные на доставленных им Кружку таблицах и фотоснимках (часть которых опубликована в хороших фототипиях в приложении к статье Пантусова). К сожалению, Пантусов почти воздержался от исторического комментария к надписям, ограничившись данными по истории обнаружения кладбища и надгробий и положению камней с надписями на могилах. Единственно, что отмечено им — это происхождение многих погребенных из города Керки: «из того ли города Керки, который находится на Аму-Дарье, или из другого, более близкого к этому кладбищу (...может быть, имеется в виду какое-либо поселение)»³⁹⁶.

Особо следует отметить работу В. Л. Вяткина в области изучения кайраков Самаркандской округи. На средства, отпущенные в 1908—1909 гг. Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, В. Л. Вяткиным было эстампировано и изучено свыше 250 эпитафий на арабском языке.³⁹⁷

Монгольские надписи на скалах Казахстана, зарегистрированные Н. Н. Пантусовым в горах Алтан-Эмелту, по речкам Коксу, Кара-Тал, по дороге из Верного в Копал дополнили корпус подобного рода надписей, имеющих серьезное историческое значение.³⁹⁸

Остается доселе непроверенным интригующее сообщение Д. Н. Логофета о якобы имеющейся у Тахти-Кувата некоей «гвоздеобразной» древней надписи.³⁹⁹

О камне с надписью в мазаре Сад-Пир (кишлак Касан Наманганского уезда) сообщил в 1915 г. П. Е. Кузнецов.⁴⁰⁰

В 1916 г. Л. А. Зимин совершил поездку по Бухаре, во время которой интересовался надписями на кладбищах Бегауддина (Багауддина), особенно на вертикально стоящей каменной плите на месте предполагаемого погребения Абдуллы-хана. Подробного описания плиты в печати не появилось; в предварительном же отчете автор указывал, что «в надписи говорится не об Абдулле-хане, а о сыне его сподвижника Хосреу-султана».⁴⁰¹

Под непосредственным влиянием деятельности ТКЛА начальник Аму-Дарьинского отдела (г. Петро-Александровск) возымел стремление создать Аму-Дарьинский музей. Хивинский хан Мухаммад Рахим направил в дар музею свинцовую плиту с арабской надписью, обнаруженную в 1900 г. в развалинах Куня-Ургенча в основании одной из древних башен.⁴⁰²

Н. Ф. Катанову мы обязаны издашем этой замечательной, уникальной находки.⁴⁰³

Профессор восточных языков Н. Ф. Катанов, талантливый енисейский тюрк и выдающийся тюрколог, окончил курс факультета восточных языков в Петербурге в 1888 г. и четыре года провел в работе над местными тюркскими диалектами Сибири, Монголии и Туркестана.⁴⁰⁴ С 1894 г. до самой смерти Катанов преподавал тюркский, персидский и арабский языки в Казанском университете.

По прочтении Катановым надписи оказалось, что перед нами надпись, связанная с закладкой минарета, содержащая имя того, по чьему соизволению он был сооружен (Абдул-Аббас Мамун II; 1010—1011 гг.)⁴⁰⁵ Заметка Н. Ф. Катанова в ЗВОРАО была перепечатана на страницах ПТКЛА.⁴⁰⁶

Для процесса совершенствования знаний и научных методов местных деятелей характерно, например, что с течением времени они сами уже выступали в печати с суровой критикой по адресу дилетантских истолкователей среднеазиатских памятников древности.

Так было, например, с попыткой дать перевод надписей на Гури-Мире и на нефритовом надгробии «великого эмира».⁴⁰⁷ Н. Ф. Петровский⁴⁰⁸ и В. Л. Вяткин⁴⁰⁹ подвергли обстоятельному разбору дефекты чтения надписей.

«Процесс собирания и регистрации надписей на арабском языке в Средней Азии,— замечает исследователь вопроса, — двигался без какой-либо регламентации, с 80-х годов XIX в. до середины 90-х годов, давал заметные результаты и оставил более ощутимый, хотя и не удовлетворяющий нас след в литературе этого времени».⁴¹⁰

Таким образом, немало, в общем счете, было сделано Кружком и в области собирания и изучения палеографического материала в виде надписей на различных памятниках и предметах древности.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Из сферы внимания ТКЛА не выпадали также старинные письменные источники в виде восточных рукописей, вакуфных и других документов и т. д.

Сильной стороной деятельности Кружка являлось знание рядом его членов арабского и других восточных языков.

Руководящему деятелю Кружка — Остроумову — принадлежит инициатива опубликования на страницах ПТКЛА ряда старинных письменных документов, которые он нередко сопровождал своими пояснениями.⁴¹¹ Несомненной заслугой Кружка является при этом, что некоторые из таких документов прилагались к протоколам в копии с оригиналов с точным воспроизведением текста приложенных к нему печатей и т. д.

Н. П. Остроумов осуществил также экскурс в область тайной мусульманской письменности.⁴¹²

На заседании Кружка 29 августа 1897 г. был доложен (в извлечении) текст вакуфной грамоты Тимура, данной шейхам Туркестанской мечети Хазрат-Султана Ахмада Яссави (Ходжа Ахмед Ясеви). Кружок принял меры к получению грамоты или полного списка с нее.⁴¹³ Вскоре Кружком был получен на время экземпляр данного вакуфа и Кружок озаботился снятием копии с него и фотографии.⁴¹⁴ Кружку принадлежит опубликование затем текста жалованной грамоты, данной Тимуром «мечети Хазрата Яссави» в Туркестане; перевод этого вакуфного документа (вакуф-наме) был сделан членом Кружка А. А. Диваевым.⁴¹⁵

К статье В. А. Каллаура о Саганаке (Сунаке) приложены (узбекский текст) известия о Сунаке («Город Сунак и в каком он находится разрушении и запустении»).⁴¹⁶

В общем очерке истории Кружка уже отмечалось также такое значительное событие в жизни Кружка, как издание труда средневекового (X в.) историка Абу-Бухра Мухаммада, сына Джафара Наршахи, происходившего из селения Наршах в окрестностях Бухары; труд этот, посвященный истории Бухары и содержащий в себе множество сведений по истории и исторической топографии Бухары, был переведен с персидского языка на русский членом ТКЛА Н. С. Лыкошиным.

Выпуск в свет перевода явился следствием совета В. В. Бартольда, который указал на желательность появления русского перевода работы Наршахи.⁴¹⁷

В основу работы переводчика было положено парижское издание 1892 г., осуществленное по двум рукописям — XVI в. и позднейшей — Шарлем Шефером; при этом переводчик сопоставил с этим изданием еще две рукописи «тоже сравнительно позднего происхождения», которые помогли исправить некоторые неточности шеферовского издания.

Особенно важным и плодотворным явилось то обстоятельство, что В. В. Бартольд принял на себя труд редакции перевода.

Так вышла в свет книга Наршахи, являющаяся вот уже на протяжении без малого шестидесяти лет поистине настольной книгой для занимающихся изучением исторического прошлого Бухары (ставшая теперь библиографической редкостью).⁴¹⁸

Н. Г. Маллицкий опубликовал в 1902 г. отдельные места из сочинения Мухаммеда Юсуфа мунши б. Ходжа Бака — «Тарих-и Мукимхани», посвященного балхскому правителю Мухаммеду Муким хану (1702—1707 гг.) и излагающего историю бухарских ханов из династии аштарханидов (джанидов).⁴¹⁹

16 августа 1902 г. В. В. Бартольд доложил Кругу обна-

Рис. 6. Иван Александрович Беляев.

руженный им в Ферганской области документ, писанный уйгурскими письменами XV в. (грамота султана Омар-Шейха Бахадур, отца Бабура); Бартольд сообщил при этом данные о распространении уйгурского алфавита (происходящего от сирийского и принесенного в Среднюю Азию несторианами) в Туркестанском крае.⁴²⁰

В 1907 г. член Кружка И. А. Беляев опубликовал на страницах протоколов приобретенные им в старом Ташкенте персоязычную тарханную грамоту Абул Мансур Абдулла Бахадур-Султана (XVI в.) и писанный на «джагатайском» (староузбекском) наречии ярлык Абулгази хана Мухаммад-Бахадура (XVII в.) с подтверждением податных льгот Кемальеддин Мавляна Абдураби, имевшего сады и участки в местностях Ходжа-Алимдар-махалля и Кучлик (близ Ташкента), а равно заметку о кешкуле (чашке из культового набора дервиша) с вырезанной на нем арабской надписью.⁴²¹

Летом 1911 г. Л. А. Зимин побывал в городе Оше. Перед этим он изучил сказание об Оше, опубликованное в «Туркестанской туземной газете» (1885) и впоследствии опубликовал его с комментариями (примечаниями), библиографией вопроса (восточная и европейская литература) и некоторыми собственными наблюдениями.⁴²²

Л. А. Зимин осуществил и комментированное описание содержащей ценные данные к истории Кокандского ханства рукописи «Зерцало побед» («Мират-уль-футух») по копии ее, принадлежавшей А. А. Семенову и снятой с единственного (дефектного) экземпляра, составляющего собственность андижанского казия Ата-бека и оставшегося вне поля зрения В. В. Бартольда, осматривавшего рукописное собрание Ата-бека.⁴²³

Перу Л. А. Зимина принадлежал также обстоятельный и вполне квалифицированный экскурс в вопросе о подробностях смерти Тимура по данным старинных рукописных источников — официальных (придворных историков Тимура) и неофициальных. Автор впервые использовал некоторые рукописи из фондов Ташкентской публичной библиотеки.⁴²⁴

В работе Зимина о Кала-и-Дабус⁴²⁵ обозрение современного состояния развалин этого древнего поселения сочетается с обзором сведений о нем древних авторов. Л. А. Зимин подготовил к печати и уникальную рукопись — первоисточник истории Тимура (Туркестанской публичной библиотеки, № 14 «б» по каталогу Каля), автором которой являлся Гиясаддин Али.⁴²⁶ Редактором издания был В. В. Бартольд.

Среди опубликованных в ПТКЛА работ, посвященных изучению письменных первоисточников по истории Средней Азии, надо также указать публикацию по истории Ферганы XVIII в.⁴²⁷

Дважды, в 1898 и в 1913 гг., посетил А. А. Семенов Термез, в окрестностях которого осмотрел и обследовал некоторые памятники древней архитектуры. В 1914 г. им было опубликовано сопровождаемое фотографиями обстоятельное описание архитектурного ансамбля, известного под именем «Султан-Садат», и осуществлено исследование приобретенной А. А. Семеновым у салаватских (притермезских) ходжей рукописи

1576 г., содержащей жизнеописание современника шейбанидов шейха Ходжи Мухаммед Ислама (Ходжи Джуйбари). На полях рукописи почерком типа «моллай» была начертана родословная термезских сейидов и особо — родословная сейида Ала-ул-Мулька Третьего (Эмир-и-Бузурга), написанная в 1637 г.⁴²⁸

А. А. Семенов осуществил описание, перевод и истолкование родословных, высказав предположение, что одна из гробниц «Султан-Садата», приписываемая Султан-Хусейну, могла являться местом погребения Эмира Хуссейна-отца, родоначальника термезских сейидов — Хасан-у-Эмира.⁴²⁹

Уже в наши дни А. А. Семенов дополнил публикацию своей рукописи о происхождении термезских сейидов и их древней усыпальнице статьей о происхождении саманидов, основанной на анализе соответствующей части рукописи «Са'диййа», на полях которой «некрасивым насталиком напечатана «Родословная термезских сейидов (игравших значительную политическую роль в истории Средней Азии), содержащая местную, таджикскую версию о происхождении саманидов, версию в которой, по словам автора, есть, несомненно, «какое-то зерно истины» (в смысле наличия севернее Термеза и южнее кишлака Салават поселения Саман (Шарх-и Саман)).⁴³⁰

Заслугой А. А. Семенова явилось также опубликование очерка по истории Шугнана, крайне слабо изученной в историческом и этнографическом отношении и еще недавно трудно доступной небольшой горной страны в Средней Азии, расположенной на обоих берегах р. Пяндж (Верхней Аму-Дарьи), ныне в Советском и Афганском Бадахшане.⁴³¹

В основу очерка легла переведенная на русский язык и тщательно и подробно прокомментированная А. А. Семеновым оригинальная, писанная по-персидски рукопись шугнанца Сейид-Хайдар-Шо, сына Муборак-Шо, из кишлака Поршинив на Пяндже. Автор рукописи включил в нее и известные ему данные о надписях, высеченных на камнях и скалах.

А. А. Семенов дополнил повествование Сейид-Хайдар-Шо освещением, на основе документальных данных, событий последних лет в жизни Шугнана (предисловие А. А. Семенова к очерку датировано 25 августа 1915 г.).⁴³²

Как видим, хотя изучение и публикация старинных документов не составляли основной задачи Кружка, все же и в этой отрасли его членами было сделано не так уж мало.

НУМИЗМАТИКА

Область нумизматики не составляла сильных сторон работы Кружка. Среди членов ТҚЛА было очень мало людей, эрудированных в литературе вопроса, а в ряде случаев и са-

мо состояние знаний того времени по отдельным вопросам монетного дела в истории Средней Азии оставалось в зародышевом состоянии.

В этих условиях деятельность членов Клуба сводилась преимущественно к фиксации, собиранию и сохранению монетных находок на территории Средней Азии и лишь иногда к попыткам определить и датировать находимые монеты, причем здесь нередко допускались не только неточности, но и вообще неправильные и произвольные умозаключения.

На первом месте среди нумизматических работ, выполнявшихся силами членов Клуба, должны быть поставлены уже отмеченные нами: составленное Н. П. Остроумовым и И. В. Аничковым описание нумизматических коллекций Ташкентского Музея и Клуба⁴³³ и такого же рода работа члена ТКЛА И. И. Трофимова⁴³⁴, трудами которого «монеты были разложены в витринах по династии в хронологическом порядке», но без указаний места и обстоятельств нахождения той или иной монеты.

Публикация Трофимова содержала в себе перечень монет из коллекции Музея античного времени (32 номера)⁴³⁵, «индо-парфянских и скифских монет» (13), «монет Умайядов» (1), «Аббасидских монет» (8), «Тахиридских монет» (3), «Саманидских монет» (49), «Илекских монет» (24), «монет Газневидов» (5), монет Сельджуковидов» (2). «монет Хорезм-Шахов» (3), «монет Мухаммеда, сына Такаша» (5), «монет Чингизидов» (4), «монет Джучидов» (28), «монет Джагатаидов» (39), «монет Тимуридов» (38), «монет Шейбанидов» (28), «монет Джанидов» (14), «монет династии Мангыт» (7), «монет Хивинских ханов» (2), «монет династии Минг» (15) и из коллекции Клуба перечень монет античного времени (18), «монет Джучидов» (1), «монет Аббасидов» (4), «монет Восточного Халифата» (6), «монет Саманидов» (35), «Илекских монет» (27), «монет Газневидов» (2), «монет Хорезм-Шахов» (8), «монет Чингизидов» (4), «монет Гулагидов» (2), «монет Джучидов» (32), «монет Джагатаидов» (38), монет Тимуридов» (18), «монет Шейбанидов» (12), «монет Джанидов» (5), «монет династии Мангыт» (1), «монет Хивинских ханов» (2), «монет династии Минг» (10), «медных монет Тимуридов» (10), «монет разных азиатских стран» (16).

Заметим, что одной этой своей работой член ТКЛА И. И. Трофимов зарекомендовал себя весьма трудолюбивым работником в области нумизматики.

Помимо этого, на страницах Протоколов Клуба мы найдем те или иные сведения о монетных кладах, преимущественно «мусульманского времени с куфическими надписями», те или иные упоминания о находках в различных пунктах зо-

лотых монет, большого количества медных монет и монет без обозначения металла.

Некоторые из учтенных Кружком монет были найдены на территории тех или иных древних поселений, что не лишено интереса для современных исследователей, в поле зрения которых находятся сейчас некоторые из этих поселений.

Следовательно, в области нумизматики Кружок оставил своими занятиями определенный, но очень скромный след.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Историко-архитектурные богатства Средней Азии известны всему миру. Тем большее значение следует придать работам членов ТКЛА в области учета, фиксации, описания и изучения историко-архитектурных памятников Средней Азии.

Некоторые из обследованных в свое время членами ТКЛА памятников архитектуры более не существуют или утратили отдельные детали и части.

В период существования Кружка, особенно в первые годы его деятельности, историко-архитектурные памятники Средней Азии находились в небрежении, а колониальная администрация чаще всего с холодным безразличием смотрела на плачевное состояние многих из них, на их разрушение.⁴³⁶

Были исключения из этого правила, когда речь шла о наиболее выдающихся памятниках архитектуры, к тому же расположенных в крупных населенных центрах.

М. Е. Массон считает, например, что известный интерес и внимание русских колониальных властей к памятникам древней архитектуры Средней Азии (период завоевания) были вызваны стремлением «придать больше мишурного блеска империалистической добыче» (в руки завоевателей переходили, говоря словами «покорителя Туркестана» Кауфмана, «древнейшие и знаменитейшие города Средней Азии, центры мусульманства, гордые своей исторической славой»).

Затем стали учитываться частые посещения вновь приобретенных Российской империей владений представителями иностранных держав, интересовавшимися прославленными памятниками древности Самарканда и других былых центров Средней Азии. В этих условиях приходилось думать о поддержании данных памятников в сохранности.

Наконец, «при отпуске кредитов на ремонт мечетей, мавзолеев, медресе не последнее место занимали и расчеты, что поощрением и уходом за этими зданиями можно привлечь и подкупить некоторые симпатии того круга лиц из местного духовенства и отчасти военно-бюрократической среды, которые, опасаясь ущемления своих интересов в связи с приходом русских, втайне были сторонниками прежнего порядка и тем оставались опасными врагами в тылу».⁴³⁷

Но минимум заботы колониальных властей о некоторых памятниках архитектуры не устраняет общего плачевного положения в этой области.

Известен случай, когда шведский ученый Мартин в 1895 г. (год основания ТКЛА), потрясенный плачевным состоянием памятников самаркандской архитектуры, апеллировал к министру графу С. Ю. Витте с просьбой «во имя науки» принять меры к спасению и описанию этих памятников.⁴³⁸

По свидетельству современника, один из туркестанских генерал-губернаторов, прочитав обращение о принятии необходимых мер к охране древних мусульманских памятников, заметил: «Чем скорее разрушится все это, тем лучше для русской государственности».⁴³⁹

Шли годы, а положение дел в этом отношении менялось мало.

В 1911 г. Н. И. Веселовский выступил, например, с сообщением «о мерах к охранению памятников древности» на вечере в политическом салоне у графа А. А. Бобринского в присутствии членов Государственного Совета и Государственной Думы, а также «простых смертных». Веселовский пытался сетовать на расхищение памятников древности в Самарканде, на что «генерал Веретенников заметил профессору, что разрушение памятников в Самарканде началось еще до русского владычества. Такие громадные памятники, как мечети, охранять трудно, да кроме того, не дело русского правительства заботиться о мусульманских мечетях, ему в пору думать о своих церквах».⁴⁴⁰

Тем более было бы неправильным недооценивать деятельность ТКЛА в сфере учета и обследования памятников архитектуры. Между тем, некоторое умаление работ дореволюционного времени мы встречаем, например, у В. Л. Ворониной в ее обстоятельном очерке работ по изучению архитектуры Средней Азии за 25 лет (1917—1942 гг.). В. Л. Воронина вообще права, указывая, что «систематическое изучение памятников архитектуры Средней Азии началось только после Великой Октябрьской социалистической революции», что «до революции ими занимался лишь небольшой круг ученых-энтузиастов» и что изучение этих памятников охватывало «по преимуществу только Самарканд и Ташкент».

Но когда автор указывает, что «по изучению архитектурных памятников сделано (было) ничтожно мало..., огромная масса памятников... городов Туркестана оставалась неисследованной и неизвестной, фотофиксация была недостаточна и случайна, обмеры почти не делались», — мы готовы возразить В. Л. Ворониной.

Конечно, если говорить об исследованиях памятников архитектуры в современном смысле слова — их до революции

было весьма мало, тем паче, что, как на это указывает и сама В. Л. Воронина, «лиц архитектурной специальности среди ученых, занимавшихся изучением древности, почти не было».⁴⁴¹

Когда же автор ведет речь о «неизвестности» огромной массы памятников — он не совсем прав. Скромная заслуга дореволюционных работников в том и заключалась, что они собрали в трудных условиях научно-краеведческой работы множество сведений об историко-архитектурных памятниках Средней Азии, фиксировали их местонахождение и степень сохранности, брали на учет, в меру своих сил и возможностей описывали их и, в некоторых случаях и для своего времени, — тщательно и подробно (например, описание С. Г. Малицким Туркестанской мечети и др). Справедливо было бы вспомнить о содержании Кауфманского альбома и о других материалах, заключающих в себе, по метким словам А. С. Семенова, то, «что составляет душу каждого изложения, т. е. рисунки».⁴⁴²

В этой, на определенном этапе развития знаний о Средней Азии, необходимой и полезной работе дореволюционными деятелями, в том числе членами ТКЛА, сделано было не «ничтожно мало», а много. На учет были взяты многие десятки историко-архитектурных памятников и, когда после революции развернулись широкие и подлинно научные работы по глубокому и тщательному изучению памятников архитектуры Средней Азии, пожалуй, почти не было такого примечательного памятника, о существовании которого не было бы известно еще до революции благодаря трудам местных и приезжих ученых и краеведов.⁴⁴³

Обратимся к фактам.

В. В. Бартольд и члены Кружка были обязаны и повышенным интересом к таким значительным памятникам древности Северной Киргизии, как башня Бурана и Таш-Рабат, после того как в своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. Бартольд сообщил о них ряд дополнительных данных.⁴⁴⁴

В 1896 г. учитель городской школы Токмака Д. Н. Ровнягин доставил Кружку описание башни Бурана близ Токмака, о которой ранее писал член ТКЛА Н. Ф. Петровский.⁴⁴⁵

С течением времени было установлено и ныне общепризнано, что башня Бурана в действительности представляет собой величественный минарет XI в., некогда стоявший в центре древнего поселения и вблизи большого города — крепости Баласагуна — один из самых старых минаретов караханидского времени.⁴⁴⁶

Зимой 1896 г. В. А. Каллауру была доставлена часть каменного круглого столба или колонны из селения Биш-Агач

Аулие-Атинского уезда «с узорами и украшениями». Частый спутник Каллаура и его товарищ по научно-краеведческим интересам И. В. Аничков увидел близкую описанной колонну (из какой-то древней постройки) в мечети Идрис в Сайраме.

Это побудило Каллаура и Аничкова в мае 1896 г. объехать пространство от местности Карой до селения Биш-Агач, прилегающее к городу Аулие-Ата с южной стороны. Они осмотрели здесь ряд «Тюрт-кулей» и других памятников древности и остатки постройки в районе холма Ак-Тюбе, где был найден столб, доставленный Каллауру.⁴⁴⁷

В. А. Каллаур описал и мазар Аулие-Ата в одноименном городе, по преданию являющийся якобы местом упокоения Кара-хана — основателя династии караханидов. Он же обратил внимание на мазар Айши-Биби, южнее селения Головачевского⁴⁴⁸, а другой член Кружка дал более подробное описание данного памятника.⁴⁴⁹

В. А. Каллаур описал в 1898 г. «Ак-Кесене»⁴⁵⁰ — четырехугольную постройку из сырцового кирпича (связь кладки сделана из саксаула), в северо-восточном углу которой имеется башня с внутренней винтообразной лестницей (в 145 верстах от Аулие-Ата, в стороне от р. Таласа, на правом берегу арыка Калмак). По арыку Калмак, «вниз на запад, верстах в 12-и» Каллаур зафиксировал развалины постройки «Кок-Кесене» с однотипной, но уже развалившейся башней.⁴⁵¹

Описал В. А. Каллаур и мавзолей Кок-Кесене, расположенный «на юг от Саганака (Сунака), в верстах 8-ми по направлению к Тюмен-арыку».⁴⁵²

Сообщение В. А. Каллаура о мавзолее Кок-Кесене заинтересовало А. А. Диваева, указавшего, что в одном из киргизских преданий говорится, что «областями Ак-Кесене и Кок-Кесене триста с лишним лет назад владели калмыки» и что «есть также сведения, полученные из киргизских источников, что во времена владычества здесь калмыков здания Ак-Кесене и Кок-Кесене уже давно существовали».⁴⁵³

В. А. Каллауру мы обязаны также публикацией предварительных материалов к описанию мавзолея Сырлы-там (из жженого кирпича), находящегося в Кызылкумах вблизи одноименных развалин крепости; дата в надписи на фасаде мавзолея фиксирует 678/1279 г.⁴⁵⁴

В. А. Каллаур обратил внимание на остатки «Акыр-Таш» — обширной каменной постройки с внутренними дворами, находящейся в 40 верстах от города Аулие-Ата, у северной подошвы Александровского хребта по древней караванной дороге.⁴⁵⁵ Что касается собственно развалин Акыр-Таш, то в сравнении с данными о них П.И. Лерха,⁴⁵⁶ Д.Л. Иванова,⁴⁵⁷ В.В. Бартольда⁴⁵⁸ поездка Каллаура не принесла нового, но зато Кал-

лаур дал краткие сведения о развалинах крепости Куймакент и ряде курганов, в том числе о курганах, имеющих ограду в виде concentрических рядов вертикально врытых в землю камней, и об иных памятниках древности.⁴⁵⁹

Публикация В. А. Каллаура дополнена записью народной легенды о постройке Акыр-Таш.⁴⁶⁰

В поле зрения Кружка находился и широко известный теперь гумбез Манаса («мазар Манаса») — центрическое купольное сооружение XIV — начала XV в. с порталом, одетым резной терракотой, находящееся к югу от г. Джамбула, в глубине Таласской долины, на р. Кенкол (правом притоке Таласа).

В. А. Каллаур дал для своего времени и наиболее полное описание мавзолея Манаса и именно по списку Каллаура В. В. Бартольд перевел надпись на портале мавзолея.⁴⁶¹

Пантусову принадлежит высококачественное для своего времени, хорошо иллюстрированное описание места погребения (мазара) умершего в 764 (1362—1363 гг.) владельца восточной части Джагатайского улуса Туглук-Тимур-хана в сел. Мазар по дороге, ведущей из Джаркента в г. Кульджу, на левом берегу р. Хоргоса, и расположенных между селением и р. Хоргосом развалин средневекового города Алмалыка.⁴⁶² Автор прочитал надписи на фасадной части мазара, воспроизвел план последнего, подробно описал внутренний и внешний вид мазара, сложенного из жженого красного кирпича (дав ряд четких фотографий), привел данные письменных источников о Туглук-Тимур-хане и его сородичах и в отдельной публикации ознакомил читателей даже с легендой, записанной в г. Верном со слов одного калмыка.⁴⁶³

Пантусов дал также краткое описание местности Байнаман, где по преданию проживал Туглук-Тимур-хан, мазара его внука Шир-Али-хана (рядом с мазаром Туглук-Тимур-хана), близ расположенного мазара шейха Мухаммед Садыка и «горки» Азан-Дун или Азан-тепе в 8 верстах от верхнего селения Мазара.

В 1898 г. Н. Н. Пантусов осмотрел ряд памятников Лепсинского уезда, Семиреченской области, и в их числе «Денгек» — надмогильное сооружение из каменных плит (плитняка) на глине, впервые виденное Пантусовым в 1890 г. и после того пришедшее в состояние значительного разрушения.⁴⁶⁴ Пантусов дал краткое описание «Денгака» и привел киргизские о нем предания («сооружен во времена китайского владычества..., над могилой знатной калмыцкой девицы»)⁴⁶⁵.

Чрезвычайно близким по материалу и конструкции плитняковым памятником оказался осмотренный Пантусовым же памятник, известный под именем Козу-Керпеч и Боян-Солу (Баян-Слу), связываемый в народных поверьях с именами пер-

сонажей широко известного фольклорного произведения о высокой любви и трагической участи Козу-Керпеча (Козы Керпеш) и его возлюбленной Баян-Слу.

Памятник этот, высотой в 17-18 аршин, стоял на небольшой возвышенности, вблизи р. Аягуз, на Сергиопольско-Верненском почтовом тракте, между станциями Кызыл-Кия и Малый Аягуз. Вблизи памятника Пантусов обнаружил куски и обломки каменных баб.⁴⁶⁶ Пантусов отметил наличие ряда изданий легенды о Козу-Керпече и Баян-Солу, а Правление ТКЛА сочло целесообразным перепечатать в качестве приложения к статье Пантусова текст киргизского народного предания, опубликованного Е. Барановым в «Еженедельных литературных приложениях» к журналу «Нива» за 1899 г.⁴⁶⁷

Едва ли не уникальную для данной местности «могилу» Ак-Таш близ г. Джаркента посетил в 900-х годах Н. Н. Пантусов; памятник был сильно разрушен в сравнении с тем видом своим, какой был зафиксирован в 1884 г. хорунжим К. Пелымским (в его рисунке). Записанная Пантусовым киргизская легенда связывает сооружение памятника с китайцами; по данным же китайцев Илийской долины Ак-Таш является погребением калмыцкого ламы Поин-Камбу.⁴⁶⁸

Внимание членов Кружка привлек к себе и Таш-Рабат (Таш-рабад)⁴⁶⁹, являвший собой редкое в условиях Средней Азии здание, сложенное из камня.

Среди современных публикаций о Таш-Рабате особо выделялась статья Н. Н. Пантусова, тексту которой сопутствовали четкие фотографии и чертежи.⁴⁷⁰ Правда, Пантусов ошибочно принимал Таш-Рабат за храм, тогда как в действительности здание представляло собою скорее всего караван-сарай XV в.⁴⁷¹

Член кружка А. А. Диваев описал могилу (гробницу) мусульманского святого Хорхут-ата (Коркуда), легендарные известия о котором были широко распространены в киргизских и туркменских сказаниях.⁴⁷² Могила эта (глинобитная, с куполом) находилась вблизи форта № 2, на берегу р. Сыр-Дарьи одноименной области.⁴⁷³ В феврале 1897 г. Диваев приглашал Кружок озаботиться сбором дополнительных сведений о данном памятнике.⁴⁷⁴

Член ТКЛА И. В. Аничков описал (к сожалению, в сопровождении маловыразительного рисунка) «дворец в Хазараспе», здание, находящееся внутри цитадели города Хазараспа и построенное, видимо, хивинским ханом Рахим-Кули-Инаком (1841—1843 гг.). Снаружи здание облицовано изразцами «прекрасной работы», по верхнему карнизу тянется надпись. Издали дворец, как свидетельствовал Аничков, «кажется как будто кружевным и сделанным точно из фарфора».⁴⁷⁵

И. В. Аничков считал, что данное строение позднего вре-

мени позволяет судить о «некотором прогрессе среднеазиатского орнамента и строительного искусства, сравнительно с более ранним периодом, хотя бы, например, с т.н. Тамерлановским (Тимуровским) XIV-XV столетий».⁴⁷⁶

По поводу дворца в Хазараспе надо иметь в виду замечание В. В. Бартольда, что в ПТКЛА (IV, 1896 и др.) «строителем назван по ошибке хан Рахим-Кул (XII, 1908, 69), где постройка дворца в Хазараспе приписана Рахман-Кул-инаку. Рахман-Кул был братом хана Алла-Кула; Огехи упоминает о его походах на Хоросан в 1825 и 1827 гг., Данилевский (Зап. Геогр. Общ., V, III) также называет дворец Хазараспа домом инака Рахман-Кула».⁴⁷⁷

В 1899 г. Шахриябз посетил топограф Н. Ф. Ситняковский. О результатах поездки в Шахриябз Н. Ф. Ситняковский сделал 27 марта 1900 г. доклад в Туркестанском Кружке любителей археологии.

Н. Ф. Ситняковский составил и первый схематический план руин Ак-Сарая; по его просьбе местные священнослужители списали, в меру своих способностей, часть надписей с портала Ак-Сарая, которые были затем опубликованы в переводе М. С. Андреева (частично текстуально).⁴⁷⁸

Ситняковскому же мы обязаны описанием бухарского мазара современника Тимура Багауддина (Багаваддина, Багадхаккылваддина Накш-банд-и) и некоторых других архитектурных памятников Бухары.⁴⁷⁹

И. Т. Пославский описал в 1900 г. архитектурное сооружение из жженого кирпича («башню») вблизи Гюргена, известное под названием «Гумбет-Кобуз». Он снял план и чертеж сооружения, дал его примерные размеры, фотографии его общего вида и нижней части. Он же снял и издал куфические надписи, расположенные в два ряда снаружи башни, между ребрами ее (надписи эти были прочитаны Н. П. Остроумовым). Удалось зафиксировать дату сооружения (397/1006 г.) и имя лица, в память которого было воздвигнуто это надгробное сооружение (Амир Шамсу Муали).⁴⁸⁰

«Несмотря на существование ряда описаний башни Кабуса у западноевропейских путешественников, до 1918 г. описание И. Т. Пославского не было превзойдено», — замечает В. А. Крачковская.⁴⁸¹

Член Кружка В. П. Колосовский описал мазар Баб-Ата (Чимкентский уезд) в сопровождении исторических и легендарных сведений об этом мазаре, как могиле Шах-Исхака (Схак-баба).⁴⁸²

Изучали члены Кружка и выдающийся архитектурный ансамбль караханидского средневековья в Узгенте (Узгене); три мавзолея и отстоящий от них на 50 м кругло-октогональный минарет XI—XII вв. (с кирпичной декорацией поверхности).⁴⁸²

Краткое описание древнего минарета в селении Узгент, Андиганского уезда, дал еще в конце XIX в. капитан С. В. Домбровский.⁴⁸⁴

В июле 1902 г. развалины Мешхед-и Мисриан посетил Б. Н. Кастаньский. Он сделал на месте ряд отличных фотоснимков и «произвел при этом весьма ценные съемочные работы, определяющие как расположение города и его цитадели, так и характер сооружений последних».⁴⁸⁵

Для своего времени выгодно отличалась от многих подобных публикаций обстоятельная работа С. Г. Маллицкого, опубликованная незадолго до его смерти⁴⁸⁶ и посвященная попытке установить историко-архитектурное значение известной мечети Ходжа Ахмед Ясеви в городе Туркестане⁴⁸⁷. Слабой стороной работы было недостаточное сопоставление данного памятника с другими (более ранними и более поздними) памятниками архитектуры на территории Средней Азии. Сильной же стороной являлось стремление найти место плана мечети Хазрета Ясавийского среди «планов мечетей, принятых на Востоке» и, вместе с тем, выявить локальные особенности плана Туркестанской мечети. Работе С. Г. Маллицкого сопутствовал (с поправками) план мечети, снятый в 1884 г. А. В. Печенкиным.

Деятельный член Кружка А. А. Семенов уделял много внимания ныне несуществующей (в результате ашхабадского землетрясения) мечети в Аннау близ Ашхабада.⁴⁸⁸

Впоследствии А. А. Семенов дополнил сообщения о мечети в Аннау своими новыми публикациями.⁴⁸⁹

В 1914 г. А. А. Семенов опубликовал не утратившую своего значения и по сегодняшний день статью, посвященную ансамблю мавзолеев «Султан-Садат» в присурханской группе развалин (близ Термеза)⁴⁹⁰. Статья явилась следствием двукратного осмотра памятника автором в 1898 и 1913 гг.

Заслуживает внимания статья А. Д. Калмыкова «Мечеть»,⁴⁹¹ помещенная в ПТКЛА под рубрикой «Основные вопросы среднеазиатской археологии», она показывает, что с течением времени у членов ТКЛА стала возникать потребность к обобщению накопленного материала, к уточнению применяемой в отношении памятников древности терминологии, к подведению научной базы под фиксацию и изучение остатков материальной культуры прошлого, в данном случае — памятников архитектуры.

В своей работе А. Д. Калмыков вполне правильно указывал, что под словом «мечеть» часто подразумеваются не только мечети, как таковые, но и мавзолеи и медресе, что удобно «по своей понятности и общепринятости», но не устраняет необходимости, как к этому призывал В. Л. Вяткин,⁴⁹² установить точную терминологию для детальной разработки мусульманских древностей.

Перечисляя существующие в Средней Азии термины для религиозных мусульманских сооружений (мечеть, минарет, медресе, мазар в смысле священной могилы и мавзолея, гур и кабр в смысле мавзолея для обыкновенного смертного, гур, кабр, меркад, дахма или сагана в смысле могилы и гуристан и кабристан в смысле кладбища), автор пытался проследить суть развития строительства мечетей, назначение и характер их отдельных частей (двор, открытые террасы на столбах или летняя мечеть, зимняя мечеть, портал-пиштак, купол), разновидности минаретов в Средней Азии («столбы», укрепляющие углы зданий, середины стен, бока ворот и пр. и отдельно стоящие минареты).

Под таким же углом зрения исторического развития А. Д. Калмыков рассматривает вопрос о медресе.

Далее автор указывал, что «вопрос о домусульманском погребении, выдвинутый особенно вперед открытиями Кастальского и занимающий теперь первое место между предметами среднеазиатской археологии, заставляет нас с особенным вниманием отнестись к терминам, касающимся могил»⁴⁹³. Здесь автор высказал интересные мысли касательно слова «дахма» (дохма), наусов и др.

Доклад А. Д. Калмыкова вызвал сочувственные отклики в печати⁴⁹⁴.

Мы не касаемся здесь подробностей работ, которые шли не по линии ТКЛА.

Надо отметить, однако, что еще в 1895 г. к обмерным работам в Самарканде, сопровождавшимся фотографированием и художественно-архитектурными зарисовками, приступила Императорская Археологическая комиссия (в лице Н. И. Веселовского и других).⁴⁹⁵

В экспедиции 1895 г. участвовали известные архитекторы-художники Щусев и Покрышкин, искусные зарисовки которых, как говорит А. Ю. Якубовский, «дают достаточно ясное представление о характере и тематике внутренней отделки Гур-Эмира».⁴⁹⁶

К сожалению, в задуманной Веселовским серии «Самаркандских мечетей» успел быть изданным только первый выпуск, посвященный Гур-Эмиру,⁴⁹⁷ роскошный и «пока единственный в своем роде» (слова М. Е. Массона) альбом, который А. Ю. Якубовский считал прекрасным изданием монографического характера⁴⁹⁸.

В своем отзыве на альбом «Гур-Эмир» В. Л. Вяткин указывал, что «Императорской Археологической Комиссией предпринято богатое научное издание альбома рисунков древностей г. Самарканда под общим названием «Мечети Самарканда». Вышел выпуск первый — «Мечеть Гур-Эмира»,

закрывающий художественно выполненные экспедицией заготовки государственных бумаг рисунки в красках и черные художников Щусева и Покрышкина. Рисунки дают полное представление как с архитектурной, так и с художественной стороны о великолепном сооружении Тимура».

Вместе с тем, Вяткин решительно опровергал указание предисловия к альбому, что описываемая постройка первоначально служила мечетью, и в пространном на сей счет экскурсе убедительно показал, что постройка с самого начала возводилась в качестве усыпальницы (мавзолея), поначалу предназначавшейся для погребения Мухаммад Султана — внука Тимура.

Возражал Вяткин и против того, что автор предисловия «вообще все самаркандские памятники древности именуется мечетями, хотя в числе их есть усыпальницы и медресе»⁴⁹⁹.

Такова общая сумма данных, рисующих вклад ТКЛА в дело фиксации и изучения историко-архитектурных памятников Средней Азии.

ОССУАРИИ

Одной из примечательнейших страниц в деятельности Кружка является открытие глиняных гробов-костехранилищ (по терминологии, предложенной Н. И. Веселовским, — оссуариев, астононов). Этот вид памятников древности домусульманского времени, специфически характерен именно для Средней Азии и поныне служит объектом пристального внимания археологов и искусствоведов. В вопросе об оссуариях до сих пор имеется много неясностей, различных и спорных точек зрения. Как замечал об этом А. Ю. Якубовский, «в настоящее время вновь встал вопрос, более пятидесяти лет назад поставленный В. В. Бартольд, — был ли в Средней Азии зороастризм и если был, то в чем его особенности, отличающие его от персидского зороастризма, который при Сасанидах (III—VII вв.) получил свое полное идеологическое и организационное раскрытие».⁵⁰⁰

От излишне прямолинейного решения вопроса об отражении в оссуариях зороастрийского культа как такового предостерегал наблюдательный В. В. Бартольд, не преминувший в личном письме к Остроумову 13 февраля 1900 г. в связи с находками в Самарканде написать: «Поклонники Зороастра, воздвигавшие баини, никогда не собирали костей и особые гробы. Загадочный способ погребений, о котором говорят Табари и Наршахи, и о котором лишней раз свидетельствует самаркандская находка, показывает, что верования жителей Мавераннахра отличались от верований их персидских современников;

если в Мавераннахре был распространен зороастризм, то во всяком случае особая секта, обряды которой существенно отличались от обрядов правоверных последователей Зороастра»⁵⁰¹.

Напомним, что уже в 1926—1927 гг. В. В. Бартольд мог заметить об оссуариях следующее: «Оссуарии, т. е. глиняные урны четырехугольные или овальные, с костями умерших, найденные в Туркестане, причем ни одну из этих находок не удалось сохранить нетронутой до осмотра места находок специалистами. Оссуарии украшены орнаментом, фигурными изображениями и изваяниями; таких (разрядка наша.— Б. Л.) до сих пор нигде вне Туркестана найдено не было, из чего видно, что кости умерших были в Туркестане предметом большей заботливости, чем у других зороастрийцев».⁵⁰²

«Обычай сохранять кости умершего, — замечает А. А. Семенов, — в глиняных, часто художественно орнаментированных, гробах-сосудах совершенно не вяжется с предписаниями сасанидского маздеизма и представляет собою явление, нигде в других странах, кроме Средней Азии, не встреченное (разрядка наша.— Б. Л.) Можно думать, что мы имеем здесь дело не с тем маздеизмом, который нам известен по памятникам сасанидской эпохи, а скорее с дорформенною, так называемой «мидийскою», старою верою джадуперестов, киков и карапов священных писаний».⁵⁰³ Вместе с тем, символы и изображения на самых замечательных здешних оссуариях, так называемых «Бия-Найманских»..., резко отличаются от известных нам изображений персов эпох ахеменидской, парфянской и сасанидской».⁵⁰⁴

Новейшие исследователи видят в среднеазиатских оссуариях отражение «зороастризма» (в условном применении этого термина) в местных языческих культах, уживавшихся с культом огня.⁵⁰⁵

Чтобы должным образом оценить заслуги ТКЛА в вопросе об оссуариях и в известном смысле слова уяснить его приоритет в этом деле, особенно важно коснуться истории вопроса.

В. В. Бартольд склонен считать датой первой находки оссуария 1871 г., когда в саду подполковника Раевского в Ташкенте был найден глиняный гроб. Находка эта не была отмечена в печати и вспомнил о ней Н. Ф. Петровский в 1906 г. на заседании ТКЛА.⁵⁰⁶

Последующие находки связываются с именем Н. И. Веселовского, который в процессе своих раскопок 1885 г. на Афрасиабе (Самарканд) обнаружил значительное количество «глиняных черепков с головками людей и животных» и по аналогии с головами медуз на саркофагах из южнорусских курганов сделал вывод, что перед ним глиняные гробы домусульманского времени. Уже 11 февраля 1885 г. на заседании Русского

археологического общества Веселовский демонстрировал один такой гроб в значительной мере восстановленный из отдельных его фрагментов.⁵⁰⁷ Однако изображение лицевой стороны упомянутого гроба (с фигурами людей и животных) Веселовский издал лишь в 1907 г.⁵⁰⁸

В этом же году Веселовский указал, что «полный оссуарий» был, оказывается, найден также при земляных работах в Самарканде и куплен купцом мирзой Бухариным,⁵⁰⁹ у последнего Археологическая Комиссия приобрела крышку от овального оссуария.⁵¹⁰

Очень важно учесть при этом указания Бартольда, что находки Веселовского и его выступления по ним не сопровождались зафиксированными в печати данными, «что ящик по своим размерам мог быть только костехранилищем, вследствие чего (не было) и попытки объяснить обычай очищения костей от трупа... Находки 1885 г., — заключает Бартольд, — не только не вошли в научный обиход, но были впоследствии забыты в самом Туркестане, где первыми признавались находки 1886 г., так называемые ваулинские находки (на земле отставного рядового Ваулина)».⁵¹¹

«Первый экземпляр оссуария овальной формы с крышкой, оканчивавшейся наверху грубым изваянием человеческой головы, обнаруженный в пределах Ташкентского района, и был доставлен в 1886 г. Е. Т. Смирновым (находка на Ваулинском холме, близ почтовой станции Ниязбаш по Самаркандскому тракту, в 22 верстах от Ташкента)».⁵¹²

В № 24 газеты «Туркестанские Ведомости» за 1886 г. появилась заметка об открытии рабочими на так называемых Никифоровских землях (при подготовке земли под посев хлопка) нескольких погребальных урн с костями внутри. Урны были поставлены рядами и зарыты неглубоко в земле.⁵¹³

Е. Т. Смирнов, сообщая подробности находки, говорил, что она была сделана при выведении воды на бугры, тянущиеся по берегу арыка Карасу близ селения Никольского; на одном из пологих скатов бугров рабочие, поднимая залежные земли плугом, встретили «группу урн, лежавших под землею, довольно плотно одна к другой на глубине 3—4 вершков. По словам пахарей, урн было более сотни; при вспашке они разрушили их, а кости разбросали... Несколько сохранившихся обломков ясно указывали на характерную форму урн (овальные коробки) с крышками, на ручках коих я нашел изваяния птиц с распростертыми крыльями, по фигуре напоминающих галок. На наружных боках урн встречались рисунки украшений, а одна была украшена фигурами людей; был обломок с целою картиною: два человека, осененные деревом. Рисунки вычерчивались на сырой глине и после обжига не отделялись,

почему были довольно грубы. В некоторых обломках сохранилось и содержимое: сильно истлевшие и как бы нарочно размельченные человеческие кости смешаны с беловатою землей». ⁵¹⁴

Но этот способ погребений не был, как замечает Смирнов, общим для всех арийских племен; об отступлениях от него упоминается и в Вендидате... Возможно, что и обитатели долин Чирчика, Ангрена и Келеса, как значительно удаленные от Бактрии (Балха), бывшей местом возникновения религии и главным ее центром, «впали в нечестие» и практиковали свой собственный способ погребения. Содержимое находимых глиняных урн указывает, что кости истлевающего трупа, разрушенные, вероятно, зверьями и птицами, собирались, смешивались с землей, клались в урны и хоронились то на общих кладбищах, то отдельно в буграх и насыпях. ⁵¹⁵

Е. Т. Смирнов делает вывод, что труп, очевидно, подвергался предварительно тлению, а потом уже собирались кости, смешивались с землею и всыпались в урну (стр. 11). ⁵¹⁶ Е. Т. Смирнов полагал, что способ этот напоминает способ погребения «исповедников религии Зороастра», приводя в связи с этим выдержки из текста Авесты.

Н. С. Лыкошин отметил также находку погребальной урны «с местности Абдужалиль-баб», ссылаясь на газету «Туркестанские Ведомости» (№ 17 за 1887 г.). ⁵¹⁷

По словам Н. П. Остроумова, в 1889-г. два глиняных гроба были найдены на даче Джурабека в Ташкенте. Один из них Остроумов видел у Д. М. Граменицкого в 1890 г. ⁵¹⁸

В связи с находкой погребальных урн на Ваулинском холме Археологическая комиссия запрашивала своего ташкентского корреспондента Н. П. Остроумова: нет ли в окрестностях города еще подобного рода холмов и в утвердительном случае просила исследовать один-два из них, что и было сделано Остроумовым. Однако раскопки Остроумова в 1887 г. на земле Н. П. Никифорова (вскрывались курганы) не сопровождались новыми находками урн, из чего он сделал вывод, что «погребение в особых глиняных урнах, повидимому, представляет самостоятельный обычай, отдельный от... погребения в земляных могилах». ⁵¹⁹

В. В. Бартольд, зорко следивший за археологическими находками в Туркестане, в связи с находками «небольших гробов с костями» не преминул отметить, что «обычай срезать мясо с костей трупа сам по себе кажется невероятным, но существование его подтверждается свидетельством Табари (X в.). В 739 г. тогдашний бухар-худат был убит двумя враждебными ему дехканами; рассказав об этом событии, историк прибавляет: «от его тела отделили мясо, а кости его отвезли в Бухару» (Табари, II, 1694). ⁵²⁰

Таков был запас сведений о среднеазиатских оссуариях, накопленный в период, предшествовавший открытию действий ТКЛА.

В 1896 г. «глиняный гроб» с разбитой крышкой был вырыт на участке Падшаханова (Шейхантаурская часть Ташкента).⁵²¹

В 1897 г. при беседе с Акбарханом Акрам Палвановым (сыном местного собирателя древностей) Н. С. Лыкошин узнал, что Акбархан при рытье земли в своем дворе (местность Рахкат Бишагачского старшинства г. Ташкента) обнаружил в осыпи небольшой ямы глиняный гроб, наполненный костями. Он зарыл его в саду возле могилы своего отца. С согласия Акбархана ящик (гроб) был извлечен из земли.

Ссылаясь на известное место из Наршахи о погребении Эмира Василя, Лыкошин высказывал предположение, что подобные (ташкентским) глиняные гробы «должны быть отнесены к эпохе господства в Средней Азии религии магов, т. е. не позже 7—8 века христианской эры».⁵²²

В 1896 г. членами ТКЛА на расстоянии одной версты от холма Шаш-Типя (в 4 верстах от Ногай-Кургана, на левом берегу арыка Ангар) во дворе Рахматуллы Латыфбаева, был обнаружен «небольшой глиняный гроб в виде овального сундука». Было установлено, что за два года до этого Латыфбаев при обработке земли под виноградник открыл скат небольшого холмика у себя во дворе и обнаружил под землей пять глиняных гробов, которые сохранились и были приобретены у владельца: целый гроб (по форме похожий на найденные ранее в Ваулинском холме), половинка крышки от другого, большего размера и несохранившегося гроба и гроб, расколотый на две части, без крышки. Гробы имели резные и лепные украшения, а на крышке в верхней части было лепное изображение птицы.⁵²³

В октябре 1906 г. Н. П. Остроумов выступил с докладом касательно новых данных об оссуариях.⁵²⁴

Особое внимание Остроумов уделил находке 18 апреля 1897 г. на усадьбе Акбархана в Ташкенте, на границе «русского города в сторону Самарканда», где два оссуария с крышками, наполненные человеческими костями, пересыпанными сухой землей, были извлечены из-под земли (на глубине до 2 аршин) в присутствии Остроумова и других членов Кружка, что не оставляло больше сомнений в том, что «находимые доселе глиняные ящики с такими же крышками представляли собою дотоле неизвестные науке погребальные урны, в которые складывались кости умершего по очищении их от мяса, но не подвергавшиеся сожжению».⁵²⁵

В письме к Остроумову Бартольд приходил к заключению, что глиняные «гробики представляют подражание юртам и,

следовательно, принадлежат кочевому или полукочевому народу». ⁵²⁶

Заметим, что и до настоящего времени весьма редка находка оссуариев в условиях, когда обстановка нахождения могла бы быть точно зафиксирована специалистом-археологом. Тем больший интерес приобретали данные касательно обстановки нахождения оссуариев, обнаруженных в еврейском квартале Самарканда в 1889 г. ⁵²⁷

Письмом № 29 от 11 октября 1899 г. Кружок просил очевидца этой находки, члена ТКЛА М. М. Вирского, «продолжить раскопку на указанной местности и добыть цельный гроб, который было бы желательно затем получить для Музея Кружка». ⁵²⁸

На заседании Кружка 9 ноября 1899 г. М. М. Вирский впервые сделал сообщение о новых находках оссуариев в Самарканде. ⁵²⁹ Сообщение это было опубликовано в приложении к Протоколу упомянутого заседания. ⁵³⁰

Первая находка двух «глиняных гробов» последовала случайно, в ходе земляных работ в еврейском квартале Самарканда, под домом Максума Фузаилова в сентябре 1899 г., когда рабочие прокладывали колодезную яму и на глубине немногим более трех аршин натолкнулись на человеческие кости и сами «гробы» (оба без крышек).

В октябре к раскопкам здесь приступил А. А. Половцов. 17—18 октября последовала находка еще трех «гробов». Условия их нахождения остались неясными, ибо раскопка велась в труднейших условиях, путем прокладки подземной «трубы» из ямы-колодца в сторону, где были замечены последующие (после двух первых) гробы (по мнению Вирского, все они «стояли лицевой стороной прямо на север., отделялись друг от друга по линии расположения интервалами в 3—4 вершка). Дальнейший раскоп угрожал обвалом и его пришлось прекратить. При обследовании содержимого «гробов» присутствовали члены ТКЛА А. А. Боголюбов и И. Т. Пославский, а также доктор В. И. Крылов, полагавший, что находившиеся в «гробу» № 5 кости принадлежали не менее чем трем человекам. Кости были смешаны с землей; цвет земли в гробу однороден, — замечал Вирский, — и однотонен; слоистости, которая (бы. — *Б. Л.*) указывала на возможность постепенного наполнения гробов верхними потоками воды с землей, не замечено, что дает право думать..., что земля попала сюда... при самой укладке костей, каждый слой которых пересыпался, очевидно, мелкой землей». ⁵³¹

За лицевую сторону гробов Вирский и другие считали стенку, украшенную орнаментом и прилепленными изображениями человеческих (женских и мужских) головок («греческих лиц»).

Заметим, что в этот период на смену терминам «урны», «гробы» пришел термин «оссуарии», впервые предложенный проф. Н. И. Веселовским, высказавшимся в том смысле, что эти предметы древности «предназначались не для целого покойника, а лишь для костей, а потому такие сооружения всего лучше называть костехранилищами, или оссуариями». ⁵³² В. В. Бартольд со своей стороны привел свидетельство Табари и Наршахи, что, например, мясо бухар-худата Тухшады после его кончины было отделено от костей, отвезенных затем в Бухару. ⁵³³

Реферируя сообщение Н. И. Веселовского, член ТКЛА П. А. Комаров ⁵³⁴ считал полезным сослаться также на погребальные обычаи киргизов, цитируя следующее место из книги XVIII в.: «Богатые и знатные люди желают быть преданы погребению у гробов своих святых или прежних ханов, либо родственников, куда отвозят их верхом, а когда в летнюю пору, за отдалением кочевья от таковых мест сделать того не можно, обрезают они у покойника мясо и хоронят оное вместе с внутренностями вблизи, а кости отвозят в желаемое место и погребают их возле святых или, как говорят, белых костей, т.е. возле знатных покойников». ⁵³⁵

Из оссуариев, найденных в Самарканде и извлеченных из земли без разрушения, один был отправлен на всемирную выставку в Париж, другой все же распался затем на мелкие части, третий поступил в Самаркандский музей. 8 мая 1907 г. В. Л. Вяткин сообщил К. А. Иностранцеву, что в названном музее хранилось три оссуария из находок 1899 г., «из которых кости в одном «не потревожены», в другом частью утрачены; третий пустой». ⁵³⁶

Со времени счастливой находки в Самарканде и после появления публикаций о ней, в частности отмеченного выше сообщения Н. И. Веселовского, «вопрос об оссуариях, — как замечает Бартольд, — был предметом целого ряда рефератов и статей как со стороны петербургских, так и со стороны туркестанских археологов». ⁵³⁷

И действительно, сообщение М. М. Вирского о находках 1899 г. вызвало сообщение в ВОРАО Н. И. Веселовского, изложившего обстоятельства находки и описавшего найденные гробы. ⁵³⁸ Присутствовавший в заседании ВОРАО 27 января 1900 г. А. А. Половцов внес поправки к отчету Вирского, указывая, что все гробы были расположены правильно в одну линию или ряд на одном уровне. Что касается крышек гробиков, то «плитки из обожженной глины тонкие, совершенно плоские, больших размеров, с немного неправильными краями., покрывки из плиток не подходили плотно к гробикам, так как в последних было помещено количество костей, не

умещавшихся в них» В. В. Бартольд говорил о способах погребения, отмеченных у Табари и Наршахи, а Комаров указал, что литература по вопросу об отделении мяса от костей на Кавказе с указаниями на соответствующие арабские источники собрана Уваровым.⁵³⁹

В связи с сообщением Веселовского в заседании 24 февраля 1900 г. выступил П. К. Коковцев, приведший сведения об еврейских оссуариях (костниках), найденных в гробницах у Иерусалима, а также в Лидде и Александрии. «Если найденные в Самарканде костники, — замечал Коковцев, — по размерам и декоративным украшениям подходят к найденным в Иерусалиме, Лидде, Александрии и Алжире еврейскими костникам, то не имеют ли они тоже еврейское происхождение и попали в Самарканд из какой-либо другой, м. б. отдаленной страны, в виду желания умиравших быть перенесенными к себе в родное место?»⁵⁴⁰ Несколько времени спустя Коковцев добавил, что размеры самаркандских оссуариев очень близко подходят к размерам еврейских костников, описанных Клермон-Ганно.⁵⁴¹

Сообщение Веселовского о находке глиняных гробов в Самарканде вызвало и выступление В. В. Бартольда, который подчеркивал, что в дискуссии об оссуариях не обратили внимания на то, что «мы вообще не находим вполне однообразного способа погребения у различных ветвей иранского племени».⁵⁴² Отсюда нет оснований полагать, что в Средней Азии в мусульманское время воздвигались (как в Персии) дахмы. Здесь способ подобного погребения являет самостоятельную эволюцию и представляет уже некоторое дальнейшее развитие по сравнению с описанным у Юстина парфянским обычаем. В дополнение к текстам Табари и Наршахи Бартольд приводил арабские источники, восходящие к воспроизведенному им текстом Абу-Хамида ал-Андалуси или ал-Гарнати (XII в.) о зирхгеранах и их погребальных обрядах. Упоминал Бартольд также китайские известия о царстве Ши (Ташкент), где на престол ставили золотую урну с пеплом костей покойных родителей владельца.⁵⁴³

Н. И. Веселовский обратил внимание на сообщение астраханского торговца Абросимова (1842 г.), который, находясь в Хиве, наблюдал, как киргизы, вынув из могилы покойника, соскабливали мясо с костей, чтобы дать возможность родителям по возвращении покойника на родину свершить над ним обряд оплакивания и нового погребения близ родного аула.⁵⁴⁴

«Чрезвычайно интересный и обстоятельный доклад» об оссуариях долины р. Зеравшана (или как тогда еще говорили — урнах, гробах) И. Т. Пославский сделал в заседании Кружка 22 сентября 1903 г.⁵⁴⁵

В своей работе Пославский имел в виду исключительно «ящики или гробы, находимые под нынешним Самаркандом или в его окрестностях». Далее Пославский описывал их типичный общий вид и внешние признаки, подчеркивая, что ни один из гробов данной местности не имел крышек и таким образом «у ящиков самаркандского происхождения крышек не было».

Затем Пославский описывал наружные украшения стенок гробов, обращая особое внимание на то, что «гробы были обильно украшены с одной только стороны, именно с лицевой», что «судя по некоторым приметам и следам, эта сторона была выкрашена какой-то светлой краской».

Наличие украшений лишь на лицевой стороне, «разнообразие и характерность фигур» проводили автора к выводу, что «гробы» делались не по общему для всех шаблону, а «сообразуясь с индивидуальными свойствами или положением покойника». В совокупности с наличием сквозных вырезок на стенках, автор приходил к выводу, что все это не имело бы смысла, если бы гробы хоронились в земле. «Надо думать, что их хранили на виду и притом открытыми». ⁵⁴⁶

Беспорядочное расположение костей в гробах говорило, по мысли автора, что кости клались в гробы без мяса и «подвергались какому-то предварительному процессу, при котором несколько не следили за их порядком и расположением, и уже после этого они были положены в глиняный ящик, — положены опять-таки как пришлось». ⁵⁴⁷

Кости клались в гробы без земли, которая сопутствует костям сейчас, при находках гробов; земля в гробах вторичного, наносного происхождения, о чем говорит и нахождение земли во внутренних каналах крупных костей. ⁵⁴⁸

Ссылаясь на подобные находки в районах Ташкента, Шах-рисябза, Самарканда, Пославский высказывал уверенность, что и впредь их будет находиться много при широком ареале их распространения. Гробы, по словам Пославского, говорят о высоком состоянии культуры и широком распространении религиозного культа, с которым они связаны. Принадлежали гробы-саркофаги оседлому населению.

В своем докладе Пославский привлекал к делу также терракотовые статуэтки, ставя вопрос, не одновременны ли они глиняным гробам, «так как по качеству работы, глины и обжига, по разным деталям они очень напоминают собою украшения на гробах и кажутся однородными... Собственно, головки, за малыми исключениями, несомненно, служили украшениями гробов и сняты с лицевых стенок их». ⁵⁴⁹

В заключительной части доклада Пославский делал экскурс в историю Скифии и Египта. ⁵⁵⁰

В прениях по докладу И. Т. Пославского Н. П. Остроумов сообщил, что обычай «освобождать кости покойников от мясных покровов существует в настоящее время среди афонских монахов, которые через два или три года после похорон умершего инока вскрывают его могилу и кости скелета вымывают и складывают в особые усыпальницы». Н. А. Иванов добавил, что ему известен подобный же обычай извлечения костей, «отделившихся от мясных покровов после погребения в пещерах, образовавшихся в наносной лаве близ Неаполя». ⁵⁵¹

Как правильно замечал И. Т. Пославский, в связи с неожиданными находками оссуариев «в большом систематизированном количестве, или в коллекции, эти вещи сами начнут говорить». ⁵⁵²

В уже упомянутом выше докладе о новых данных об оссуариях, сделанном на заседании ТКЛА в октябре 1906 г., Остроумов в заключительной части этого доклада перешел к замечаниям по поводу предположений И. Т. Пославского, высказанных им в его докладе 22 сентября 1903 г.

Н. П. Остроумов подчеркивал то обстоятельство, что оссуарии хранились в земле. По его мнению, присутствие на оссуариях украшений не противоречит обычаю зарывания оссуариев под землей, ибо эти украшения могли иметь символическое значение почтения живых к умершим, не говоря об оссуариях, лишенных украшений вообще (и принадлежащих, по мысли докладчика, к погребениям менее состоятельных лиц).

Остроумов видел расположение украшений преимущественно на одной стороне оссуария не противоречащим обычаю захоронения под землей, а отражением обычая, по которому «умерший продолжает жить по-земному и гроб его напоминает жилище, в котором он обитал на земле до своей смерти». Многие оссуарии и напоминают «закругленное жилище кочевника с закругленной выпуклой покрывкой». По этой же линии идут (как просветы на лицевой стороне жилища) ажурные прорезы на одной стороне некоторых оссуариев. Только гончары делали оссуарии для бедных подешевле и попроще, а для состоятельных подороже и покрасивее». ⁵⁵³

Скорее всего кости при укладке в гроб специально пересыпались сухой чистой землей (сухой лессовой глиной). Судить же, какому народу — оседлому или кочевому — принадлежат оссуарии, пока преждевременно.

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями. А. А. Семенов указал на распространение оссуариев в Закаспийской области (Анау и Асхабад). ⁵⁵⁴ Н. Г. Маллицкий заметил, что неполный комплект костей человеческой особи в оссуариях может являться следствием очищения мяса от костей не только

птицами, но и мелкими хищными зверями.⁵⁵⁵ А. Д. Калмыков подчеркивал, что данный способ погребения имеет связь не столько с расовыми особенностями народов, населявших Среднюю Азию, сколько с той религией, которую эти народы исповедывали (зороастризм и буддизм).⁵⁵⁶

И. Т. Пославский еще раз подчеркнул, что его доводы были основаны исключительно на самаркандских находках, а не касались всех вариаций данного способа погребения. Он убежден, что некоторые оссуарии не имели крышек, а обстановка, в которой А. А. Половцов обнаружил самаркандские оссуарии, говорит, что «гробы стояли в жилом помещении».⁵⁵⁷

В научной дискуссии по поводу оссуариев особо выделяется второе, полемически заостренное выступление И. Т. Пославского. Указание последнего, что самаркандские оссуарии не имели крышек, вызвало замечание Н. И. Веселовского, что «известные до сих пор самаркандские оссуарии найдены не в первоначальном виде.., а потому судить о них надо с большой осторожностью; крышки могли легко утратиться, а отвергать их существование довольно рискованно».⁵⁵⁸

Пославский отстаивал ту точку зрения, что овальные оссуарии действительно имели крышки, но находимые в Самарканде оссуарии четырехугольной формы крышек (во всяком случае глиняных) не имели. Особенно важно, что в ходе полемики Пославский весьма наблюдательно, с выяснением технической стороны дела, отметил ряд конструктивных особенностей четырехугольных оссуариев, которые, по его мнению, свидетельствовали об отсутствии крышек. Вообще же говоря, и сам Пославский не отрицал возможности наличия крышек и на подобного типа оссуариях, но считал, что здесь могли иметь место несохранившиеся деревянные крышки или тканевые покрытия. И. Т. Пославский коснулся и технических приемов изготовления овальных, корзинообразных оссуариев, имеющих выпуклые глиняные крышки.⁵⁵⁹ Внимание автора привлек также вопрос о назначении имеющихся на некоторых оссуариях отверстий в боковой (лицевой) стенке⁵⁶⁰ и некоторые другие стороны дела.

В 1906 г. появилась заметка об оссуариях К. А. Иностранцева, который констатировал, что «так называемые глиняные гробы, вернее костехранилища, оссуарии, находимые в Туркестане, служили уже неоднократно предметом обсуждения и исследования как на заседаниях, так и на страницах ЗВОРАО⁵⁶¹ и ПТКЛА. «Сравнительно с другими памятниками домусульманской эпохи западной части Средней Азии оссуариям, относительно говоря, посчастливилось. В настоящее время, однако, необходимо признать, что многое еще должно быть

найдено, многое надлежит обследовать, а потому никаких окончательных выводов делать еще нельзя; перед нами—научный вопрос в движении». ⁵⁰²

Размеры туркестанских оссуариев оказались близкими южно-персидским (каменным), но «орнамент, богато представленный и заслуживающий изучения в туркестанских оссуариях, мало известен в южноперсидских оссуариях». ⁵⁰³

Статья Пославского вызвала два замечания Н. И. Веселовского. ⁵⁰⁴

Веселовский продолжал решительно возражать против мнения И. Т. Пославского об отсутствии крышек у самаркандских оссуариев. Веселовский считал, что в обстановке случайного нахождения оссуариев крышки от них легко могли утрачиться, что самаркандские оссуарии тождественны оссуарию с крышкой из находки Ваулина. В оссуариях мы имеем дело «с ремесленным шаблоном базарного предмета, а потому соображение г. Пославского, что гробы изготовлялись по специальному, вероятно, заказу, сообразуясь с индивидуальными свойствами или положением покойника — должно отпасть». ⁵⁰⁵

Веселовский обосновывал также свой приоритет в открытии самаркандских оссуариев: «До моей поездки в Самарканд в 1885 году,— писал он,— никто не знал о существовании оссуариев, я первый обратил внимание на загадочные глиняные черепки... и тогда же совершенно самостоятельно пришел к заключению, что эти черепки получились от разбитых гробов». ⁵⁰⁶ Веселовский говорил и о том, что он первый приписал оссуарии местным огнепоклонникам. ⁵⁰⁷ Веселовский замечал, что «предметы эти докладчику хорошо знакомы по его раскопкам в Афросиабовом городище в 1885 г., но тогда подобные гробы попадались лишь в обломках и без костей, а потому возбуждали разные вопросы и сомнения». ⁵⁰⁸

Эти утверждения Н. И. Веселовского вызвали обстоятельный ответ В. В. Бартольда, из которого перед нами вновь и вновь предстает ученый «щепетильный до крайности», корректный и в то же время высоко принципиальный и неумолимый во всем, что касалось научной точности. Веселовский был одним из ближайших его коллег по Восточному отделению Русского археологического общества, но это не помешало Бартольду внести ясность в затронутые Веселовским вопросы приоритета и, по сути дела, выступить в защиту прав ТКЛА в этом отношении. Доводы Бартольда заслуживают, чтобы мы воспроизвели их дословно. ⁵⁰⁹

«Вопросу об этих «оссуариях» (костехранилищах), посвящен уже целый ряд статей в изданиях Имп. Археологической комиссии и Кружка любителей археологии; в изданиях Коми-

тета оссуарии были упомянуты только один раз, когда пишущий эти строки, входя с предложением назначить пособие Туркестанскому Кружку (на заседании 26 апреля 1903 г.), отметил среди заслуг Кружка «открытие в Самарканде глиняных гробиков до-мусульманской эпохи». Одним из ученых, писавших об оссуариях, К. А. Иностранцевым, эти слова были поняты в том смысле, будто внесший это предложение член Комитета и согласившееся с ним собрание хотели установить в пользу Кружка приоритет в деле изучения оссуариев; К. А. Иностранцев видит противоречие между таким «мнением» Комитета и недавним «указанием». Н. И. Веселовского, «что он первый обратил внимание на оссуарии Западного Туркестана». Едва ли употребленное в протоколе заседания слово «открытие» давало повод к такому толкованию, тем более, что то же самое слово, по отношению к той же счастливой находке 1899 г., неоднократно употребляется в рефератах и статьях самого Н. И. Веселовского. Благодаря деятельности Кружка было сделано научное открытие, составившее эпоху в деле изучения археологии края; только после этого открытия, существенно отличавшегося по своим размерам и своей обстановке от прежних находок таких же предметов, вопрос об оссуариях был поставлен на очередь в ученой литературе. Упомянув о такой заслуге Кружка, автор предложения не видел никакого основания касаться вопроса, когда впервые были найдены подобные предметы и когда были сделаны первые попытки к их объяснению; еще меньше, по всей вероятности, имелся в виду этот вопрос членами Комитета, одобрявшими подобное положение. Своего «мнения» о том, кто «первый обратил внимание на оссуарии Западного Туркестана, Комитет никогда и нигде не высказывал и не имел к этому никаких оснований».

Закljučая свою статью, В. В. Бартольд писал: «Позволяем себе выразить надежду, чтобы местными деятелями, особенно членами Туркестанского Кружка археологии, были приняты меры к подробной и своевременной регистрации случайных находок, которые ввиду полного отсутствия признаков, в каких местах следует искать оссуариев, несомненно, всегда будут гораздо многочисленнее, чем находки, сделанные при правильных раскопках».

Статья Бартольда увидела свет в 1908 г., в том самом году, когда Кружку еще раз удалось обогатить науку новыми и притом в совокупности своей доселе непревзойденными находками оссуариев.

Спустя примерно десять лет со времени возникновения в русской научной литературе оживленной дискуссии об оссуариях Средней Азии, член ТКЛА Б. Н. Кастальский весной 1908 г. в

кишлаке Бия-Найман, Катта-Курганского уезда, нашел многочисленные (до 700) фрагменты оссуариев особого типа. Предварительное сообщение об этих находках сделал в ТКЛА 26 мая 1908 г. И. Т. Пославский,⁵⁷⁰ а затем в приложении к ПТКЛА за 1909 г. была опубликована статья самого Б. Н. Кастаньского о его находках.⁵⁷¹

«В Катта-Курганском уезде,— говорит В. В. Бартольд,— были найдены лучшие в художественном отношении из так называемых оссуариев — наиболее интересного и своеобразного памятника художественной промышленности Средней Азии».⁵⁷²

В своей статье Б. Н. Кастаньский, помимо общих сведений об условиях и обстоятельствах своей находки, остановился на следующих «оссуарных» вопросах: материал и способ выделки оссуариев, способ выделки орнамента, размеры, общие детали, колонны и арки (в изображениях на внешних стенках оссуариев), углы, внутренние полки, детальное описание фигур (фигуры I, II, III, IV), сходство и различие бия-найманских оссуариев и самаркандских. В приложении к тексту статьи автор детально описал восстановленный им по фрагментам терракотовый треугольник с орнаментом и найденные вместе с обломками оссуариев три пустотелых шарообразных ручки из глины.⁵⁷³

Сам Кастаньский подчеркивал предварительный характер своей публикации и, не делая определенных выводов, указывал, что, «судя по художественности и разнообразию изображений, по выразительности эмблем, по качествам выделки и проч., нужно признать, что народ, употреблявший для погребения подобного рода оссуарии, находился на весьма высокой степени культуры и имел какой-то, весьма сложный и твердо установленный религиозный культ, в который весьма важным отделом входило погребение предков и почитание памяти их после смерти».⁵⁷⁴

Новшеством и достижением в системе осуществлявшихся Кружком публикаций явились приложенные к статье Кастаньского двухкрасочные чертежи, воспроизводившие в натуральную величину бия-найманский оссуарий с фигурными изображениями и терракотовый треугольник (прориси, исполненные Кастаньским; «чертежи № 1 и № 2»).

На заседании ТКЛА 26 мая 1908 г. принял участие известный ученый, академик К. Г. Залеман.⁵⁷⁵ Залеман интересовался деятельностью Кружка, высказал некоторые соображения по поводу найденных незадолго до этого оссуариев, консультировал отдельных членов Кружка.

Осмотрев некоторую часть обломков бия-найманских оссу-

ариев с фигурными изображениями, акад. К. Г. Залеман высказал предположение, что мы имеем дело с изображениями людей, исповедующих культ Зороастра (фигуры держат в руках растение гаему, прославляемое в Зенд-Авесте, дающее здоровье и, главное, — бессмертие).⁵⁷⁶

При этом было высказано предположение, что изображаемые четыре типа мужчины с женщиной под аркой (два спереди и по одному на правой и на левой сторонах четырехугольного гроба) представляют собою четыре сословия зороастрийцев: жрецов, воинов, ремесленников и земледельцев. «И это предположение, — говорит Залеман, — подкрепилось осмотром подлинных черепков у владельца в Самарканде».⁵⁷⁷

Членов Кружка интересовали также вопросы техники изготовления оссуариев⁵⁷⁸ и способов нанесения на них «рельефного рисунка фигурного и листовного орнаментов»,⁵⁷⁹ размеров и устройства оссуариев.⁵⁸⁰

По поводу бия-найманских находок член Кружка А. Д. Калмыков «в пространном объяснении отнес найденный оссуарий к IV—VII в. после Р. Х.»⁵⁸¹ Из рисунков, выгравированных на крышке гробика, докладчик вывел заключение, что гробики принадлежат племени, поклонявшемуся мифическому растению «Гаома» или «Сома»; о культе «Гаома» упоминается в «Зенд-Авесте».⁵⁸²

А. Д. Калмыков считал, что «хотя это и последователи Зороастрова учения, но культ их отличается от огнепоклонников Персии и, вероятно, даже враждебен им».⁵⁸³ Он же говорил, что оссуарии Средней Азии указывают на осуществление в ней совершенно особой формы зороастризма, отличающейся от ортодоксального сасанидского культа и предлагал датировать бия-найманские оссуарии временем с III до IX в. н. э.⁵⁸⁴

Н. П. Остроумову принадлежит наблюдение, что «чем дальше на север, тем грубее работа оссуариев; лучшие по изображениям найдены в Катта-Кургане (Кастальский), затем в Самарканде (Пославский); Ташкентские (Остроумов) имеют более простой орнамент, а в Аулие-Ата гробы лишены всякого орнамента».⁵⁸⁵

М. С. Андреев («Афанасий Никитин») в газетной заметке упомянул (в связи с находками глиняных гробов в окрестностях Ташкента и Самарканда) о находке в Лехе (главном населенном пункте Ладаки в Западном Тибете) глиняных горшков из могил, наполненных человеческими костями и металлическими украшениями.⁵⁸⁶

В общем мы имеем право констатировать, что ряд наблюдений, сделанных местными работниками в области изучения оссуариев, сохранил свое значение до наших дней и полностью

или частично подтвердился в ходе дальнейшего исследования вопроса. К числу таких наблюдений относится мнение, что прямоугольные оссуарии воспроизводят в своих общих чертах дома оседлого населения, а овальные оссуарии — юрту кочевников.⁵⁸⁷ То же можно сказать и о В. Л. Вяткине, полагавшем, что оссуарные крышки воспроизводят форму крыш древних жилищ.⁵⁸⁸ А. Д. Калмыков не без оснований говорил о наличии влияния античности на украшавшие оссуарии изображения⁵⁸⁹ и он же впервые пытался истолковать «своеобразие типа оссуарных колонок»⁵⁹⁰

К сожалению, заключительный этап в истории плодотворного изучения силами членов Кружка вопроса об оссуариях завершился не логическим подъемом на более высокую ступень научных представлений, а неожиданным скатом, шагом назад, любопытным и полуанекдотическим научным курьезом.

Мы имеем в виду пресловутую попытку приписать имеющимся на некоторых туркестанских оссуариях линейно-геометрическим древовидным изображениям значение письма и истолковать его смысл.

5 октября 1916 г. состоялось «соединенное собрание» Кружка и Туркестанского отдела Русского географического общества. Вице-председатель ознакомил собравшихся с вопросом об оссуариях и, в частности, о ветве-(древу)-видных изображениях на них, вполне обоснованно и правильно «принимая их за орнаменты».

Вслед за тем слово было предоставлено члену Кружка Эггерту, который в широковещательной и наукообразной форме выступил с сообщением об алфавите мушаджар, который он считает применительным к изображениям на туркестанских оссуариях.⁵⁹¹ Вскоре Кружком был опубликован и сам доклад Эггерта.⁵⁹²

Докладчик претендовал на честь первооткрытия в духе, скажем, открытий Шамполиона. Как пишет Эггерт, он убедился, что «надписи» на оссуариях Ташкентского музея и оссуариях, найденных им, Эггертом, близ Ногай-Кургана, «действительно существуют в виде начертаний «сарвака», скрытых в орнаменте».⁵⁹³

Сущность «открытия» Эггерта и сводилась к тому, что взор его как-то пал на древовидный алфавит (арабск. «мушаджар», персидск. «сярвак»). А так как буквы этого алфавита представляли собой сочетание косых черточек, в разном количестве идущих по той или другой стороне (или двум сторонам) вертикальной черты, то Эггерт припомнил ветвевидные изображения на оссуариях. И хотя, казалось бы, самое пылкое и безудержное воображение не могло привести к вы-

воду, что линейные изображения на оссуариях можно по каким-то таинственным признакам разделить на составные элементы, каждый из которых якобы соответствовал определенным буквенным обозначениям, Эггерт сделал это, мало, кстати сказать, размышляя над вопросом, как соответствуют друг другу во времени алфавит «мушаджар» и оссуарии.

Примечательно, что сам Эггерт ни в малейшей степени не владел восточными языками. Сами мнимые надписи в дешифровке Эггерта звучали вполне в духе сентиментально-мешанских надгробных эпитафий на современных кладбищах: «На могиле твоей, розочка наша, цветок мы сажали. Умерла. Увы, увы, увы!!!»

Самое удивительное заключается в том, что вопреки абсолютной вздорности фантастических суждений Эггерта, сделанное в обстановке торжественности предложение считать Эггерта «пожизненным членом Туркестанского Кружка любителей археологии... было встречено рукоплесканиями собрания и единогласно принято собранием».⁵⁹⁴

История с «открытием» Эггерта как бы напоминала, что в работе Кружка было еще много идущего не от строго научной традиции его покровителя — Бартольда, а от глухого провинциализма, дилетантизма, кустарничества, время от времени дававших о себе знать.

Еще более интересно, что об антинаучном характере домыслов Эггерта настойчиво и многократно сигнализировал Кружку как раз его неизменный шеф — Бартольд.

Уже первые известия об «открытии» Эггерта заставили Бартольда насторожиться. В письме 13 января 1916 г. он писал Остроумову: «Фон-Эггерт у меня не был и его работы я не знаю; что Вы о ней пишете, меня, признаться, несколько смущает. Не найдете ли Вы возможным до печатания мне показать или послать рукопись какому-нибудь ученому, которому Вы доверяете, хотя бы Крачковскому... ибо вопрос имеет связь с арабской филологией».⁵⁹⁵

В письме 26 февраля 1916 г. Бартольд писал: «Недавно у меня был фон Эггерт; из разговора с ним мне было нетрудно убедиться, что его открытие — мания больного человека. ... Откровенно говоря, я находил бы, что печатать такую статью в «Протоколах» не следует».⁵⁹⁶

И уже пост фактум, после отмеченного выше «эггертовского» заседания Кружка Бартольд говорил, что на него «признаться, произвело не совсем хорошее впечатление, что на соединенном заседании географического общества и археологического кружка, на котором предлагалось установить программу общей научной работы, слушались фантазии фон-Эггерта, не имеющие к науке никакого отношения».⁵⁹⁷

Из хранящейся в архиве ТКЛА рукописи мы узнаем об обстоятельствах находок оссуариев, сделанных Эггертом. «Представленные на заседании гробики,— пишет автор,— были найдены в Ногай-Кургане, селении, расположенном на берегу Салара в 6—7 в. от города Ташкента». Здесь имелся «небольшой бугор вблизи ж. д. будки, на котором стоит триангуляционная вышка...

Здесь... Эггерт в прошлом 1916 году начал отыскивать свой материал... Вооружившись... мотыгой... разрыхлял комки земли, среди которых скрывались кое-где фрагменты (оссуариев)». ⁵⁹⁸

Далее автор сообщает, что «южнее этого бугра в ¼ версте расстояния от него возвышается другой бугор». Здесь, в отвалах земли, были обнаружены фрагменты керамики, монет и других предметов древности. «Но что еще больше поражает — это находка глиняных оссуариев, тут же, среди остатков жилых помещений. (Позволю себе обратить внимание на интерес, который представляет орнамент, составленный не только из листьев, заполненных черточками или кружками, а из ряда глубоких клинообразных начертаний, напоминающих древнюю клинопись. Не меньший интерес представляет орнамент, состоящий из ряда изображений животных и бычачьих головок, иногда же изображение целого человека, а ручки на крышках представляют из себя голову совы. Стенки некоторых оссуариев увеличены зубцами, которые расположены в известном порядке, но различны по формам и размерам)». ⁵⁹⁹

Впрочем, если рассматривать дискуссию об оссуариях в более широком плане и не ограничиться рамками Кружка, то надо признать, что заключительным предреволюционным «аккордом» этой дискуссии явилась статья ее активного участника — Н. И. Веселовского о греческих изображениях на туркестанских оссуариях, напечатанная на страницах Известий Археологической комиссии уже после революции 1917 г. ⁶⁰⁰

Для накопления материалов к решению вопроса об оссуариях имело также значение появление работы К. А. Иностранцева о домусульманской культуре Средней Азии. ⁶⁰¹

Говоря об оссуариях, автор указывает на сходные носителям культуры оссуариев верования у турецких и уральских народов. Иностранцев сближал с астодами персидских верований погребальные сооружения, найденные арабами в Западном Туркестане и именовавшиеся ими словом «наус».

Подводя же итоги вопроса об участии Кружка в изучении оссуариев нельзя не прийти к выводу, что в этой области Кружком было сделано очень много, и в содружестве с учеными Петербурга и других городов члены Кружка активно участвовали в первых попытках решения вопроса об оссуариях на

основе большого фактического материала, значительная доля которого была накоплена стараниями самого же Кружка.

Добавим, что со времени описанной выше ташкентской находки 1871 г. и вплоть до середины 30-х годов нынешнего столетия находки оссуариев носили случайный характер, что не давало возможности установить их связь в определенных археологических комплексах.

Изучение советскими археологами оссуарных могильников в различных районах Средней Азии и Казахстана (Анау, Хорезм, Согд, Шаш, Семиречье) внесло значительно больше ясности в вопросы датировки различных групп оссуариев и пополнило запас наших представлений о них. Советские ученые поставили ряд дополнительных вопросов, связанных с изучением оссуариев в связи с нахождением оссуариев неизвестных раньше типов (по форме их и характеру изображений).

Все же и сейчас тема оссуариев содержит в себе много недоуменных вопросов. Остается под сомнением вывод о связи формы оссуариев с формами жилищ того или иного района и многие другие, уже ставшие одно время прочно входившие в научный обиход.⁶⁰²

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Значительный вклад внес Кружок в изучение так называемых каменных баб — этой разновидности статуарных изваяний в их различных вариациях.

На первом месте здесь стоят учет, фиксация и описание силами членов Кружка данного вида памятника, но в деятельности Кружка имелись попытки и обобщить и истолковать его.

Надо подчеркнуть, что о нахождении каменных баб в Средней Азии долгое время не было известно. Характерно, что в числе вопросов, предложенных на рассмотрение I Археологического съезда 1869 г., имелся вопрос о каменных бабах, но без упоминания о каменных бабах Средней Азии.⁶⁰³ Нет данных о каменных бабах Средней Азии и в известной сводной работе А. С. Уварова «Сведения о каменных бабах».⁶⁰⁴

В Семиречье первой находкой каменных баб принято считать находку 1870 г., когда Г. А. Колпаковским была найдена «каменная баба обычного типа: с чашей и мечом... в 1½ саженьях от берега Иссык-Куля у Кой-Су».⁶⁰⁵

Указание это (В. А. Мустафина и др.) неточно. Еще в 1800 г. русские горные инженеры Поспелов и Бурнашев зафиксировали наличие каменных баб в степи, по дороге в Ташкент, на могильном кургане.⁶⁰⁶

Спустя 16 лет после находки Г. А. Колпаковского, каменные бабы Семиречья были обнаружены: доктором Ф. В. Пояр-

ковым на Сан-Куле, в верховьях Каракола, на Иссык-Куле и близ Пишпека, а горным инженером Д. Л. Ивановым в нескольких пунктах по северному берегу Иссык-Куля.⁶⁰⁷

Далее следует ряд находок, сделанных членами ТҚЛА.

Члену ТҚЛА В. А. Каллауру наука обязана открытием каменных изваяний («каменных баб») в пределах Аулие-Атинского уезда. В 1885 г. Каллаур обнаружил одно из изваяний на кургане Сим-Тюбе вблизи Мерке; в 1889 г. ему была доставлена еще одна каменная баба, найденная в горах Кара-Тау на Кок-Тале, а в 1893 г. и последующих годах Каллаур зафиксировал еще ряд изваяний.⁶⁰⁸

Определенное значение имели наблюдения Каллаура касательно того, что «чем дальше на запад (от Мерке), тем бабы сделаны менее искусно», что «бабы» высечены из каменных горных пород, находящихся поблизости, и особенно данные об условиях нахождения «баб», в частности на сложенных из камня конусообразных курганах, часто с воронкообразными углублениями на вершине. Каллаур указал туземные названия каменных баб: «Сим-Таш», «Сюрет-Таш». Им же была высказана догадка, не обращались ли изображения баб к стоянкам, располагавшимся у воды, и отмечено, что в некоторых случаях на одном кургане располагалось по нескольку каменных баб.

В распоряжение В. А. Каллаура в 1896 г. поступила каменная баба (женское изваяние), найденная Умбетали Наргозиным на левом берегу р. Урмарала, выше дороги в селение Дмитриевское.⁶⁰⁹

Две каменные бабы были встречены В. А. Каллауром около курганов на Таш-Бастау, в 60 верстах от города Аулие-Ата, одна (мужская) на р. Кок-Талу, в местности Гыш-Купыр, у одного из разрытых курганов; по сведениям местных жителей две каменные бабы имелись в верховьях р. Бадама.⁶¹⁰

В августе 1896 г. И. В. Аничков совершил поездку в предгорья Александровского хребта (район Мерке) специально для осмотра каменных баб.⁶¹¹ В местности Чуль-Джайлау им были осмотрены груды камней, около которых лежали три «бабы» (одна из них целая). Еще одна «баба» была осмотрена в куче камней в долинной местности Бак-Текень и четыре, доставленные киргизами с долины. Сопровождавшие Аничкова лица установили, что в местности Джаланащ, в долине, находятся две уцелевшие груды камня и при них врытые в землю бабы» (врыты в землю по плечи). Сам Аничков обнаружил здесь части еще одного изваяния. По рассказам местных жителей, «масса баб» встречалась в местностях Арал-Тюбе, Чай-Сандык, Чин-Булак, на Койне под Карабалтами и далее, за Александровским хребтом, до Таласского хребта.

Все виденные Аничковым изваяния были сделаны из красного камня и все они были вкопаны в землю около каменных груд. И мужские и женские фигуры все «выбиты со сложенными на животе руками, держащими какой-то предмет, напоминающий сосуд с перехватом».

Из приводимых Аничковым общих соображений о назначении каменных баб следует отметить его гипотезу, что так называемые кульп-тасы с надписями на могилах татар и киргизов по своей форме (например, в Каракумах, на возвышенности Кок-Думбак) могут являть собой «переживание прежнего изображения человека, которое мы встречаем в каменных бабах». ⁶¹²

В 1896 г. И. В. Аничков обнаружил несколько каменных баб, изваянных из красного камня в предгорьях Александровского хребта. ⁶¹³

На примечательное обилие каменных баб в станице Сергиопольской, Лепсинского уезда (на почтовом тракте между гг. Верным и Семипалатинском), доставленных из окрестных урочищ и использованных в виде столбов у домов и для других целей, обратил внимание член Кружка Н. Н. Пантусов, снявший фотографии с «баб», находившихся в восьми пунктах станицы (собрания Ташкентского музея). ⁶¹⁴

Куски и обломки каменных баб были обнаружены Н. Н. Пантусовым также вблизи намогильного плитнякового сооружения, связываемого населением с именами Козу-Керпеч и Баян-Солу (Лепсинский уезд, на Сергиопольско-Верненском почтовом тракте). ⁶¹⁵ Он же обнаружил в делах Семиреченского областного правления переписку о доставлении в Московский исторический музей каменной бабы, находившейся у названного памятника. ⁶¹⁶

На возвышенности левого берега Куртинки, у границы урочища Таскотан, Куртинской волости, Верненского уезда, Н. Н. Пантусов в 1897 г. обнаружил три могилы: «Крайняя к реке была целая, не окопанная, а средняя раскопана киргизами и в нее вложены были одна разбитая каменная баба и три целые бабы», с которых были сделаны снимки. ⁶¹⁷

Н. Н. Пантусов отметил присутствие баб в пределах Алтын-Эмельской волости, Капальского уезда. ⁶¹⁸

Член Кружка В. П. Колосовский доставил фотографию каменной бабы из урочища Усу-Тас в восточной части Каратауских гор. ⁶¹⁹ в которых (в урочище Как-Тал, Аулие-Атинского уезда) В. А. Қаллауром была найдена подобная же баба.

Открытия В. А. Қаллаура и других побудили члена ТКЛА В. А. Мустафина выступить с весьма обстоятельным для своего времени сводным очерком о каменных бабах. ⁶²⁰ Дав обзор

литературы вопроса, Мустафин изложил историю изучения каменных баб на территории Семиречья и Туркестана и пытался прийти к некоторым общим выводам, основанным на сопоставлении местных каменных баб с находками их в других районах России, особенно в Западной Сибири и южной России (тот же, в основном, тип: большая грубость изготовления, преобладание, в отличие от южной России, мужских изваяний и т. д.).

Мустафин полемизировал с Флоринским, высказывавшимся в пользу отнесения каменных баб к «доисторическим памятникам славян», и считал большую часть их принадлежащей «к памятникам тюркского происхождения». ⁶²¹

Некоторыми общими соображениями о каменных бабах поделился активист Кружка Н. Джетбысбаев; из приводимых им данных выделялись указания, что «бурханы у буддистов, и истуканы у шаманистов совершенно похожи на... каменные бабы». ⁶²²

Член Кружка И. В. Аничков указывал, что в Оренбургском музее имеются каменные бабы, обнаруженные в пределах Тургайского уезда и области, и, напоминая, что подобного рода изваяния обнаружены в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах, ставил вопрос, — нет ли подобного рода находок и в Перовском уезде, дабы «связать площадь распространения их в южной и восточной России через Оренбургскую степь с Семиречьем, Сибирью и Монголией». ⁶²³

Из сказанного можно сделать вывод, что и в области изучения «каменных баб» Кружок обогатил наш запас сведений о них многочисленными фактическими наблюдениями, попытками установить ареал данных памятников и уяснить их назначение.

Как известно, вопрос о древних каменных изваяниях человеческих фигур («каменных бабах») и до настоящего времени не может считаться изученным окончательно.

Трудами советских археологов значительно расширены представления об ареале этого вида памятников в СССР и выделены различные типы изваяний (причем установлено, что некоторые из них восходят ко времени бронзового века, другие — к скифо-сарматскому времени). Все более выясняется связь изваяний с культом предков, хотя и здесь еще подлежат уточнению многие стороны вопроса.

В уточнениях нуждаются и вопросы датировки и генезиса определенных групп «каменных баб».

В общих чертах мы можем отметить, что «каменные бабы», обнаруживавшиеся и фиксировавшиеся членами ТҚЛА, прилегают в целом к группе изваяний, оставленных тюркоязычным населением Семиречья в основном в период VI—IX вв.

РАЗНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Среди опубликованных на страницах Протоколов ТҚЛА статей и работ членов Кружка мы встречаем и такие, которые по своему содержанию и характеру не могли быть включены в какой-либо из предшествующих разделов, посвященных тем или иным категориям памятников древности.

На важнейших, наиболее примечательных из таких статей, работ и данных мы и останавливаем внимание в данном разделе.

На страницах Протоколов Кружка мы находим, например, и публикации историографического порядка. Многие из них интересны в качестве одного из источников к истории туркестановедения для понимания процессов развития восточноведческих изысканий в Средней Азии второй половины XIX—начала XX в.

Первую попытку дать обобщенный историографический очерк археологических открытий и наблюдений в Туркестанском крае в период времени до учреждения ТҚЛА, т. е. до 90-х годов прошлого столетия, представлял собой очерк на эту тему Н. С. Лыкошина, который при всей своей неполноте и сейчас может служить ценным подспорьем для историографа вопроса.⁶²⁴

Большое принципиальное значение имела для своего времени оставившая глубокий след в туркестанской историографии работа В. В. Бартольда об арийской культуре в Средней Азии.⁶²⁵ Работа эта во многом носила характер постановки важнейших вопросов изучения древнейшего прошлого Средней Азии.

В известной мере к этой широко известной публикации В. В. Бартольда примыкает более ранняя его публикация об археологических исследованиях в Туркестане, в которой Бартольд особо подчеркивал важность задачи историко-географических изысканий.⁶²⁶

Эта публикация Бартольда была основана на его сообщении на заседании Туркестанского отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 11 декабря 1893 г.

В 1898 г. на страницах местных изданий появились сводный очерк В. В. Бартольда по истории Семиречья⁶²⁷ и его работа о письменных источниках об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи.⁶²⁸

Мы не говорим уже о таких капитальных трудах В. В. Бартольда, как «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», «Историко-географический обзор Ирана», «История изучения Востока в Европе и России», «К истории орошения Туркестана» и других, поскольку их публикация не была связана с мест-

ными (туркестанскими) учреждениями и организациями. Особо надо упомянуть только программную публикацию Бартольда о «Задачах русского востоковедения». ⁶²⁹

В известной мере историографический характер носила публикация Остроумова об Александре Македонском ⁶³⁰ и его же (во многом компилятивная) работа об единицах ценности у первобытных народов. ⁶³¹

На страницах Протоколов был опубликован библиографический указатель литературы по Джанкенту. ⁶³²

Историографический характер носили публикации Н.Г. Маллицкого по Ташкенту ⁶³³ и В.Л. Вяткина по Ташкентской округе ⁶³⁴ и уже не раз упоминавшиеся выше некоторые работы В. А. Каллаура.

А. А. Семенов дал общий очерк истории Шугнана. ⁶³⁵

Отметим любительскую, но для того времени одну из немногих публикаций по вопросу о древней керамике. ⁶³⁶

Кружок ознакомил читателей Протоколов с археологическими работами в Китайском Туркестане, ⁶³⁷ с работой Гюнтера «Был ли бронзовый век», ⁶³⁸ с сочинением К. Ф. Тиандера о культовом пьянстве, ⁶³⁹ пытался проследить культ змей у различных народов и следы его в Туркестане. ⁶⁴⁰

Очерку Хивы (культура, искусство, памятники) посвятил свою публикацию А. Д. Калмыков. ⁶⁴¹

Он же задумал цикл публикаций по основным вопросам археологии Средней Азии, успев опубликовать первый историографический очерк этого цикла по мечетям. ⁶⁴²

Должна быть отмечена публикация В. А. Мустафина, посвященная памяти академика К. Н. Бестужева-Рюмина. ⁶⁴³ а также статьи И. Ю. Крачковского памяти В. Р. Розена ⁶⁴⁴, Н. П. Остроумова памяти А. Вамбери, А. Скворцова памяти Е. Т. Смирнова. ⁶⁴⁵

К разряду общих очерков примыкала публикация Д. Д. Струнина по «истории татар». ⁶⁴⁶

Член ТҚЛА М. Ф. Гаврилов опубликовал сохранившую и до сего времени свое значение, сопровождаемую обильной библиографией вопроса, работу об уставах цеховых организаций ремесленников. ⁶⁴⁷ Работа эта получила высокую оценку специалистов, в наши дни у С. Е. Малова в его статье «Уйгурский торговый обрядник (рисале) из Западного Китая». ⁶⁴⁸ Уже в годы Советской власти М. Ф. Гаврилов выпустил в свет интересную работу «Кукольный театр Узбекистана». ⁶⁴⁹

Работы историографического (и библиографического) характера как бы замыкались публикацией указателей к Протоколам Кружка за двадцать лет его существования. ⁶⁵⁰

Что касается предметов древности, то специальное место в деятельности Кружка заняло, например, обсуждение вопро-

са о любопытной категории керамических изделий, вызвавших в науке широкую дискуссию об их назначении — так называемых сфероконических сосудах, известных также под именем «симобкузачи».⁶⁵¹

Несколько сфероконических сосудов из зеленовато-серой глины было обнаружено еще в 1875 г. при раскопках в Искетой-Тюбе Ташкентского уезда («назначение этих странных сосудов в точности неизвестно; местные жители толкуют, что сосуды эти служили в военном деле. Их наполняли горючими веществами, между прочим, нефтью, зажигали и пускали в неприятеля»)⁶⁵²

В 1895 г. в связи с часто встречавшимися ему в развалинах Термеза фрагментами сфероконических сосудов И. Т. Пославский замечал, что по качеству глины и обжига их очень легко заметить между обломками. Отмечая наличие на фрагментах разнообразных и тонких украшений, Пославский писал, что «по предложению некоторых, эти кувшинчики играли роль брандкугелей — зажигательных снарядов. Спрашивается, зачем бы их украшать с таким старанием, если конечное назначение их — быть брошенными и разбитыми?»⁶⁵³

В развалинах крепости «кала-и-муг», расположенной выше Ходжента, по Ходжентскому саю, М. С. Андреев обнаружил «сосуд из огнеупорной глины... из числа так называемых слезниц..., туземцы их называют «муг-кузачасы» (кувшинчик мугов)».⁶⁵⁴

Ташкентский казий Раим-бек передал Н. П. Остроумову 16 сфероконических сосудов, найденных в окрестностях города.⁶⁵⁵

8 ноября 1910 г. состоялось заседание ТКЛА, на котором Н. П. Остроумов сделал сообщение о том, что на одной из окраин Ташкента, недалеко от дома кукчинского казиза, обнаружено большое скопление «брака» сфероконических сосудов, «выделывавшихся недалеко от места их обнаружения».⁶⁵⁶

Сфероконические сосуды привлекли к себе внимание ВОРАО и в связи с подаренными Обществу О. Э. Леммом обломками керамических изделий из окрестностей Самарканда. Н. И. Веселовский указал, что среди них есть обломки сфероконических сосудов, а Я. И. Смирнов заметил, что подобные сосуды с остатками ртути внутри них были найдены в Иерусалиме при раскопках в Харам-Эль-Шерифе и других местах, иногда с арабскими надписями.⁶⁵⁷

Э. Ленц приходил к выводу, что: «1) форма сосудов не противоречит предполагаемому их назначению служить для перевозки и хранения ртути..., 3) фактические данные, т. е. остатки содержимого в некоторых сосудах, и живое еще пре-

дание среди туркестанского населения свидетельствуют в пользу предполагаемого назначения сосудов». ⁶⁵⁸

Появление в печати известной статьи Э. Ленца вызвало опубликование весьма обстоятельной статьи члена ТКЛА И. Т. Пославского. бывшего, кстати сказать, усердным собирателем сфероконических сосудов (в пределах Средней Азии им было собрано свыше 30 целых таких сосудов и множество фрагментов, «я,— замечает автор,— мог бы собрать их сотни, а черепков многие тысячи, но отбирал только наиболее характерные»). ⁶⁵⁹

Указывая на места нахождения сфероконических сосудов в Туркестанском крае (Самарканд, Ташкент, Отрар, Термез и многие другие), Пославский указал, что по его наблюдениям сосуды эти в каждом из пунктов их нахождения делятся на две характерные группы: одна из них светлее (серо-желтая), другая темнее (серо-синяя), причем сосуды первой группы «обыкновенно простой формы, почти без украшений и отделки, небольшой величины и водопроницаемы..., сосуды второй группы отличаются изяществом формы, тщательностью исполнения и разнообразием отделки и... только на изделиях этой категории можно встретить богатый и красивый орнамент... Материал этих синеватых сосудов отличается необыкновенной твердостью... Обе категории... сосудов делались из одной глины, но разным способом,—сообразно своему, вероятно, различному назначению».

Загрязненность, замасленность ряда сосудов говорят, по мнению Пославского, об употреблении их для хранения масла и других веществ и таким образом «сосуды имели разнообразное назначение, а не служили исключительно только для помещения ртути... Это именно домашняя утварь различного назначения, игравшая, может быть, совершенно такую же роль, какую играет у нас стеклянная посуда». ⁶⁶⁰

Что касается возможности боевого назначения таких сосудов (ручные гранаты), то Пославский не исключал возможности частичного употребления их (особенно серо-желтых, простых, без наружных украшений, слабого обжига и легко ломающихся) в качестве гранат. ⁶⁶¹ От «ртутной теории» же автор призывает категорически отказаться.

По инициативе Пославского после его доклада о глиняных сосудах с коническим дном, сделанного на заседании Кружка 28 марта 1905 г., на этом же заседании было произведено вскрытие одного из таких сосудов (из собрания А. А. Половцова), сохранившего смоляную закупорку (редкий случай). Сосуд был разбит молотком. «На дне оказался порошок темно-коричневого вида, который издавал довольно сильный за-

пах, позывающий на чихание и немного напоминающий табак,⁶⁶² под порошком оказались шарики ртути, микроскопические шарики замечены и в скважинах на внутренней поверхности сосуда».⁶⁶³

Заслужой Кружка (свидетельствующей и о постепенном совершенствовании методики его научных занятий) явилось решение осуществить химический анализ остатков содержимого в сосуде. Анализ произвел магистр Н. Тейх, давший такое определение вещества: «Смесь серовато-коричневого цвета, в виде мелких липких комочков и ртути в шариках разной величины, от булавочной головки до мельчайших ее частиц. Комочки эти состоят из смеси глины (лесса) и мума — продукта, получаемого при сгущении сырой нефти, встречаемого также в природе, как земляной воск (озокерит)».⁶⁶⁴ Сам анализ показал, что в ста частях по весу содержимого в кувшинчике оказалось: 40,5 частей мума (нефтяного остатка), 31,0 — ртути и 28,5 — лесса (почвы, анализ которой дан отдельно).

В сочетании с вскрытием сосуда и химическим анализом содержавшегося в нем вещества выступление И. Т. Пославского о назначении сфероконических сосудов оставило заметный след в литературе вопроса.⁶⁶⁵

То же можно сказать и о работах Кружка по обследованию пещеры Кан-и-Гут.

Первоначальное краткое сообщение о пещере Кан-и-Гут было сделано М. С. Андреевым в 1896 г.⁶⁶⁶

Неопределенные, но интригующие сведения о пещере Кан-и-Гут (в горах Шадымир, в ущелье Занкур, в 20—25 верстах к западу от селения Чарку Кокандского уезда)⁶⁶⁷ вызвали в 1896 г. поездку членов ТКЛА М. С. Андреева и Н. Г. Маллицкого, из которых Маллицкий составил обстоятельное описание пещеры и пропасти в ней.⁶⁶⁸

По мнению Маллицкого, пещера Кан-и-Гут — заброшенный рудник; «большие пустоты, как-то залы и пропасти, образовались путем естественным, но человек, по-видимому, воспользовался работой природы и пробил в разных местах пещеры подземные галереи и стены» (стр. 11). В заключение Маллицкий приложил перевод рассказа (персидский текст с арабскими выражениями) о пещере Кан-и-Гут («Рудник погибели»), содержащегося в старинном рукописном экземпляре сочинений Авиценны (Ибн Сины), принадлежавшем Махтуму Мушрабову (Ташкент).⁶⁶⁹

В данный раздел, вслед за данными о пещере Кан-и-Гут, мы включаем и те немногочисленные сообщения о древних горнорудных разработках, какие встречаются в Протоколах.

О добывании в древности железа в долине р. Ангрэн сообщал М. С. Андреев. «Самое название Ангрэн, — замечал

автор, — есть искажение персидского слова «аганяро» — железных дел мастер». ⁶⁷⁰

На заседании ТКЛА говорилось и о Наукатском месторождении в Фергане, причем отмечалось, что по времени оно

Рис. 7. Андрей Дмитриевич Калмыков.

восходит к бронзовому веку; рудокопы того времени оставили «некоторые свои бронзовые орудия тут же, на месте работ. В коллекции П. С. Назарова (горнопромышленника. — Б. Л.) есть, между прочим, интересный экземпляр бронзового топорика, найденного в этих работах». ⁶⁷¹

* * *

Члену Кружка А. Д. Калмыкову принадлежала попытка выделить из состава знаменитого Аму-Дарьинского клада фи-

гурные изображения, одни из которых «представляют несомненно азиатов, другие высказывают резкое греческое влияние», вещи, характеризующиеся «греческим типом с азиатским оттенком»; таковы, по мнению Калмыкова, предметы клада за № 3, 86, 94, 101 и 103, по составленному Дальтоном и выпущенному в 1905 г. иллюстрированному описанию клада.

Автор сопоставил отдельные предметы клада с предметами из коллекции И. Т. Пославского и находил возможным датировать некоторые из них III в. до н. э. (вещи греко-бактрийского типа и сделанные теми же мастерами вещи восточного типа — туземно-бактрийского).⁶⁷² К числу восточных фигур, сделанных «может быть, под руководством греческих мастеров, но изображающих по типу лиц, фигуры и одежды азиатов», А. Д. Калмыков относил фигуры № 1, 48, 89 и 93. Он же сделал весьма меткие наблюдения касательно такого интересного предмета клада, как небольшая золотая колесница. Оспаривая мнение Дальтона и Нуоффера о сходстве этой колесницы с быстроходными колесницами, употреблявшимися для езды вскачь на состязаниях, войне и охотах, А. Д. Калмыков указал, что главное отличие скаковых колесниц от грузовых заключалось в положении оси относительно кузова, и делал вывод, что поскольку в аму-дарьинской колеснице ось проходит под серединой кузова (а не впереди оси, как в скаковой колеснице), и, кроме того, в ней налицо оглобли, продольная скамья и массивные размеры, то перед нами предназначенная для медленной езды арба; «Аму-Дарьинская арба,— писал автор,— есть древнейший образчик в Азии оглобелной упряжки, которая ныне в Средней Азии является исключительно употребляемой при запряжке арб».⁶⁷³ Свое утверждение автор доказывал и рядом других, более детальных наблюдений. А. Д. Калмыков указал на сходство со среднеазиатской керамикой золотого кувшинчика из клада (№ 17), золотой мелкой чаши (№ 21) и серебряной (№ 19). Автор полемизировал с Дальтоном и по вопросу об отнесении им золотых ножен клада к числу копий с ассирийских барельефов. Наконец, А. Д. Калмыков указывал на наличие в Бухаре, вблизи от места нахождения клада, золотых россыпей, считая, что некоторые вещи в клада «наиболее грубой работы» могли быть сделаны из местного золота («точно так же про камни, которые украшали некоторые предметы, можно предполагать, что они были взяты из соседних копей в Бадахшане. Он славился своими рубинами, а ляпис-лазурь вывозится по Аму-Дарье в Бухару и Европу»)⁶⁷⁴

В целом статья А. Д. Калмыкова представляла собой ценную попытку локализовать место производства и характер некоторых поделок аму-дарьинского клада, связь их со Средней Азией.

Член Клуба, сотрудник Ташкентской обсерватории. В. В. Стратонов сделал на заседании Клуба сообщение об астрономических занятиях Улугбека.⁶⁷⁵

На вполне научном уровне стояла обширная публикация начальника Туркестанского военно-топографического отдела ученого геодезиста Михаила Павловича Осипова об астробии 1088 г. х., приобретенной в 1909 г. у одного бухарца И. Т. Пославским⁶⁷⁶. Осипов сопроводил свое описание астробии литературой вопроса (впрочем, неполной), подробнейшим описанием самой астробии и указанием на практические приемы пользования ею (для чего к статье приложены изображения всех частей астробии и перевод надписи на дне коробки астробии с названиями городов и их географическими координатами, сопоставленными Осиповым с координатами современного атласа, а также списком звезд, сопоставленным с нынешними их названиями).⁶⁷⁷

Со вступлением в члены Клуба В. Н. Милованова еще более повысился интерес Клуба к вопросам древней астрономии. На заседании 4 марта 1913 г. В. Н. Милованов сделал сообщение (сопровожденное расчетами на отдельной таблице) — «Астрономические познания Самаркандских астрономов (по поводу раскопки обсерватории Улуг-Бека)»⁶⁷⁸, в связи с чем член Клуба Н. И. Нехорошев поставил вопрос о степени точности водяных и песчаных часов.⁶⁷⁹

Большое внимание членов Клуба привлек примечательный объект в виде изображения двух змей из черного камня, найденный жителями кишлака Сох, Кокандского уезда, при каких-то земляных работах на окраине кишлака, на глубине около 3-х аршин в 1893 или 1894 г. и пожертвованный Г. С. Батыревым Ташкентскому музею (через Клубок) в ноябре 1899 г.⁶⁸⁰

Впервые это изображение демонстрировалось в заседании Клуба 9 ноября 1899 г. при письме Г. С. Батырева, приобретшего его у находчиков.⁶⁸¹ В 1901 г. данный предмет древности вновь привлек к себе внимание Клуба мнением урмийского священника Мишака (Михаила) Абрамова, что «изображение это» якобы «необходимо отнести к числу священных предметов Иезидов-поклонников сатаны. Изображение змей соответствует образу (раскаившегося) дьявола» («одна голова змеи заботится о небе, а другая о земле»)⁶⁸².

Н. С. Лыкошин опубликовал на страницах газеты «Самар-

канд» легенду про змея, обитавшего некогда в местности Маргум, верстах в 40 к югу от Ходжента.⁶⁸³

В связи с находкой в кишлаке Сох другой член Кружка пытался собрать и обобщить сведения о змеином культе у различных народов мира и следах его в Туркестане.⁶⁸⁴

В связи с находкой в кишлаке Сох И. Т. Пославский продемонстрировал приобретенный им в Ташкенте медный сосуд с изображением двух ящеров, кусающих друг друга за хвост, и сообщил, что в его же собрании имеется глиняное изображение двуглавой змеи, также найденное в земле около Ташкента.⁶⁸⁵

В наши дни изображение из кишлака Сох издано М. Э. Воронцом, который установил, что в действительности речь идет не о двуглавой змее, а об изображении двух змей (одна составляет лицевую, другая оборотную сторону предмета, изготовленного из хризолита). Автор привлек к рассмотрению вопроса еще четыре изображения пятнистых змей, происходящих из Средней Азии, и аналогии с Месопотамией. По мнению Воронца, уникальная находка из кишлака Сох, воспроизводящая змей среднеазиатской фауны, относится к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. эры), в частности, ко времени расцвета оазисно-земледельческой культуры типа Анау, Намазга-Тепе и др.⁶⁸⁶

* * *

В 1913 г. А. А. Семенов опубликовал доставленную ему Н. С. Лыкошиным уникальную половину лицевого поливного изразца (найденную в г. Куня-Ургенче) в виде восьмиконечной звезды, на котором среди стилизованной цветочной орнаментации даны изображения двух человеческих фигур, из которых одна имеет вокруг головы нимб, сделанный красной краской. По «характеру самого способа изображения лиц на этих фигурах (контурами) рисунки, — замечал А. А. Семенов, — напоминают китайские сцены на различных фарфоровых изделиях из Китая. Но на этом и оканчивается между ними сходство».⁶⁸⁷

Известно, какое усиленное внимание ученых и широкой общественности привлекают к себе сейчас открываемые советскими археологами памятники монументальной живописи Средней Азии (Варахша, Пянджикент, Топрак-Кала, Балалык-тепе). Тем более хочется вновь отметить, что впервые остатки доарабской живописи были зафиксированы в процессе раскопочных работ В. Л. Вяткина на городище Афрасиаб в 1913 г. К сожалению, сохранить ее тогда не удалось: «от воздействия воздуха краски быстро осыпались и живопись погибла». По сделанной с натуры акварели художника

Б. Ф. Ромберга можно полагать, что живопись (стенная роспись) относилась к VI—VIII вв.⁶⁸⁸

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНОГО АКТИВА ТКЛА

Систематическая деятельность ТКЛА и освещение ее в печати не могли, разумеется, не вызвать отклика со стороны ряда местных (периферийных) работников, в первую очередь, из числа представителей русской и коренной интеллигенции.

С течением времени Кружок стал устанавливать связи с рядом лиц и получать от них сообщения о различных памятниках древности, а равно и сами предметы древности как дар Кружку. Некоторые из активистов Кружка помогали членам ТКЛА в их полевых обследованиях,

Мы составили на основании Протоколов и, частично, на основе неопубликованных архивных материалов и других данных не претендующий на полноту, но поучительный и полезный для справок перечень примеров сотрудничества с Кружком ряда лиц, среди которых были рядовые местные жители, мелкие чиновники, служащие, учащиеся, фельдшера, врачи, лесничие, техники, инженеры и др.⁶⁸⁹

Конечно, никакие усилия краеведных учреждений Средней Азии дореволюционного времени (к тому же крайне ограниченных в своих возможностях и зависевших от военно-колонизаторской администрации края, отнюдь не заинтересованной в просвещении широких народных масс) не могли привести к созданию подлинно массовой и широкой опоры в их работах. Только национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства, ликвидировавшая экономическую и культурную отсталость угнетенных прежде народов окраин царской России, создала все условия для расцвета науки и искусства. Она вызвала у народов Средней Азии и закономерный интерес к прошлому, к древней культуре.⁶⁹⁰
